ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

ОКТЯБРЬ
16-17

ПРАГА
1924

СОДЕРЖАНИЕ:

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. С огненной пастью. (Роман). . . 1
К. БАЛЬМОНТ. Стихи 17
ОТОКАР БРЖЕЗИНА. Стихи. — Перевел *П. Потемкин* . . *20*
Ю. ВОЛЬКЕР. О миллионере, который украл солнце. — Перевел *В. Верещак.* 21
НИКОЛАЙ БАЗПАЛОВ. Исповедь сотрудника Г. П. У. . . 29
ЭДУАРД БЕНЕШ. Затруднения демократии. 64
ЭС-ЭР. Соловецкая трагедия 82
Л. ГЕРШ. Лига Наций и мир. 95
С. ВЕРЕЩАК. Памяти Джугели и Хомерики. 114
Э. САНТЪЯГО. Испания под властью милитаризма. . . . 130
И. ЛАПШИН. проф. Умирание искусства. 140
МАРК СЛОНИМ. Анатоль Франс. 151
В. В. СУХОМЛИН. Политические заметки. 168
Е. СТАЛИНСКИЙ. Мания Самоограничения 193
Ф. РЕПЕЙНИКОВ. Белая «наука». 210
СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ. Вл. Тукалевский. Молодежь. — *Евг. А. Зноско-Боровский.* Заметки о русской поэзии. — *Б.* Естественные производительные силы России. 220
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ. Раб. Тагор. *М. С.* — С. Берже. *М. С.* — Алексей Ремизов. «Звенигород окликанный». *Вл. Т—ский.* — Современный Запад. *А—ч.* — Кооперетивное книгоиздательское товарищество «Колос» *А—ч.* — В. А. Мякотин. Очерки Социальной истории Украины. — Техника большевистского подполья. *Ф. Р.* — А. А. Поливанов. Мемуары. *Л.* — В. В. Руднев. «Русское дело в Чехословацкой республике». *В. Ар.* 232

Генеральное представительство и склад:

„ПЛАМЯ“, Praha II., Ječná ul. 32.

П1
543

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

III год изд.
№16—17
ОКТЯБРЬ
1924 г.
ПРАГА.
PRAHA,
Uhelný trh
čís. 1.

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

П1
543
1924 №16

С огненной пастью.*)

Люди делятся: на просто хороших и замечательных — просто хорошие — это те, кто идет на жертву за других, замечательные — кто идет на жертву до конца и ничего личного не имеет.

Например, замечательный человек не может жениться. — Жениться или выйти замуж — нельзя!

На Курсах был устроен «Бракоразводный комитет», влившийся потом в «Струю единения». Зачинщица: Варя Финикова, Оля, Лида Алексеева и Нина Маврютина. Цель комитета: предупреждать браки —

«а если не удастся, то разводить».

Когда узнавали, что какая-нибудь «стоющая», т. е. революционная курсистка выходит замуж или «стоющий» студент женится, посылалось письмо — стихи:

есть дни, когда так пошл
венец любви и счастья!

Комитет действовал. Но к великому огорчению ни одного брака не предупредили и никого не развели: кому задума-

*) Продолжение.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Ленинград
О 1960 акт РП-НЗМ

PĀRBAUDĪTS 1924. G.

ex 6185

лось, также женился, как и до стиха, и кому решено, выходил замуж и со стихом.

«Стоющая» курсистка Надя Ширяева вышла замуж за студента-лесника Кожевникова, тоже «стоющего». Пришла на Курсы. Здоровается.

— Оля, я в ваших глазах потеряла половину?

Оля сурово:

— Нет, три четверти.

Елена Ивановна Мавлютина, мать Нины, пошла на пари с Олей:

«Если до двадцати пяти лет Оля не выйдет замуж, она даст сто рублей Оле и сто рублей Нине; если же выйдет —»

— Мне от вас ничего не надо.

А Оля:

— Лучше в могилу, чем замуж.

И одно жалеет: ждать долго — целых восемь лет! — а получить бы сто рублей сейчас.

— Нельзя жениться и выходить замуж.

— Нельзя танцовать.

— Нельзя наряжаться.

— Нельзя причесываться по-моде.

— Нельзя — — чего еще?

Варя Финикова — законодательница «нельзя», она же и образец:

> большая, белые, как лен, волосы в скобку, неизменно в черной блузе со стоячим воротником и, хоть ей семнадцать, как и Оле, а какая-то вся линючая, походка — углом, а в слове — подчеркнуто: грубо и резко.

Финиковой старались подражать:

> Женя Шубина, совсем другая, — всякий на нее заглядывал! — Женя старалась размахивать руками, когда с Варей шла по Среднему проспекту; Оля танцовала, любила танцы — перестала танцовать; Лида Алексеева — остригла волосы.

*

Самым хорошим в мире — святое имя: Софья Перовская и Вера Фигнер —

Вера Фигнер — потому что столько лет сидела в Шлиссельбургской крепости,

Софья Перовская — повешена: принесла самую большую жертву, какую только может человек.

На Курсовом вечере в Дворянском собрании пел Фигнер.

Оля — ей очень понравилось — сидит молча. Зина аплодирует.

— Почему ты не хлопаешь?

— Его сестра — в Шлиссельбургской крепости, а он на императорской сцене: я не желаю ему хлопать.

После Фигнера Тартаков.

Оля хлопает — отбила все ладоши.

— А почему ты знаешь, — заметила Зина, — может, брат Тартакова в ссылке?

Оля очень рассердилась.

И главная ее всегдашняя досада:

что и Зина не «до-конца».

Зина — самая любимая и самая близкая. И Оля часто с ней ссорится.

Первая крупная ссора из-за «нельзя выходить замуж». Зина сказала:

она не собирается, но, может, когда-нибудь и выйдет!

Оля долго сердилась, а в день мира Зина ей подарила маленькую колоду карт — как раз любимое Олино — «маленькое».

И всякий раз, когда мирились, Зина говорила:

— Я хотела подойти к тебе и сказать: «Да ведь я — Зина! чего же ты сердишься?»

А Оля хотела, чтобы Зина так же, как и она сама, была всегда «до-донца».

«До-конца» в духе только у Оли — потому она и коноводит. И безо всякого — в ней нет этого, ну чтобы непременно первой —

— Не все ли равно, — говорила Оля, — кто сказал, лишь бы было сказано.

А внешне — у Финиковой, до опрощения которой, как н старались, никто не мог достигнуть —

ну, конечно, сама природа помогала ей стать об разцом.

Не «до-конца» — разное: не «до-конца» — это большин ство — это сочувствующие — это те, что шли «за компанию» хотели не отстать по виду и как можно долы поберечься.

Оля проходила науки — изучала историю и философи и литературу — всякие курсы: Введенского, Гревса, Котля ревского, Платонова, Шляпкина. И все это ей казалось так между прочим, самым же главным — читать, изучать и раз говаривать:

как жить той жизнью, чтобы пожертвовать со бой, и как жили те, кто пожертвовал собой?

Оля думала об этом и додумывала до самых мелочей.

Как-то поехали в Лесное компанией. Очень проголода лись. И все только об этом и говорили.

А Оля говорит:

— А как Перовская 1-го марта утром пила что-нибуд или нет?

(1-ое марта — день, когда для Перовской определилась ее жертва.)

Оля никогда не думала,

что вот Перовская убила —

Оля думала только о том,

что Перовская пожертвовала собой.

*

Вечеринка —

Конечно, спор: спорят с.-р. и с.-д. —

взлохмаченный мужиковатый «народник» и го родской уверенный, всегда хорошо одеты «марксист»,

краснощекая, пышущая паром земля и стальной мерный молот — кто кого?

Конечно, студент Фролов — танцор, спорщик, запевало («Эй вы, синие мундиры...») — «душа веселья» по словам Сони Ефимовой, всегда танцующей на вечеринках.

Конечно, песни, — революционные, студенческие и непременно —

закувала та сыза зузуля
ранным рано на зари...

что-то от «Слова Игорева», песен половецких, запавшее на скованную льдом Неву.

И непременно:

«прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми».

И танцуют.

Но вечер не в вечер и спор не в спор и прогресс не в прогресс и сам Фролов не веселье, если нет чего-нибудь такого: Чириков, например, приехал —

На вечеринке присутствовал вернувшийся из Сибири с каторги старый революционер-народоволец. Фамилию его скрывали из конспирации.

Оля была в восторге — в первый раз своими глазами она видела того, кто был на каторге.

Старик тоже зантересовался и сказал Оле величайший комплимент, какой только она могла представить себе:

он сказал Оле, что она ему напоминает Софью Перовскую.

А на другой день пришел к Оле в гости. Расспрашивал о Курсах, о их кружке.

А Оля — о своих «кумирах»:

ведь он знал их лично!

А сама все думает, хочет узнать:

просто ли он хороший человек или замечательный, т. е. женат или нет?

А спросить неловко.

И наконец придумала:

— А скажите, сколько людей живет в том доме, в котором вы живете?

Старик расхохотался:

— Вы наверно хотите знать, женат я или нет?

— — —

— Я женат, и у меня дети. Вы наверно думаете, что нельзя жениться?

Оля смутилась.

Но она уж знала:

перед ней просто хороший человек, но не замечательный.

*

За Олей студенты ухаживали —

Черкасов, Оводов, Рашевский, брат Зины, Фрид — у всех на виду, про это знают все Курсы!

Оля видела, что она нравится —

и ей это было приятно.

Но она никогда не сознается, что это приятно.

Оля старалась думать, что это очень нехорошо, и что Варя Финикова куда лучшее ее:

«потому что за ней никто не ухаживает!»

Само слово «ухаживать» зачислено было в «нельзя»: нельзя было даже произносить его.

Когда Оля приехала на каникулы в Ватагино, Наталья Ивановна сказала ей:

— У нас все говорят, что Владимир Михайлович Черкасов все тебе устраивал в Петербурге. Вообще ухаживал.

— Мама! — вспыхнула Оля, — не оскорбляйте меня: за мной никто не может ухаживать. Это — у вас.

— Ну, я не знала, как это у вас называют.

*

Оля хотела жить по той правде, которая открылась ей от «Страстей»:

чтобы ее гнали и в конце концов она погибла.

Оля хотела найти таких же — жаждущих погибнуть по тому же.

И сначала ей казалось, что и все так. Но понемногу она стала замечать, что не все, и по другому:

Маня Сажина хочет отмстить кому-то за все зло, за всю беду, какую она видела с детства — она жила с матерью и братом очень бедно; Лида Алексеева хочет своей гибели, пожалуй, как и Оля, но что-то и еще есть в ней, чего Оля никак не поймет, только чует: Лида кроткая, не властная, покорно готовая — — в петлю;

Зина Рашевская, самая близкая и любимая —

Оля была уверена, что и она и Зина «погибнут» — жить долго не будут.

А Зина — Зина хотела жить.

— Ну, пускай, Оля, нас хоть в каторгу сошлют, чтобы только мы жили!

*

На лекции Гревса по «Истории средних веков» Лида Алексеева сказала Оле:

— Хочешь увидать Ильину?

— Ну, конечно, хочу.

Оля хорошо знала «Историю революционного движения» и это имя было для нее «кумиром»:

Ильина двадцать лет пробыла в Сибири.

Целой ватагой курсисток отправились с Васильевского острова на Троицкую к сибирякам, приютившим Ильину.

Ильина встретила очень ласково.

Ильина рассказывала о Перовской и Желябове.

Оля не проронила ни слова. Но не все было так, как ей хотелось: некоторые слова коробили и удивляли.

«Желябов был женат!»

Если тот старик-революционер был женат и имел детей — «просто хороший человек» — это возможно, но «замечательный» — а другим Желябов не мог быть —

— Как это может быть? — возмутилась Оля, — неправда!

— Ну, вот еще, — рассмеялась Ильина, — такой красивый, горячий, да ему хоть всякий день влюбляться, а ты ему жениться не позволяешь!

ДЕМОНСТРАЦИЯ.

В воскресенье затеяли сниматься.

В Александровском саду около Жуковского — сборный пункт:

Оля, Лида Алексеева, Зина Рашевская, Маня Сажина, Нина Мавлютина.

Последняя пришла Варя Финикова — опоздала:

она только что встретила Брусилову, ходившую на свидание в Петропавловскую крепость с курсисткой Фирсовой.

— Фирсова отравилась в крепости уж полтора месяца. Только скрывали. А отравилась она потому, — и уж не говорила, а вызвякивала Финикова, — ее прокурор изнасиловал!

— Так этого оставить нельзя! — вспыхнула Оля.

— Нельзя! нельзя! — выкрикнули враз всей компанией.

— Митюрников повесился — и это прошло бесследно. Боровкин в пролет бросился —

И Оля стала приводить примеры тюремных самоубийств: историю революционного движения она знала лучше всех.

И подожженной кипящей вереницей шумно тронулись на Невский к фотографии Жукова, чтобы затем немедленно же приступить к обсуждению:

что делать?

И без того шумно на улице — весна. А когда еще горит — ничего не разберешь: и не одну пластинку испортил фотограф, пока наконец, не щелкнул —

Оля, Лида Алексеева, Зина Рашевская, Маня Сажина, Нина Мавлютина и Варя Финикова.

*

Переполненная аудитория, как весенняя улица:

и рёв и скребки и слит голосов.

Брусилову вытащили на кафедру:

Брусилова — первая и единственная, знавшая о Фирсовой, должна сообщить всем.

Безголосая — вряд ли услыхать и с первых рядов — застенчивая и робкая Брусилова начала.

А слабые ее слова повторялись громко и по несколько раз во все концы громким горячим кольцом курсисток:

— Фирсова отравилась в крепости уж полтора месяца —

— Только скрывали —

— А отравилась она потому —

И голоса зазвенели еще звонче:

— Ее прокурор изнасиловал —

— Так этого оставить нельзя!

— Нельзя! — подхватили, — нельзя!

— Митюрников повесился.

— Боровкин в пролет бросился.

— Нельзя! нельзя! — кричали со всех сторон и изнутри и с потолка, из самих стен.

Предложено было обсудить:

что делать?

И гудел один взрывчатый гуд:

— Нельзя — — что делать?

И в конце концов решено было известить студентов и с ними сговориться.

*

Второй день гудели Курсы.

Занятия прекратились. Кроме курсисток в аудитории никого не пускали.

— Что делать? — другого вопроса не было.

Не пускали и комитетских дам: они дежурили на лестнице и оттоваривали курсисток, запугивая Курсами:

«Курсы на волоске!»

«Курсы закроют!»

«Университет не закроют, Курсы закроют!»

И когда после споров и криков решили наконец отслужить панихиду в Казанском Соборе — «и чтобы как можно больше народу!» — и это совпадало с решением студентов,

напуганные курсистки стали вносить свои предложения.

— Отслужить панихиду в Исакиевском —

— чтобы не так заметно.

— Нет, каждый пусть отслужит отдельно от себя —

— чтобы совсем тихо.

И опять все перекувырнулось — безтолочь, смех и сердце.

— Глупости! — крикнула Оля и так крепко: она действительно была, как красное платье («когда осержусь, стану как платье!»), с ней не пошутишь.

Свистом и смехом запуганных прогнали.

Пробовала было возразить курсистка Орлова принципиально:

что буржуазная демонстрация не достигнет цели и что надо, не распыляя сил, сконцентрировать энергию на более важной работе среди рабочих.

Но и Орлова поддалась перед горячностью Оли и уступила, а к ней присоединились и другие с.-д.

Так и осталось:

отслужить панихиду в Казанском,
и чтобы как можно больше народу!

Профессоров тоже не пускали в аудиторию.

И все-таки одному удалось: это был любимый, хотя и не раз освистанный, Воркунов. И допустили его потому, что одна из комитетских дам сказала, будто «он знает и может сообщить прямое и верное средство.»

Шум на минуту улегся.

— Да, это факт ужасный, возмутительный, но не этим надо помочь... — горячо сказал Воркунов.

— Какое же средство хочет сообщить профессор? — громко спросила Зина.

— Молчи! Ты ничего не понимаешь! — крикнула ей с другого конца Оля.

Но Зина не пронялась и еще раз повторила вопрос.

И еще громче и повелительнее крикнула ей Оля:

— Молчи! Ты ничего не понимаешь!

И примолкшие вдруг хлынули голоса и гулом заглушили все слова:

Воркунов так и ушел, пообещав в следующий раз сообщить прямое и верное средство.

Оля распоряжалась — за ней и перед ней живая взбудораженная стена.

Зина едва пробралась.

— Оля, почему ты не дала мне говорить?

— Ах, какая ты глупая, разве можно было об этом спрашивать? Ты знаешь, про какое средство он говорил?

— Про какое? — виновато посмотрела Зина.

— Убить прокурора — вот верное средство.

— Убить прокурора! — повторила Зина.

И также, как Зина, протиснулась к Оле какая-то незнакомая невзрачная, заметная только своей красной кофточкой.

— Знаете, — сказала она, — лучше бы послать письмо матери Фирсовой.

— Да ее мать — прачка: кто ее послушает! — и Оля резко отстранила ее рукой.

Но та и еще раз — все о письме.

И уж Оля ее просто отпихнула, ничего не ответив.

А когда стали расходиться и в аудитории остались только самые неугомонные, Оля вспомнила эту плюгавку в красной кофточке и ей захотелось отыскать ее, объяснить и извиниться.

Красная кофточка мелькала по группам.

И Оля подошла —

ей жалко было заморенную, смотревшую еще заморенее в своем красном.

И, как только можно, ласково Оля принялась толковать ей, что письмо — бессильно, что мать Фирсовой по своему положению — прачка! — ничего не может, что ей и пикнуть не дадут.

— Да ведь она — мать, кому же ближе! — моргала незнакомая.

Но Оля уж рассказывала ей о действительно верном средстве, которое могло бы поправить что-то:

— Убить прокурора!

— Ильменева! — перебила надзирательница (эту надзирательницу на Курсах любили), — Ильменева! Подите сюда!

Оля и не пошевельнулась — она продолжала рассказывать незнакомой обиженной ею курсистке о своем прямом и верном средстве:

и потому, что это так верно,

и потому еще — она хотела загладить свою вину перед ней.

— Ильменева, я вас очень прошу! — звала надзирательница.

— Да что вам надо? — недовольно отозвалась Оля и бросила незнакомую, пошла к надзирательнице.

— А вы знаете, с кем вы обнимались?

— — —

— Ведь, это шпионка.

*

Канун прошел в сплошном крике.

Воркунов сказал - таки о своем прямом и верном средстве.

И каково было смущение Оли, когда средством оказался совсем не прокурор — «которого убить надо!» — а старая влиятельная фрейлина Лутохина, она же и комитетская дама, к которой советовал обратиться профессор.

Зина опоздала.

Зина вбежала в аудиторию, когда уж свистки выпроводили профессора с его верным средством, и лишь отдельные свистульки прорезывали голоса.

— Стачка среди баб! Стачка среди баб! — бегом кричала Зина и Оле и всем.

И хотя стачка у Лаферма среди папиросниц не имела никакой связи, но весть о стачке подняло дух и еще крепче скрутило и еще тверже поставило на своем:

завтра в двенадцать в Казанский!

*

Как прошел вечер и ночь!

Оля и Зина выбились из сил, ничего не ели и не могли заснуть.

А на утро к полдню студенты и курсистки стали собираться в Казанском Соборе — входили не сразу: Оля пришла со студентом Оводовым, Зина — с Фроловым, и все так.

И собор наполнился — тесно.

Сейчас будут просить священника отслужить панихиду: «новопреставленная Варвара.» И, конечно, священник откажет, тогда —

Священник отказался служить панихиду.

И тогда — а это было сильнее окрика и крепче плети! — тогда враз тронулись с места и уж не парами, а грозной стеной — к выходу. И на паперти громче весеннего стука зеленым шумом древний русальный клич вышел —

вечная память

И покатилось — на Невский, как в разлив широкая Нева волну катит —

вечная память — вечная память.

И тут произошло, что полагается — демонстрация в Казанском соборе не впервой! — разделенные казаками у выхода разбились на три группы и каждая пошла своей дорогой.

Оля очутилась в группе самой громкой на Казанской улице.

И до самой Казанской части — в цепи жандармов — шла с венками под русальный гул —

вечная память

Оля была счастлива.

*

На опустелых Курсах большой был переполох: и то, что Курсы «висели на волоске», и то, что курсисток задержали в Казанской части.

Все комитетские дамы были «поставлены на ноги.»

Директор поехал к градоначальнику.

— Моих-то отпустите! — просил директор.

— Ваши-то и кашу заварили.

Пришлось воспользоваться указанием «прямого и верного средства», предложенного курсисткам профессором, и с помощью старой влиятельной фрейлины Лутохиной дело было улажено.

Поздно ночью Олю и других курсисток выпустили из Казанской части.

Курсам был сделан «строгий выговор.»

И стали поговаривать, что «заварившим кашу» вышлют, — а они были все налицо:

Оля, Лида Алексеева, Зина Рашевская, Маня Сажина, Нина Мавлютина и Варя Финикова.

— Что же нам делать, Зина? Нас могут выслать! Хорошо совершеннолетним: выбирай город или назначат какой, а нас ведь к родителям.

— Что же нам делать? — приуныла Зина.

— А давай сделаем, как Софья Ковалевская! — нашлась Оля, — мы можем фиктивно выйти замуж.

— Да за кого?

Ломали голову и ничего не могли придумать.

— А вот что! — обрадовалась Зина, — у меня есть и еще брат — Алексей, студент в Казани, и у него, я слышала, большой приятель — Муратов. Давай сделаем так: я — за Муратова, а ты — за Алексея.

Оля согласилась.

И, не откладывая, написали письмо в Казань:

«мы две курсистки, принимали горячее участие в демонстрации и боимся, что нас вышлют. Для нас хуже всего, если вышлют к родителям — а именно к родителям нас и вышлют! Не можете ли вы с нами повенчаться фиктивным образом, если нас будут высылать. Ответьте поскорее, потому что, если вы не согласны, мы обратимся к другим.»

*

На Курсах, как только объявили о возобновлении занятий, решено было в первый же день после лекций выразить одобрение трем профессорам, которых видели в Казанском соборе на демонстрации.

Курсистки выстроились от профессорской — в зале, по коридору, по лестнице — до раздевальни. И когда проходили

профессора, одних пропускали молча, другим же «стоющим» каждая, аплодируя, говорила: спасибо!

А Воркунова решено было освистать: и за то, что «головы дурил» своим верным средством и еще за то, что сказал:

«демонстрация не поможет!» и еще — «среди курсисток есть несколько террористок - революционерок, а остальные, как стадо баранов!»

Предлагали освистать в коридоре же, чтобы еще резче было после одобрения «стоющим», но «заварившие кашу» воспротивились:

Воркунов был любимый профессор!

Нет, пусть под конец его лекции войдут в аудиторию математички — это и будет сигналом.

Ожидание было ужасно.

И когда стали входить математички, Соня Ефимова не выдержала и упала в обморок.

— Вот результаты вашей демонстрации! — сказал Воркунов и вышел, как вошел.

Все были заняты Соней — хрупкая тоненькая, позеленевшая, как стеклышко.

Так и пронесло — не свистали.

*

Начались экзамены.

Из Казани получилось письмо — ответ.

Писал Алексей, брат Зины, и его приятель Муратов, оба и подписались — «студенты второго курса медицынского факультета Казанского университета.»

«письмо ваше получили и видим, что вы девицы молодые и неопытные. И хотим вас предупредить: во-первых, по россейским законам муж имеет право требовать к себе жену, когда угодно, и даже по-этапу, — хотя мы вас требовать не собираемся, но вы нас не знаете! — во-вторых, по россейским же законам, жена имеет право требовать от мужа ⅓-ью часть имущества — мы просим вас, чтобы вы не требовали! Если, эти два

пункта, вы, обсудив, не измените вашего решения, то, когда вас будут высылать, дайте телеграмму, мы приедем и с вами повенчаемся.»

Письмо успокоило — как гора с плеч:
больше бояться нечего — в случае чего...
Экзамены шли легко и весело — и все кончилось успешно: Оля и Зина перешли на третий курс.
И никого не выслали.
Все сами разъехались — в гнезда к родителям:
Оля — в Ватагино,
Зина — в Казань.

(Продолжение следует).

Алексей Ремизов.

Барашки.

— Барашки, овечки,
Куда вы, все стадо?
— По синей нам речке
Скитаться услада.
— Куда ж вы бредете?
— На луг голубой: —
В предельном рассчете,
Последний там бой.

— Барашки, не вы-ли
Сражаться? Куда вам! —
Вдруг белые взвыли,
Сложились удавом.
Заржали конями.
Мелькнули, легки,
Подковы с огнями
Вдоль синей реки.

С громадой громада,
Быки и коровы.
Два вражие стада,
Свирепы, суровы.
Рогами, ногами,
Враги на врагов.
И в гуле и в гаме
Рычание псов.

И только-ли это?
Холмы-исполины
Средь гуда и света
Столкнули вершины.
От верха до низа
Враждующий лик.
Ползет на киргиза
Тяжелый калмык.

Расторглись все дали,
Разъялись все шири.
Дожди грохотали
В небесной Сибири

В гремящем Алтае,
От каждой скалы,
Червонные стаи,
Вполнеба орлы.

Но кто же однако
Сразитель всесветный?
Не вижу из знака: —
Лишь мост семицветный.
Хлопочут букашки
В расцветшем цветке.
Пасутся барашки
По синей реке.

Завыватель.

Неровный комок,
Бродячая влага.
Неспетая сага,
Неполный намек.
Содружный кусок
Руна тучевого,
Без звука, без слова,
Готовит свой срок.

Бессвязны, легки,
Что мыслите, нити?
Вы ждете наитий?
Вас ждут огоньки.
«Сцепляйтесь комки!» —
Им ветер трезвонит,
И белое гонит
Вдоль синей реки.

«Вы, серые, там!
Вы, белые, всюду!
Готовитесь к чуду?
Я силу вам дам.
Я выстрою храм,
Вы стройте твердыни.
Шататься-ль вам ныне?
Конец лоскуткам!»

Ни вниз, ни назад,
Дорогой полета!
Довольно болота
Курили свой чад.
Чу, в стену стучат.
Горит позолота.
Свершающий кто-то.
Пронзительный взгляд.

От огненных мух
Безумствует стадо.
«Так надо, так надо»,
Смеется пастух.
Почувствуйте — вслух.
О, сила — живого!
Да здравствует слово,
Да действует дух!

К. Бальмонт.

Отокар Бржезина.

Земля?

За мирами — миры и цветы,
За звездами звезды во мраке ночном,
И между ними мир, он кружит вкруг белого солнца
И полет его тайный, но радостный гром,
И больше всех претерпевшие души
Пребудут с ним и в нем.

Скажут сто братьев: знаем тайны его мы:
Мертвый восстанет от сна, стихнет живой дремля,
Скажут влюбленные: Светом излишним взоры слепит он,
Там время, как запах цветов неизвестных, всех убивает, целя,
А те, кому видеть пришлось тысячелетья,
Спросят с улыбкой: Земля?

Перевел *Потемкин.* (Из книги »Stavitelé chrámů«).

О миллионере, который украл солнце.

(Из сказок Ю. Волькера).

«Здесь лежит Юрий Волькер, поэт, который любил свет и готовился бороться за справедливость, но не успел закалить сердце в борьбе, умер 24 лет».

Такова надгробная эпитафия поэта, написанная им самим 29-XI 1923 г. Она сбылась.

3 января 1924 г. умер поэт, от которого молодая литературная Прага ждала многого.

В 1921 г. в Пшерове на Мораве возникла «Литературная Скупина», душой которой был Юрий Волькер. В группу входили Блатный, Гец, Градец, Ержабек, Халупа и др. В сентябре 21 г. решено было издавать журнал, который под влиянием Волькера был назван «Гость». В «Госте» Волькер поместил свою »Těžkou hodinu«, »Balladu v očích topičových«, произведения, создавшие ему имя в молодой чешской литературе.

«Скупина» хотела, чтобы «Гость» занял определенную позицию в вопросах социальных и литературных и эту позицию выразил в особом манифесте. Здесь и началось разногласие между «Скупиной» и Волькером. Поэт рассматривал журнал, как свободную трибуну молодой поэзии и настаивал на том, чтобы в «Скупине» были люди разных политических и социальных взглядов. Под его влиянием манифест не был издан. Однако, осенью, перед началом второго года издания, на общем собрании «Скупины» вопрос о манифесте был решен положительно и Юрий Волькер, опоздавший на собрание, был поставлен перед совершившимся фактом. Манифест был составлен в радикально социалистическом духе и Волькер, бывший уже тогда коммунистом, находил его чересчур туманным, нерешительным и компромиссным, а потому вышел из состава «Гостя», сохранив, однако, дружеские отношения с его сотрудниками.

Еще весной 1922 г. он вступил в литературный кружок «Девяти сил», органом которого являлся Var. На одной из вечеринок Var'a Волькер по поручению кружка выступал с программной речью. Но к концу года Волькер снова разошелся с кружком и вышел из него. Причины этого ухода неясны. Однако, можно с уверенностью сказать, что это расхождение было глубоко принципиальным. По воспоминаниям одного из близ-

ких друзей Волькера К. Тейге, причиной раскола была разница взглядов на революционное искусство. «Его строгое отношение к творчеству (пишет В. Незвал) вело его к особому роду социального новоклассицизма и совершенно не допускало экспериментов и эксцентричностей». Он исходил скорее из страданий рабочего, в творчестве своем, чем из революционного пролетарского стремления рисковать всем».

Это отношение к пролетарскому искусству заставило его уйти из «Девяти сил». Оно же и было причиной того, что коммунист-Волькер не хотел работать в Пражском Пролеткульте, находя его работу «несознательной и диллетантской» (Незвал).

Болезнь и быстрая смерть прервали искания Волькера в этой области. Но ясно одно: творчество Волькера-коммуниста не вместилось в шаблон Пролеткульта, больше того — отвернулось от этого шаблона.

Произведения Волькера в издании В. Петра состоят из тома его стихов, тома сказок и рассказов, и драм.

«Творчество Волькера, говорит в воспоминаниях своих Ф. Гетц, было синтезом его жизни, его переживаний. В стихах его бушует его собственное сердце, вибрируют его нервы и молится его душа».

Начало его творчества характерно особой гармонией переживаний («Святой Конечек»), какой-то «космической симпатией», охватывающей весь мир и самого Бога. Эта симпатия родит в нем какую-то органическую неприязнь к власти, к силе.

Она же возбуждает в нем стремления к человеческой солидарности «Радость всем и радость всех». «Пусть солнце видит всех и все его видят». Здесь то и начинается разлад в душе поэта, разлад, приведший к крушению его гармонического равновесия.

«Гость в доме» уже носит на себе признаки этого разлада. Сердце поэта, обнимавшее симпатией весь мир, вырывается из круга этой симпатии и склоняется к тем, кто страдает. В «Тяжелом часе» мир — круг бедных, больных, униженных. В этот период Волькер видит великое во всем униженном, страдающем, в изуродованных телах, отчаящихся душах. В них чувствует он новую радость, радость обновления мира. Так подходит Волькер к пролетарской поэзии (»Ballada o topičových očích«, »Služka« и т. д.). Так рождается в нем новый поэт, поэт масс и революции. Его лирика приближается к балладе, а от нее, естественно, к драме. Творчество Волькера требует трибуны. Создается его драма «Больница», «Гроб», «Высшая жертва».

Таковы этапы развития Волькера: поэт любви, поэт труда, поэт борьбы. Думаем, что и русскому читателю будет интересно ознакомиться с творчеством молодого чешского писателя. Печатаемая ниже сказка, быть может, хоть отчасти даст понятие о своеобразном таланте Волькера.

Жил на свете миллионер. Собрал он в своих руках богатства всей земли. Все мог пожелать и достать он. Жил в прекраснейшем дворце и все люди служили ему. Но миллионер был болен. Болезнь его была не столь опасна, как противна. По всему телу его росли отвратительные, желтые прыщи, которые днем мокли, а ночью ужасно жгли. Это была гнусная болезнь, настолько гнусная, что сам миллионер стыдился ее и старался укрыть ее одеждами из нежных тканей, а ночью в постели с шелковыми подушками.

Богатство его неустанно росло, но росла также и болезнь. Была опасность, что сыпь перейдет и на глаза. Этого миллионер боялся больше всего.

Каждое место на своем теле мог он прикрыть, глаза были единственным местом, которое должно было остаться неприкрытым, чтоб мог он жить, владычествовать, обогащаться.

Больной миллионер решился позвать доктора.

До сих пор он ни у кого не спрашивал совета, никого не допускал к себе, но хотел, чтобы кто нибудь знал, как он в сущности несчастен. Боялся, как бы люди, которые завидовали его огромному богатству, не порадовались его болезни. Думал, что если имеет больше всех денег, должен иметь больше всех и счастья. Остальные люди тоже так думали, глядя на его красивые платья, автомобили и роскошь.

И позвал он к себе наилучшего доктора и сказал ему:

— «Доктор, осмотрите меня хорошенько и посоветуйте, что я должен делать, чтобы вылечиться. Болезнь моя так отвратительна, что никто о ней не смеет знать. Поэтому, вы, конечно, извините меня за то, что я принужден буду казнить вас после этого осмотра. Я не верю ни дному человеку, а тем более человеческому языку. История царя Мидаса научила меня быть осмотрительным. Жене вашей будет выплачена высокая пенсия, а дети ваши будут учиться за мой счет.»

Доктор увидел, что пришел его последний час, так как власть этого человека была огромна.

— «Мои жизненные силы быстро тают, сказал миллионер, действуйте скорее.»

Разделся и стал перед доктором, похожий частью на раздавленную гусеницу, частью на выеденный зуб.

Доктора охватило отвращение.

«Как это возможно, подумал он, чтобы из за его язв я был убит. Я совершенно здоровый человек. Если он имеет право убить меня, я тоже имею это право. Прекрасно, назначу я лекарство, которое обойдется ему очень дорого».

«Милостивый государь, сказал он, я знаю лекарство от вашей болезни. Оно тем ценнее, что только вы один можете себе достать его. Вам нужно солнце. Но не те крохи его, которые, как милостыню, получают все остальные люди. Вам нужно все солнце, целиком. Вы владеете огромным богатством и с помощью его можете перенести солнце с небес в свой дворец. Как только вы побудете вблизи его благодетельных лучей, вы выйдете из солнечной ванны не только здоровым, но и бессмертным. Это единственное лекарство, которое могу вам рекомендовать. Ибо на вас сошли недуги всего мира; солнце же есть здоровье всего мира.»

Миллионер доктору поверил. Как мог он не поверить человеку, стоявшему на шаг от смерти. Только спросил:

— «Не знаете, дорого ли стоит солнце?»

— «Солнце дорого всем людям, может быть, одному дешевле.»

После этого доктор был уведен и казнен. Вдове вручили чек на приличную сумму; сиротам дали новые школьные книги, две хорошо сохранившиеся линейки из канцелярии миллионера и пенал для ручек с надписью:

«Сын мой, учись быть мудрым».

В это время миллионер обдумывал, как дешевле снять солнце.

Велел поставить высокие леса. Сотни инженеров построили великолепный подъемный кран. Архитекторы работали над планом здания, в которое должно было быть перенесено солнце и заперто с миллионером и его язвами.

Рабочие со всех стран света стучали непрерывно молотками, не для того, конечно, чтобы снять солнце, а чтобы прокормить жен и детей.

В одну ночь, которая была темнее, чем застывшее сердце, сняли люди для миллионера солнце с неба, спустили его в огромное здание и закрыли железо-бетонными стенами, со стальными пластинами.

Ни один луч не проникал сквозь них. На свете настала тьма, а миллионер радовался, что ему все так удалось.

— «Во тьме и Бог не узнает, думал он, что солнца нет. Я же между тем, стану бессмертным, кто потом может мне что нибудь сделать. Не остановлюсь на солнце, возьму все звезды и прибавлю их к моим сокровищам. Будут моими, как и ценные бумаги, спрятанные в банке »Ego«. Скоро не останется ничего, что бы не было моим. Куплю себе и самого Бога и сделаю его своим секретарем. Буду молодым, красивым, бессмертным и самым богатым. Кто победит меня?

Могу изнасиловать Землю, как женщину, и она будет рада тому, что изнасилована — ведь женщины любят сильных и ненасытных мужчин.

Гип - Гип.»

Между тем, люди пробудились от сна. Очень удивлялись, что солнце уж не светит. На небе зияла большая, красная рана, которую пожарные и красильщики тщетно старались погасить или замазать.

Люди собирались и кричали:

— «Где солнце? Кто унес солнце?»

Полицейские с электрическими лампочками наводили порядок. Это была тяжелая работа. Люди потеряли головы и нечего было напоминать им о тишине и о том, чтобы они расходились.

Миллионер велел зажечь все фонари. Сотни тысяч их пылало на углах улиц, в кофейнях, барах, кабарэ.

В предместьи же горели три тусклых фонаря, а в деревушках вытаскивали из заплесневших шкатулок старые восковые свечки и испуганно смотрели друг на друга.

Настала сумятица, которую усиливали черные нетопыри, прилетевшие неведомо откуда. Проститутки на улицах падали от усталости, так как ночь длилась слишком долго.

Миллионер рассчитывал:

— «Когда выздоровлю, буду из солнца выделывать спички «Гелиос», мазь для загара «Слунин» и все, что придется. Умелый человек может легко разбогатеть. Как я рад, что никто прежде меня об этом не подумал.»

Однако, люди повсюду все больше и больше волновались. Натыкались друг на друга, как испуганный скот. Поэтому мил-

лионер велел расклеить плакаты, а в газетах написать передовицы:

«*Наконец тьма...*

Извечный неприятель побежден.

Великолепный пример человеческого самопожертвования.

От сотворения мира люди были угнетаемы величайшим тираном, который когда либо существовал — солнцем. Его жестокую тиранию на своих плечах нес во всех государствах класс трудящихся, миллионы которых падали, сраженные на работе его пагубными лучами.

Медицински выяснено, а статистически доказано, что

100% (СТО ПРОЦЕНТОВ)

людей, которые родились под солнцем, под ним и умерли. Этому деспотизму должен был быть положен предел...

Известный филантроп г. Последний Миллионер (кто не помнит то беспримерное участие, с которым он обеспечил жену и детей трагически погибшего доктора X) велел за собственный счет снять солнце с неба.

Работа эта, благодаря его сверхчеловеческому самопожертвованию, удалась и солнце исчезло со света.

Вечная благодарность ему...

Требуйте проспекты.»

Те, у кого был свет, прочли это и успокоились.

Те же, у кого света не было, остались в тревоге. Много бабушек (тех, что были уже 20 лет глухи) говорило: «Придет конец света.»

Горе любовнику, который во тьме потерял любовь свою.

Уж не найти ее...

Между тем, богач, устранив всех своих слуг, пошел к Солнцу. Войдя в огромное здание, запер его накрепко, убедился, что стражи с револьверами и штыками хорошо сторожат все входы. Ключ оставил в двери, чтобы никто не мог смотреть в скважину. Потом стал раздеваться.

Солнце жгло.

«Как божественно греет, подумал миллионер. Большая сила входит в меня. Все нездоровое будет сожжено, переплавлено в чистый металл. Выйду, как молодой бог. Стольким людям да-

вало солнце счастье и здоровье. Я должен взять теперь всю сумму его, раз все другие отстранены.»

Солнце жгло.

«Немного жарко. Но не беда. Надо уметь переносить большое счастье. Лишь бы не очень болела спина. И голова. Рот, глаза, грудь и ноги.

Ах, жара невыносимая.

Съедает меня изнутри и снаружи. Мне кажется, что я превращаюсь в уголь. Потерпеть еще одну минуту. Потом уйду.

Уйду и прыгну в холодную реку.

Найду себе любовницу из льда. Расплавлю ее в своих объятиях. Буду самым сильным, богатым, бессмертным... Как я слаб, убог, как все болит. Умираю. Нет, не выдержу. Пойду. Довольно. Пойду. Бегу. Лечу.»

Голый, нищий, с сожженными струпьями и воспаленными глазами побежал к двери. Горе! Раскаленный ключ так пристал к замочной скважине, что сам Бог бы не открыл двери, если бы и хотел. Напрасно миллионер дергал ее, ломал. Здесь не было слуг, советников, рабочих. Был здесь один, как одно было его сердце в обожженной груди, как одни глаза в коре гноя и боли.

Миллионер задрожал. Тело его корчилось, как дерево в бурю.

Человек, не унесешь счастья всех. Не хватит сил и на свое.

Солнце жгло.

Миллионер свалился.

Осталась от него кучка пепла, не больше, чем железная монетка. Маленькая кучка тщеславного ничтожества.

Здание, которое выстроил в гордости своей, стало его катафалком, а солнце, украденное его больным честолюбием, было исполинской свечей над его трупом.

Никто не плакал.

А солнце жгло...

Так жгло, что скоро прожгло все стены. И те рухнули, как поставленные на песке. Провалились в землю, подобно чернокнижникам, исчезающим от заклинаний. Солнце вспыхнуло своим сиянием на все стороны. Лежало на зеленой траве, как золотой, огромный шар.

Люди обрадовались.

— «Видим дорогу, — говорили они и смеялись.

Обсуждали, как отправить солнце опять на небо, чтобы все его видели и оно всех видело.

Люди стали серьезными и совещались:

«Кто нам отнесет солнце опять на небо?»

В это время пришли двое детей: Маничка и Пепик. Кажется, были они из Вршовиц или Смихова*).

Во всяком случае, откуда то они были.

«Мы его туда отнесем — сказал Пепик. Я много раз носил людям чемоданы с вокзала. Недавно одному господину отнес такой большой, что все удивлялись. Как же не отнести солнце.»

Маничка и Пепик понесли солнце на небо.

«Вернитесь к обеду домой», — звала их мама.

«Вернемся, вернемся.»

И вернулись.

Перев. *В. Верещак.*

---

*) Предместья Праги.

Исповедь агента ГПУ.*)

Телеграмма была от семьи. В Москве я оставил жену очень больной. Теперь, повидимому, сделалось хуже. Скорый поезд — мне казалось медленно — полз к Москве, подолгу задерживаясь на станциях. Мысли беспорядочной толпой врывались в голову и проходили. Ни о чем определенном не хотелось думать, думалось машинально, нельзя же ни о чем не думать... Здесь впервые возникла мысль попытаться уехать за границу. Но и она ушла, не оставив следа...

В Москве началась опять нудная жизнь. Решетов требовал энергичной работы и «продвижения по партийной лестнице». К Лидии Петровне я ходил чаще, но о партийных делах мы с ней говорили меньше... В конце августа или начале сентября она попросила меня приготовить статью, так как намечается поездка за границу «своего человека». Кто ездит, она не сообщала.

Приблизительно к тому же времени, Решетов предупредил меня:

— Осторожнее нужно быть. Сейчас в эсеровских кругах некоторое беспокойство.

На мой вопрос о причине и характере «беспокойства», он ответил:

— Толчея получается... На вид будто работа и подвигается, а в действительности толкутся на одном месте... Потом слухи разные... Словом берегись, у эсеров ищут провокатора...

— В этом отношении я обеспечен...

— Это верно, — засмеялся Решетов, — подозревать тебя

*) Окончание.

трудно... Ты и в стороне, и от работы уклоняешься. Подозревают они, братец, одного члена Центрального Бюро...

И самодовольно похвастался опять, — не удержался:

— И то сказать, сколько времени работал и никого не провалил.

От Лидии Петровны ни о каком беспокойстве я не слышал и сам не замечал в ней никакого беспокойства. Декатова в последние дни чувствовала себя плохо, собиралась в Крым и ее активность заметно ослабевала, казалось, что она отходит от партийной работы. Я сообщил свои наблюдения Решетову. Он подтвердил.

— Да, ее оттирают...

И опять указал на Сидорова, посоветовав поближе сойтись с ним.

— Он скоро будет ворочать всеми московскими делами. Силой делается...

Но к Сидорову я ходил редко, почти совсем не ходил, никаких попыток к сближению не делал. Он не раз предлагал мне давать статьи в «Стремление», несколько раз приглашал на студенческие конспиративные собрания. Я не ходил ни на одно из них. Перед Решетовым и Сидоровым я отговаривался одинаково — Кравцовой; первому я говорил, что так или иначе, хоть один «осведомитель» у него будет, — Кравцова; Сидорову же указывал, что от нашего Института присутствует одна — Кравцова.

Лидия Петровна перед отъездом в Крым обещала прислать ко мне одну новую работницу, приехавшую из Киева — «Катю». Фамилию она не назвала. Условились, что Катя придет ко мне на службу. Сама Лидия Петровна отчаялась увидеть моего «Павла Васильевича Гаврилова». Катя должна будет сходить со мной к нему.

Когда я сообщил Решетову обещание Л. И. Декатовой познакомить меня с Катей, он сказал:

— Это Катя Бойко. Она приехала из Киева. Этой тебе легко будет очки втирать.

Решетов знал мой адрес. Но ко мне на квартиру ни разу не появлялся и не присылал никого. Неожиданным было появ-

ление Кузнецова вечером, перед самыми сумерками. Я вначале не узнал его. Глаз и щека у него были перевязаны черным платком, — для того, чтобы хоть немного на всякий случай изменить наружность. Он вызвал меня на лестницу.

— Внизу Илья дожидается.

Решетов без фуражки, с растегнутым воротником гимнастерки, ждал у подъезда.

— Вот что... Приготовься к обыску.

— К какому?

— С маленькой обшаровкой приедем. Так что ты прибери что лишнее. Понимаешь; тебя не возьмем...

Я пробовал возражать, но он замахал руками.

— Неизбежно... Необходимо приехать...

Спросил, когда удобнее для меня — сейчас или ночью? И убежал. За углом его дожидалась машина.

Через час ко мне явился Волков с ордером секретной части О Г П У, подписанным Дерибасом. Одна часть предписывала обыск и арест «по результатам обыска»; другая — содержала приказ начальнику внутренней тюрьмы «принять арестованного» такого-то. В начале я полагал, что Решетов хочет меня арестовать «за саботаж». Но зачем было предупреждать?

Волков и сопровождавшая его барышня-сотрудница, нехотя порылись в книгах, в столе, в сундуках. Составили «протокол», вручили копию дрожавшей от страха представительнице домового комитета и ушли.

Об обыске я сообщил на другой же день Лидии Петровне. Она была очень изумлена. Ни у кого из других, имевших отношение к московской организации, обыска не было. Объяснили его «старым знакомством» с Г П У. А Димитрий Павлович находил, что это даже к лучшему.

— Посмотрели, не нашли ничего и оставят в покое...

Причина обыска осталась для меня загадкой. На последовавшие мои распросы Решетов улыбался и ничего по существу не отвечал...

Успехи мои в «партийной работе» оставались по прежнему ничтожными. Решетова это начинало не на шутку злить. Декатова, кажется, примирилась с моей инертностью, как с фактом.

Однажды я привел ей одного знакомого мне по Таганке эсэра Семенова. Он приехал на Всероссийскую Сел.-Хоз. выставку. Говорил, что у них в уезде есть почва для работы, сам он не прочь возобновить связи, но не знает как, знакомых растерял. Я отвел его к Л. П. Декатовой. Но этим самым дал ей повод напомнить мне о «Павле Васильевиче Гаврилове». Напоминание тем более неприятное, что я со дня на день ждал «Катю», т. е. Катю Бойко, которая и отправится со мной к мифическому «Павлу Васильевичу Гаврилову». Я потребовал от Решетова «сотрудника». Он обещал его с весны, но теперь вместо обещания заявил, что мне в Москве не стоит больше оставаться.

— Здесь ты не выдвинешься. Упущено время... И зарекомендовал себя плохо...

В секретной части решено «перебросить» меня в Саратов. Там, при содействии Губотдела, я смогу занять значительное положение в поволжском Областном Бюро. Там есть свои — Суваркин и еще в Покровске двое, в Самаре — Скрипченко; потом из «посторонних» Зюрюкин... Решетов обещал устроить меня в Саратовском Университете и даже сохранить за мной место в Институте: Губотдел будет давать мне возможность ездить часто в Москву, здесь я буду сдавать экзамены.. А в Москве в партийном отношении — безнадежно.

Я воспользовался этим и попросил отпустить меня.

— У тебя много «осведомителей» гораздо сильнее меня. Я ровно никакой пользы не приношу.

Решетов об этом и слушать не хотел.

— Нет, не стоит и говорить... Тебя, конечно, все равно придется снимать с работы... Два года редко кто может продержаться. Ну, а сейчас все таки — послужи.

По плану Решетова я предназначался в делегаты от Саратова на будущий партийный съезд. В Москве мне, конечно, не удастся выдвинуться в кандидаты. А в Поволжье, при помощи аппаратов местных Отделов Г П У, это будет обеспечено.

В Саратов ехать мне не хотелось. На примере Уральска я видел, что Губчека, теперешние Губотделы Г П У выкидывали частенько очень темные коленца. В «центре» от них более обеспечен. Саратов же был знаменит провокацией по делу Матро-

сова, по делу «Губтопа», когда агент Губчека подбросил заведующему Губтопом миллион рублей, кончившееся расстрелом нескольких человек... Я решил не ехать в Саратов. В течение нескольких дней вел по этому поводу разговоры с Решетовым. Указывал ему на необоснованность переезда в Саратов.

— Тебя Кутузов переведет по службе...

Решетов оказывается уже вел переговоры по этому поводу с Кутузовым. Вопрос об открытии отделения Всероссийского Кооперативного Банка в Саратове поднимался давно. Кутузов обещал обеспечить мне там должность.

Решетов «утешил» меня в партийном отношении.

— Я сделаю так, что тебе предложат ехать в Саратов. Во всяком случае дадут полномочия на работу, как только узнают, что едешь...

Мне стоило очень большого труда — как и с Киевом — отклонить от себя опасность посылки в Саратов. Пришлось обещать Решетову съездить еще раз в Саратов и организовать там городское бюро партии социалистов-революционеров. Решетов обещал прислать в Саратов Скрипченко. Совместно с ним, должен буду поговорить о Поволжском Бюро. Из Саратова проеду — по мысли Решетова — в Уральск и Самару. Решетов думал достать для меня оффициальные полномочия на организацию Поволжского Бюро. Но оставил эту мысль.

— Не легко сделать... Скверно ты поставил себя в организации.

Решили организовать Саратовское Бюро явочным порядком. Для начала же организации Поволжского Бюро, я обязан свести Скрипченко, Суваркина и Зюрюкина.

Оффициальная командировка в Саратов, Самару и Уральск опять была устроена Д. И. Кутузовым на средства Банка. Этой поездкой я хотел воспользоваться, чтобы провести больную жену по Волге. Решетов на этот раз не дал «литер», а позвонил к Кутузову и попросил его выдать больше денег.

На Павелецкий вокзал явился провожать меня сотрудник 3-го отделения Новиков. Нужно было достать 2 места в «между-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

народном» вагоне. Новиков взял от «Ортагепеу» приказ контролеру спальных вагонов о «забронировании» 2-х местного купе. Контролер позвонил в Метрополь, в городскую кассу ж. д. Было еще рано, до отхода поезда оставалось 4 часа. Мы с Новиковым отправились в ближайшую пивную.

— Послушай, Гончаров, купи пачку папирос...

— С удовольствием.

— А то вчера выпили немного; все деньги просадил...

Пиво развязало язык Новикову.

— Этим летом жил я в одном совхозе недалеко от Москвы. Охранял эсэровских цекистов...

— Они что же, одни там были?

— С ними сидела Маруся Спиридонова. Охраняли мы их крепко, на каждом шагу часовой. А Маруся бежать попробовала... Вылезла, понимаешь, ночью из окна на крышу. Наши, понятно, увидели и ну стрелять... Не попали. Слезла с крыши, обратно... Ну, что с ней сделаешь?..

Я поддерживал разговор с Новиковым и наводил его на тему о «работе». На столе перед нами появилась уже пятая бутылка. Пивная была грязная. За столами, покрытыми изорванной и прожженной клеенкой, сидел разный сброд. Недалеко — «Зацепский» рынок. Половые шмыгали с бутылками, тарелками с сухарями и моченым горошком. В этой части города из партийных моих знакомых редко кто бывал. Но мы с Новиковым для безопасности сели в дальний угол пивной, спиной к окнам.

— Отчего я редко тебя вижу, — спросил я его.

— Я теперь по левым работаю.

— Я слышал от Решетова, что у вас с левыми дела скверно идут?

— Он тебе говорил, — покосился Новиков на меня.

— Говорил...

Решетов мне, действительно, говорил, что у него по левым в последнее время сильно ослабла агентура. На днях левые с.-р. оклеили всю Красную Пресню своими воззваниями. Третье отделение не могло найти «виновников» и места, где печатались воззвания. А прокламации уже появились в некоторых студен-

ческих общежитиях и ВУЗ-ах. Решетову ничего не осталось, как прибегнуть к массовым обыскам и арестам. Был произведен чуть не повальный обыск в Неопалимовском студенческом общежитии и арестованы все известные студенты левые эсэры.

— Да, левые законспирировались... У нас, понимаешь, провалился один. Хороший был парень, с ним я работал. Теперь молодежь осталась, а ее не пускают...

— Уфимец провалился?

— Да... А ты откуда знаешь?

— Даже больше знаю, — рассмеялся я. — Ты ведь знаешь, что от меня очень-то секретов не таят... Вот и теперь я еду... Но я слышал, что Юдкевич не совсем еще пропал?

— Так то так... Суд там еще, кажется, будет. И мы меры принимаем. Может и выйдет что. Да уж после этого все таки марка не та...

— Сами виноваты в его провале.

Новиков наклонился ко мне и понизил голос.

— Дураки из Губотдела... Юдкевичу поручил Суханов отвезти эту... как ее... платформу «Рабочей Правды». А в Уфе, в Губотделе отобрали у него, не велели передавать... Из-за этого пустяка и началось... Но мы принимаем меры. Все таки, может быть, удастся...

Новиков работал в 3-ем отделении еще с времени Кожевникова и Кузмина. С ним я встречался вообще не часто. Но знал, что он любит выпить. В этом он подражал своему бывшему начальнику. С шестой бутылки он заметно охмелел и стал рассказывать свои похождения по части выпивки. В его рассказе мелькали «Мартьяныч», «Ампир», Казино и т. д., лучшие рестораны Москвы.

— Знаешь Кузнецова? — Медведь! Полез я с ним в ресторан на Арбате... Натурально, — не пускает швейцар. Публика там — шик, непманы... Ну, а мы в гимнастерках без ворота... А Кузнецов в рыло. Скандал. Милицию позвали.. Ха-ха-ха...

— Скажи, Новиков, — мне нужно заграницу ехать, — Решетов может устроить?

— Отчего же не может. Устроит... У нас ведь заграничные паспорта.

— Ну да, — паспорта. А визу?

— Что визу? И визу... Зачем же у нас Иностранный Отдел?..

— Липу можно, в случае чего?

— Натурально...

Новиков достал мне купе. Распростились мы с ним самым дружеским образом. По возвращении из Саратова, обещал мне дать квартиру, у себя в доме против Кремля, недалеко от Москворецкого моста.

— Немного неудобно... Ко мне ходят на свидание наши парни... Но ничего, открою парадное и отгорожу тебя.

В эту поездку Решетов снабдил меня двумя письмами. Одно начальнику Саратовского Губотдела; другое начальнику секретной части Самарского Губотдела Г П У. Обещал, кроме того, известить Саратов о моем приезде телеграммой.

— А в Самару велишь Константинову послать телеграмму...

Письма были не на бланках, а на простой почтового формата бумаге. Одно — в Самару — не запечатано; другое заклеено очень тщательно.

В Самару Решетов писал:

«Уважаемый товарищ!»

«Предъявитель сего наш *очень серьезный* (— в письме подчеркнуто —) осведомитель по П. С.-Р. Он имеет от меня ряд заданий по Поволжью. Окажи ему всемерное содействие, если таковое потребуется. Держись осторожнее, свидания с ним обставь возможно конспиративнее, чтобы устранить всякую возможность провала».

«И. Решетов».

Другое письмо я распечатал уже в вагоне. Очень неловко. Конверт разорвался и его пришлось выбросить.

«Дорогой друг!»

«Мы решили организовать в Саратове Бюро Партии с.-р., которое будет связано с Центральным Бюро в Москве. В это Бюро введи своих осведомителей. Желательно привлечение Зюрюкина. Возможно из Самары приедет известное тебе лицо. Наш осведомитель устроит

совещание по вопросу об организации Поволжского Областного Бюро. Окажи нашему осведомителю содействие в предполагаемых поездках в Самару и Уральск».

«И. Решетов».

Передавая оба письма, Решетов указал на запечатанное и сказал:

— Смотри не потеряй. Выйдет такой скандал, что тебе не поздоровится!

Конверт с этого письма я сорвал, изорвал и выбросил из окна вагона. В Саратове запечатал в новый конверт — предварительно немного измяв его, — без всякой надписи. Свою руку приложить не решился. На случай возможных распросов, приготовил ответ, что Решетов ничего на конверте не надписал.

— Нельзя же мне везти при себе пакет, адресованный начальнику Губотдела Г П У.

Самого начальника Губотдела Г П У опять не было. Он был в разъезде по губернии. В той же самой комнате, что и в первый раз сидели Константинов и заместитель начальника *). Секретаря не было.

— Решетов приказал мне передать письмо лично начальнику, — вынул я из кармана пакет.

— Его нет в Саратове.

— Вот пакет. Берите на свою ответственность. Решетов заявил мне, что если оно не попадет адресату в руки, то мне попадет.

«Зам» посовещался с Константиновым — брать письмо или нет. Решили, что можно взять и распечатать, — оно не личное, адресовано главе учреждения, сейчас глава — «зам».

— Да, если бы потерять такое письмо, за это голову мало отрубить, — прочитал письмо «зам».

Встал вопрос, что делать с письмом? Константинов предложил сохранить его до возвращения Начальника. Мне это не улыбалось. Хотя конверт я поспешил прибрать со стола и изорвать, как только «зам» распечатал письмо, но начальник мог справиться о конверте. Я помнил о неприятности в Крыму. И посоветовал «заму» изорвать на всякий случай письмо, — такие письма неудобно хранить. Он закурил папиросу и поджег спичкой бумагу письма.

*) Фамилию его я не помню.

— С нашей стороны будет все сделано, — заявил «зам». — У вас есть наш Суваркин. Он привлечет своих знакомых. Если нужны деньги, Константинов даст. У тебя есть деньги? — обратился он к Константинову.

— Немного...

— Завтра выпиши... Ну, а пока до свиданья. Звоните ко мне, в случае нужды...

Он пожал руку и ушел.

Я познакомил Константинова с «планами» моих действий. Завтра я сообщю Суваркину о желательности организации Бюро. Дня через три назначаю совещание. В это время разыщу Зюрюкина и переговорю с ним. Для того, чтобы солиднее замаскировать меня от Суваркина, Константинов должен сделать вид, что слышал о моем приезде от него, Суваркина, и потребовать, чтобы Суваркин обязательно постарался войти в Бюро.

В конце беседы, Константинов, качая головой, спросил:

— А что, ваше Центральное Бюро не является сочинением Решетова?

Я пожал плечами.

— Нет ли кроме него настоящего центрального Бюро? На след которого мы не можем попасть? — продолжал Константинов.

— Ну, это вряд ли...

— Здесь у нас ездил один из «Хлебопродукта» в Москву. Ходил с письмом к Максимовой... Вы знаете Максимову?

— Нет, не знаю... Слышал, как будто, но не знаю...

— Максимова его приняла холодно и заявила, что теперь не связана с эсерами...

— Я не слышал, чтобы Максимова принимала участие в работе нашей организации...

— Вот... А она должна бы... Она ведь из Саратова.

Я распрощался с Константиновым. Провожая меня, он попросил:

— На этот раз следовало бы сходить к Сахарову. И подходящий продлог есть.

В самом деле, на этот раз отказаться, ссылаясь на отсутствие всякого предлога к посещению, решительно нельзя было. В оффициальном командировочном документе Всероссийского Кооперативного Банка значилось, что я уполномочен произ-

вести обследование кооперативных организаций Саратовской, Самарской и Уральской губерний. Сахаров был товарищем председателя Губсельсоюза...

На другой день с утра я отправился в Губсоюз. Навел справки о Зюрюкине и о Сахарове. Сахаров оказался в отъезде. Зюрюкин дня через три-четыре собирался в Москву. Это значительно облегчило мою задачу. Ни к Сахарову, ни к Зюрюкину мне не хотелось итти. Теперь стоило только оттянуть время, как видеть их будет не в моей уже воле. В этот же день я зашел к Суваркину. Поговорил об организации Бюро и назначил день собрания, попросив Суваркина привести наиболее «надежных» знакомых. У Суваркина с Кишкиным связь установилась, но последний слабо ее поддерживал.

Вечером я предложил несколько изменить первоначальный «план». Отложить посещение Зюрюкина на несколько дней. А в это время дать мне автомобиль для поездок в окрестности Саратова.

— У меня знакомые эсэры были. Если найду, привлеку к работе.

О Сахарове сказал, что он в командировке.

— Но как только приедет, обязательно схожу к нему. Это даже удобнее: за это время познакомлюсь с Зюрюкиным, а этот уже познакомит меня с Сахаровым.

Константинов на все был согласен. Автомобиль дал на одну поездку в Улеши. Для поездки в одно из пригородних сел, расположенных на берегу Волги, выписал через речное транспортное отделение Г.П.У. моторную лодку.

Разумеется, поездки, занявшие два дня, не дали желательных результатов.

— Разъехались мои знакомые. А один в коммунисты перемахнул. Теперь в Астрахани...

Во время поездки по Волге, на пристанях встретил знакомого уральца К.

— В Уральск собираюсь...

— В тюрьму захотели?

— Нет... Петр Захарыч там?

— Что ему делается?! Только тово... он что-то с чекистами связался... говорят...

— Ну, это — пустое!

Петр Захарыч — свояк Скрипченки — Иванов, который предназначался к агентуре по Уральску. Мне положительно везло. Подмоченность репутации Иванова избавляла меня от поездки в Уральск, которая не сулила никаких удовольствий.

— Как Яков Карпович? — спросил меня К. — Я слышал, он к вам присосался?

— То-есть, как присосался?

— Так... Только напрасно. Он вам ничего хорошего не даст. Известный вор, у казаков крал сахар — его секли; у большевиков растратил громадные деньги, его подержали немного в тюрьме и выпустили...

Константинову я сообщил о слухах про Иванова и просил его известить Уральский Губотдел Г П У.

— Сам я туда не поеду. Неудобно, понимаете...

Пока я разъезжал по Волге, Зюрюкин из Саратова уехал.

Круто обострилась болезнь моей жены. Она потребовала возвращения в Москву. У нее самостоятельно от меня возникла мысль ехать за границу, в Берлин. В Саратове и у меня окончательно определилась и окрепла мысль уехать за границу.

По опыту я знал, что местное Г П У не выпустит меня из города без достаточно сильного предлога. Я сказал Константинову, что дела оффициальной командировки требуют моего отъезда в Москву на несколько дней. Но к назначенному собранию обещал приехать.

— К этому времени и Зюрюкин подъедет.

Сослался и на то, что не появляется Скрипченко, без которого все равно не удастся всего сделать. Константинов согласился на отъезд, но взял обещание непременно поспеть к сроку собрания.

— А Скрипченко я вызову по телеграфу...

Ехал я в Москву с определенным намерением немедленно же попытаться получить от 3-го отделения разрешение на поездку за-границу. В день приезда в Москву я и обратился к Решетову с соответствующей просьбой.

Одно обстоятельство при самом начале разговоров о за-границе чуть было не помешало мне.

Неделю спустя после моего возвращения в Москву, из Саратова от Начальника Губотдела Г П У пришло в 3 отделение письмо. Начальник описывал мои разъезды на автомобиле по

Саратову и окрестностям, на моторной лодке по Волге, сообщал, как я обманул «Начсоча», — здесь «нач» прикрасил и писал, будто бы я заявил им, что поездки мне нужны по «центральной разработке», — ничего не сделал, и просил Отделение при будущих поездках «передавать» меня «в распоряжение Губотдела», которое и могло бы меня использовать всесторонне и до конца.

— Что же это ты, братец, какие коленца выкидываешь, — выговаривал мне Решетов, — так нельзя. Ведь если я сообщу «хозяину», то тебя по головке не погладят. Ведь ты знаешь, каков Дерибас? Он шутить не любит... А я не могу скрыть письма.

— В письме немного неточно излагается...

— Скажешь: — врет? Не может же Начальник Губотдела врать... В следующие разы, смотри, не делай этого. Сам подумай, почти год — и от тебя никаких результатов. Я к тебе очень хорошо отношусь, но ведь нельзя же, — в Крым ездил, ничего не сделал, жил в Ялте для своего удовольствия; из Саратова сбежал неожиданно... Этак нельзя.

Решетов, действительно, относился ко мне недурно. Повидимому, он не только не доложил письма Начальнику Секретной части О Г П У, но не показал и своим помощникам. По крайней мере при свидании с заместителем Решетова Ошиным, на мое замечание:

— Саратовцы, кажется, недовольны моей работой?

Он ответил:

— Отчего? Решетов говорил, что напротив — довольны. Я сам видал Константинова, он тебя хвалит.

Константинов приезжал в Москву еще до моей последней поездки в Саратов.

На ряду с хлопотами о поездке за-границу мне пришлось провести еще одну «операцию». Ко мне на службу явилась Катя Бойко. Между прочими разговорами попросила познакомить ее с «Павлом Васильевичем Гавриловым». Бойко жила нелегально, постоянного адреса не имела, переходила с одной ночевки на другую. Я назначил ей свидание в Институте. Бойко жила «нелегально» и предполагалось, что Г П У о ней не знает. Но Решетов сообщил мне, что я «Кате» очень понравился, что с многими из моих соображений она согласна и т. д. На первое свидание с Бойко я не пошел. Объяснил тем, что заме-

тил «слежку» и предпочел убраться. Такой аргумент, конечно, был признан веским и второе свидание оттянулось в неопределенность. На этот раз Решетов определенно обещал доставить агента. Но — «Гаврилова», да еще «Павла Васильевича!» — достать, понятно, было невозможно... Решетов позвонил ко мне по телефону и пригласил к себе на квартиру к 9 часам вечера, — будет «Гаврилов». В 9 часов я нашел у Решетова молодого человека лет 19, с еврейским типом лица, блестящими и наивными глазами.

— Вот тебе и Гаврилов, но только звать его Сергеем Иоффе.

Решетов прочитал Иоффе при мне, повидимому уже не в первый раз, инструкцию, указал, как себя держать и что от него требуется. Иоффе безмолвно мотал головой...

Я решил познакомить Иоффе с Лидией Петровной. Но как объяснить ей исчезновение Гаврилова? Иоффе сказался очень сообразительным парнем. Он предложил рассказать следующую историю: недавно из сытинской типографии уволено около двухсот человек; увольнение произведено на политической почве, выкинули всех подозреваемых в меньшевизме и эсэрстве; Гаврилова при этом то же уволили, он тут же собрался и уехал в деревню, но перед отъездом познакомил его, Иоффе, со мной; с Гавриловым Иоффе был знаком давно, читал с ним вместе «Революционную Россию» и листовки, откуда брал их Гаврилов, он до сих пор не знал... Иоффе вытвердил все это наизусть.

В пути из Замоскворечья до Делового Двора, — по мокрой Пятницкой и вдоль холодной решетки черной Москвы-реки, — Иоффе рассказал историю своего завербования. Иоффе, вероятно, следуя наставлениям Решетова, был скрытен со мной. На мой вопрос к кому он должен итти на свидание и куда, — перед тем он сказал мне, что ему в 11 нужно быть на «явке», — он хотел отмолчаться и переменить разговор.

— К Плахову, — назвал я сам фамилию.

— Это я не могу... Без его разрешения я не могу сказать...

На откровенный разговор мне нелегко было вызвать его. К тому же приходилось действовать осторожно. Иоффе мог передать Решетову и тот, конечно, не поблагодарит меня за мое любопытство. Но в конце концов он развязал свой язык. Оказывается, «заагентурили» его года полтора тому назад в Гомеле.

Он служил в Губпрофсовете (Губернский Совет Профессиональных Союзов); к нему на службу повадился ходить совсем незнакомый человек; расспрашивал его о служащих и о посетителях. Иоффе передавал ему все сплетни. В один прекрасный день незнакомец пригласил Иоффе к себ на квартиру. Иоффе вечером, после службы, явился.

— Вы должны будете служить у нас, в чеке, — с первого слова заявил незнакомец, — иначе я тебя здесь же застрелю.

На столе перед незнакомцем лежал револьвер.

— Зачем стрелять... Я и без этого еще не отказывался...

Нужно сказать, что Иоффе очень красочно рассказал мне этот эпизод, изобразив его в лицах.

После этого Иоффе уже в качестве секретного агента-осведомителя работал в разных учреждениях Гомеля, Могилева и, наконец, в июне попал в Москву. Здесь его определили в столовую рабочих сытинской типографии счетоводом, в расчете, что столовка — самое людное место, где иногда развязываются языки. Он писал доклады о «настроениях». Коммунисты исключения не представляли и за ними нужно было смотреть.

— А недавно я сам выследил собрание у одного меньшевика, — похвалился передо мною Иоффе; он назвал имя этого меньшевика, но я его не запомнил.

Дней пять-шесть назад его розыскал Плахов. — Иоффе признался в конце концов, что он связан с Плаховым, — растолковал, что от него требуется, велел не являться на «старое место» (т. е. куда раньше носил доклады) и дал 3 червонца денег.

— А раньше мне ничего не давали... Раз даже избить хотел, за то, что я не выследил одного...

Плахов же велел администрации типографии дать Иоффе комнату, до сих пор он комнаты не имел. Ему очень нравилось, что на «новой работе» деньги платят.

— Теперь сапоги можно будет новые купить...

Он горел нетерпением скорее познакомиться и «начать». Указывал только, что он ничего не понимает в эсэровской программе и даже объяснить не сможет, почему сочувствует именно эсэрам. Попытался я у него узнать, не мучает ли его совесть за такую «работу». Но он не понял моих наводящих вопросов.

Разумеется, я предчувствовал, что Лидии Петровне покажется странным Сергей Иоффе. Так оно и вышло. Познакомил я их. У Декатовых в это время была Кравцова и еще кто-то. Через минуту Лидия Петровна подошла ко мне.

— Это кто же? Гаврилов? — наклонившись, шопотом спросила она.

— Нет не Гаврилов, а Иоффе.

Потом Димитрий Павлович рассказал мне, что Лидия Петровна рассердилась на мою «неосторожность». К счастью, Иоффе сумел произвести хорошее впечаспение. У него, действительно, было умное, открытое и немного по мальчишески наивное лицо.

Больше, помнится, Декатова не видела Иоффе; я познакомил с ним Катю Бойко, которая и принялась «обрабатывать» Иоффе в эсэровском духе. Решетов поручил мне руководить на первое время поведением Иоффе. Я учил его писать «корреспонденции» о жизни «рабочих», советовал, как держаться, что говорить и какие вопросы задавать Бойко. Сама Катя Бойко при мне беседовала с Иоффе, осталась, кажется, довольна им. Она проэктировала образование кружка. Что у них вышло, не знаю. К этому времени я уже собрался уезжать.

* * *

Большой надежды, уверенности на получение от 3-го отделения разрешения на заграничное путешествие у меня не было. В начале лета 1922 г. я уже делал попытку отпроситься за-границу, обещая через эмиграцию войти в российскую эсеровскую организацию и занять в ней более или менее видное место. Тогда Самсонов отказал. Теперь я решил действовать по принципу — «за спрос дорого не платят». Неблагоприятно было то, что незадолго перед этим, накануне поездки в Саратов я просил у Решетова увольнения с «работы». Собственно разговоры эти велись с самого начала 1923 г., с первого знакомства с Решетовым, а до него с Самсоновым. Но в последний раз я особенно настойчиво потребовал у Решетова устранения. При просьбе о поездке за-границу могло возникнуть подозрение, что ничего не добившись «легальными» путями, я хочу

бегством прекратить всякие сношения с 3-м отделением Г П У. Нужно было действовать осторожно и помешать возникновению такого подозрения.

Вечером, часов в 9, в день приезда из Саратова, я пошел к Решетову... Осенний вечер. Мелкий, частый и холодный дождь нудно сеял на Москву водяную пыль. По улицам, с светлыми пятнами фонарей в лужах, торопливо бежали редкие прохожие, съежившись и уткнув нос в воротник. Приближаясь по Кузнецкому к углу Рождественки, я терял и слабую надежду на удовлетворение моих желаний и на успех моей миссии. Нырнув в темную, бесфонарную Рождественку, был уже уверен, что ничего не выйдет. Словно мелкие капли дождя размыли мою надежду и мою решимость говорить с Решетовым. Мне до жути ясно представилась вся фантастичность моей затеи. Я присел на мокрый камень ограды Строгановскаго училища. Итти уже не хотелось. Казалось ,что Решетов по тону догадается, чего я хочу в действительности. Решетов человек умный, а у меня наверное все написано на лице, так сильно было желание и жажда успеха, так выпирали они наружу. Он только посмеется. Полная безнадежность охватила цепко душу.

Сделал над собой усилие. Встал и свернул в узкий и кривой Варсонофьевский, мимо часового в мокром дождевике у подъезда «Санитарной части Г П У.» В средине переулка, рядом с домом № 7, в глубине двора — церковь. Около нее я остановился и воротился было назад, но не прошел и церковной ограды, как опять направился к дому Решетова.

Решетов занимал две комнаты в квартире № 7. В этой квартире жили еще две семьи сотрудников Г П У. К Решетову — три звонка. Иногда, если Решетов не дома, открывали его сожители. Было неприятно под их ощупывающим взглядом. Правда расспросов не полагалось, такова, повидимому, конституция чекистского общежития. Но взгляды кололи.

На этот раз дома не было ни Решетова, ни его жены. Какая то женщина пропустила меня, осматривая с ног до головы, в коридор к телефону. Я вызвал Г П У , — телефонная станция коммутатор Г П У давала без номера, но из города «осведомителям» воспрещалось вызывать Г П У , существовал особый

конспиративный № 2 - 25 - 33, — добавочный 1 - 44, кабинет начальника 3-го отделения. Решетов у себя и обещал через полчаса притти.

Я прошел в комнаты Решетова, зажег свет и сел около его письменного стола. На столе, как всегда, стоял пузырек с чернилами, ручки и несколько карандашей. Рядом этажерка с книгами. Меня била легкая, как лихорадка, нервная дрожь. Слагавшиеся ранее в голове планы приступа к разговору, доводы и пр., исчезли, вылетели, начало нити потерялось... Звякнуло три удара. Я встал, чтобы отпереть, но меня кто-то предупредил. По коридору застучали тяжелые и твердые шаги Решетова.

— Приехал, — вошел он в комнату.

— Приехал.

Он удивился, что так скоро.

— Все благополучно? Все сделал?

Я объяснил, что сделать пока не удалось ничего. Дело в том, что Зюрюкин уехал из Саратова и сейчас в Москве. Скрипченко из Самары не являлся. Иванаева пришлось оставить в покое, так как о нем пошли слухи. С одним же Суваркиным и его «знакомыми», разумеется, немыслимо. С ними можно «засыпаться»; сам Суваркин очень недалек и не может играть роли главы и руководителя Бюро.

— Это скверно, что у тебя никогда ничего не выходит.

— Ты сам видишь, что причина неудачи от меня не зависила.

Решетов махнул рукой.

Затем я перешел к непосредственной цели посещения. Начал я с признания, что неудачи мои зависили не только от обстоятельств, но и от меня самого. У меня, совершенно верно, не было достаточной энергии. Но причина хандры и размягченности не в злом умысле или нежелании работать, в скрытом саботаже, а в чем-то другом. Я сам тягочусь своей бездеятельностью. Причина в неналаженности моих личных дел. У меня больна жена. Это меня страшно беспокоит и мешает спокойно отдаться работе.

Я тебя, Илья Федорович, очень признателен, что ты дал возможность съездить мне в Крым.

Но Крым не помог. Думал сейчас воспользоваться поездкой в Поволожье и провести жену по Волге, но в Саратове болезнь обострилась и пришлось бросить все дела и ехать в Москву.

— Я сам вижу, что я не работник. Зря тратите на меня деньги...

В таком положении, конечно, 3-му Отделению лучше и выгоднее отпустить меня. Решетов этого не хочет, полагая, вероятно, что в их большом хозяйстве всякая дрянь пригодится. Но ведь хорошая вещь всегда лучше дряни. А я могу быть хорошим работником, а не дрянью. Это я доказал на «Народе». Стоит только помочь мне освободиться от личных неприятностей.

— Врачи прописали моей жене поездку в Германию .Разреши, Илья Федорович, съездить мне заграницу на месяц или на полтора.

— Ну что ж, поезжай. Я не буду мешать.

Он сказал это, нимало не раздумывая. Меня поразило такое быстрое согласие. Но не обрадовало. Разрешения то одного, по существу, далеко не достаточно. Мне показалось, что Решетов учитывает это и потому так скоро соглашается.

— Но этого мало. Без твоего содействия я не смогу поехать. Ты должен помочь мне....

— Это труднее... Отчего тебе не съездить на Кавказ? Это было бы легче устроить...

— Не поможет... По возвращении из за границы, я даю слово, что сделаюсь членом, по крайней мере, Московского Бюро.

— Ну, усумнился Решетов, — как это ты сделаешь.

— Сделаю, там увидишь...

— Хорошо. Не обещаю. Но поговорю с хозяином, может быть, что нибудь и выйдет...

Достигнутый результат превышал самые радужные мои надежды, собственно я и не мечтал, что так быстро добьюсь, без всяких почти усилий, согласия, пусть пока формального, но все таки согласия. Но надеждами излишними я себя не прельщал. Поэтому дела свои и служебные и учебные продолжал вести в обычном порядке. В Институте меня, как не коммуниста и представителя «анти-советского элемента», обложили платой в размере 5-ти червонцев. Для взноса половины платы срок уже приближался. Невзнос грозил исключением. Денег у меня не

было и я позвонил из Банка Решетову. Он обещал прислать 3 червонца к 3 часам к памятнику первопечатнику, что против Рождественки у стены Китай города. В три меня поджидал там Новиков в своей неизменной кожаной тужурке и в кожаной блином фуражке. Он ходил вдоль ограды памятника у ворот Третьяковского проезда. По ритуалу мы перекинулись взглядами, я вошел в ограду памятника и через ворота в проходной двор на Никольскую; Новиков следовал за мной. Во дворе, улучив момент, Новиков сунул мне в руку белую, в четверосложенную бумажку.

— Зайдем в пивную, — предложил я.

— Удобно ли будет? А, впрочем, пойдем.

Мы уже без всяких предосторожностей отправились в пивную. На углу театрального и Неглинного проезда была недурная, правда, грязная пивная «Новая Бавария». В ней подавалось на немецкий манер пиво в кружках — «выставочное пиво». Это пиво привлекало к себе много публики. И пивная была всегда полна. Чадная испарениями и табачным дымом и шумная пьяными голосами. Сюда заходил частенько Декатов, бывал я с Сидоровым, был доктор С. А. С.; пивная — небезопасная. Мы с Новиковым шли против всяких инструкций — «на риск».

С первой кружки «выставочного» я попытался узнать, какое отношение к моей просьбе о поездке со стороны 3-го отделения и говорли ли Решетов с Дерибасом, «хозяином» — Начальником Секретной Части Г П У, Новиков ничего не знал.

— Устроит, — нашел нужным обнадежить меня.

По мере того, как начинала затуманиваться и кружиться голова от кружек, быстро следовавших одна за другой, Новиков делался разговорчивее. Он рассказал мне сначала, как в днях пил коньяк в уборной одной актрисы Малого Театра, напился пьяным и проспал всю ночь.

— Здесь наша одна есть, — указал он здание Малого Театра, угол которого серел из окна.

Потом он перешел на свою «деловую» практику. Новиков по занимаемой должности был в курсе всей подноготной 3-го отделения, самой интересной его части — секретной агентуры. Выпившим он делался откровеннее в этой области.

— Ты, ведь, в Коммерческом? — спросил он меня.

Получив утвердительный ответ, он оглянулся, — один из соседних столиков был пуст. За другим сидела пьяная компания, отчаянно шумевшая, — придвинулся ко мне и зашептал.

— В прошлом месяце случай там был...

Я раньше Новикова в Институте слышал об этом случае. Но в устах Новикова, он,, разумеется, получал новое освещение. В Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса (бывш. Коммерческий), который являлся постоянным местом районных собраний замоскворецких коммунистов, было назначено райкомом Р. К. П. очередное собрание. На нем должен был выступать Троцкий. Перед самым собранием после занятий в Институте, служанка, подметавшая полы, обнаружила под эстрадой какой-то странный предмет. Она пригласила коменданта. Предмет оказался бомбой. Ударник ее был перевязан ниткой, к ней прилеплена вершок восковой слабо теплившейся свечи. Бомба была положена под тем самым местом, где должен был стоять стол президиума собрания. Новиков объяснял, что свечка, догорев, должна была бы сжечь нитку и привести ударник в действие... Г П У произвело массовые обыски у студентов Института, арестовало человек пятнадцать, в том числе троих или четверых комсомольцев. У одного студента будто бы нашли такую же бомбу и номер журнала «Стремление».

— Этого, наверное, в расход выведут, — подмигнул Новиков.

— У меня обыск по этому же поводу был?

— Да... Комячейка нам сообщила список, так не могли обойти...

— Новиков, а по моему здесь без агентуры не обошлись?..

— Этого не могу сказать... Не знаю. Может быть, ведь у нас вашего брата везде много...

Мокрые улицы покрывались тьмой и опоясывались лентой тусклых сквозь сетку дождя фонарей. Громыхая и позванивая по Неглинному и Театральной суетились серые трамваи. Шумно трещали моторами, бежали автомобили, спугивая прохожих густым резиновым ревом сирен. Под руку с Новиковым я пересек Театральную и Возвиженскую площадь, поднялись на Красную, вдоль стены Кремля побрели к Москве-реке. Новиков выпил пива больше меня, он шел, пошатываясь.

— Ну, провалимся? Ну, что же? Рано или поздно все равно провалимся. Конец будет... И тебе конец будет, — дернул он меня за руку. — И ты провалишься... Да... провалишься... Это ничего... Ты не должен бояться. Понимаешь? Это ничего... Да...

На минуту мы присели на скамью возле братских могил. Совсем стемнело, площадь опустела. Дождь монотонно и скучно долбил в мостовую и в насыпь могилы.

— Отчего Решетов не хочет прибрать партию социалистов-революционеров к рукам? — спросил я Новикова, после длинного повествования о том, как мне надоела беспокойная работа секретного осведомителя.

Новиков с сочувствием слушал, поддакивал, даже обронил фразу:

— И мне, брат, надоела... Сбежал бы. Да... Но, что буду делать... Нет, брат, давай тянуть лямку.

— Вот и нужно покончить разом. Средства есть...

— Как к рукам? Как это покончить?

— Как? Известно, как. Созвать съезд, провести на него свое большинство. Ну, вот партия и в руках. Я знаю, агентура достаточно сильна для этого. Решетов может. В самом деле, Новиков, отчего он не хочет? А?

— Не хочет? Кто тебе сказал — не хочет? Н-нет, брат, хочет. Понимаешь? Решетов тонкий парень. Он знает... Здесь ловкость, да... такт нужен. Из «бывших» ничего не вышло. И из этих, настоящих, нелегальных ничего не выйдет, если круто повернуть. Решетов знает... А так, какой дурак поверит? Опять скажут — чека Г П У.

У ворот углового дома на Набережной, против угловой башни Кремля мы расстались. Новиков пошел домой. Я сел на трамвай и поехал в Институт.

Дня через два после первого свидания с Решетовым, последовало второе. Решетов переговорил с Дерибасом. Тот предоставил решение вопроса Решетову.

— Поезжай, что можно, я помогу, — сказал мне Решетов.

Согласие 3-го отделения на месячный, полуторамесячный отпуск, обеспечивало получение советских заграничных паспортов. Но виза... От многих я слышал, что получение визы для советского гражданина дело почти безнадежное и в 99 слу-

чаях из ста кончается неудачей. Маленькая надежда у меня была на удостоверение о необходимости для жены заграничной поездки от профессоров Поликлиники — ученых врачей. С ним я явился сначала — по совету Решетова — в германское посольство. Но меня не допустили даже до чиновника, ведавшего отделом виз. Регистратор, сидевший в корридоре, выслушал меня и на ломанном русском языке объяснил, что визы без разрешения правительства посольство не выдает. Нужно написать в одну из Берлинских санаторий, чтобы она выхлопотала визу на месте, в Берлине, и прислала ее посольству. Без этого визы не получить.

Попытка использовать в этом отношении мои партийные связи тоже окончились неудачей. У Декатовых и их знакомых ничего не было. Несмеянов направил меня к Нестроеву. Розыскивая его, я зашел в клуб левых с.-р. на Петровке.

— Вам зачем его? Если дело партийное, можете говорить мне, — встретила меня какая-то женщина.

— Видите ли, — растерялся я немного, — я слышал, что вы имеете связи с германским посольством. Мне нужна виза.

— В этом вы ошибаетесь, — рассмеялась женщина, — у нас связей нет... Впрочем, зайдите в Нестроеву.

Нестроева я нашел в резино-тресте. Назвал себя, указал, по чьему совету я явился и попросил содействия в получении визы.

— Связей у нас нет, — задумался Нестроев, — но нужно помочь.

Но придумать он ничего не мог, только предложил послать телеграмму Загарничной Делегации левых соц.-рев. — Берлин.

Но, во-первых, для меня это и долго и гадательно, во-вторых, нужно было сохранять видимость частной поездки, если бы Г П У выпустило меня по визе левых с.-р., то это было бы немного подозрительно. Я взял текст телеграммы Нестроева с собой, но телеграммы не послал.

О своей поездке я доложил Решетову. Он развел руками.

— Ничего не могу сделать. Посольства пока еще не слушаются Г П У, как наши советские учреждения.

Я знал, что агенты Г П У ездят заграницу. Еще в прошлом году я видел у Кузмина на квартире расписки каких-то «иностранца» и «англичанина» в получении фунтов стерлингов

и долларов. Значит, Решетов, при желании мог устроить командировку. Я попросил его дать мне командировку от Внешторга или Наркоминдела. По опыту, в пределах России, я знал, что для Г П У не представляет никаких трудностей командировать своих сотрудников от имени любых учреждений советской России. Заграница, понятно, исключения не составляла. Через сотрудников, «содействующих» Г П У во Внешторге или Наркоминделе, Решетов без сомнения мог достать мне командировку в Германию от этих учреждений. Но так широко распространять своего содействия он не захотел. В просьбе моей он отказал наотрез.

— Не дипломатическим же курьером тебя посылать по твоим личным делам.

По его совету, я обратился в Латвийское представительство. Но и там последовал отказ. Вообще для больных они дают визы на Прибалтийские курорты, но сейчас сезон прошел. Болезнь предлогом служить не могла. Эти неудачи почти окончательно подрезали крылья моей надежды. Повышенное настроение духа прошло, последовала реакция. Я забросил дела по службе, не ходил в Банк, перестал посещать лекции, которые до сих пор не пропускал ни разу. Чаще стал заходить в пивные, иногда в компании Новикова и Плахова, иногда с Декатовым и д-м С. Дни завертелись колесом. Я ясно чувствовал, что дошел до точки. Если не удастся уехать заграницу, то все равно — конец.

У Решетова я старался усыпить малейшее подозрение. Я заводил с ним разговоры на тему о переводе меня с секретной на оффициальную службу, указывал, что в последнем случае я принесу больше пользы, так как знаком с партией, с методами ее работы и т. д. Решетов обещал.

— Погоди, этот этап будет последним ... Кроме того, ну куда я тебя сейчас переведу? Моим помощником? — Но ты будешь втрое меньше получать, чем сейчас зарабатываешь. Сейчас ты ничего не делаешь, берешь деньги и с нас и с Банка и учиться имеешь возможность. А тогда, брат, по 12 и 16 часов работать будешь.

Встречался я в это время с Кирилловым-Беловым, который во времена Кожевникова и Кузмина «поддерживал со мной связь». Он давно оставил 3-е отделение еще при Кожевникове

в прошлом году. Причиной этого был один «несчастный» случай *). Белов конвоировал известного эс-эра Подбельского, на которого Г П У возводила обвинение в руководительстве Тамбовским повстанческим движением. Подбельский — с ним ехали, помнится, еще кто-то из эс-эров — угостил конвоиров папиросами, начиненными опиумом или еще какими-то снотворными средствами; подпилили решетку арестантского вагона и убежали. Начальника охраны Кириллова-Белова и весь наряд арестовали и продержали до поимки Подбельского, которого арестовали через несколько месяцев по указанию какого-то агента-осведомителя. После всю охрану судили, некоторые поплатились 2—3 годами «строгой изоляции», Белов, благодаря своим связям — земляк Кожевникову, был оправдан, но из 3-го отделения уволен и переведен в Особый Отдел Г П У. За бутылкой «удельного» вина, вывезенного из Крыма, я жаловался Белову, что меня так долго держат на «секретном осведомлении». Он вполне сочувствовал мне.

— Они карьеру на этом делают... Я ведь знаю, как работой секретных сотрудников они награды хватают.

Говорил, что Кожевников был лучше, тот года полтора, ну от силы два, продержал бы и отпустил. И советовал обратиться к Уншлихту. Этот, бывали случаи, отпускал секретных сотрудников. Белову я говорил, что теперь к Уншлихту обращаться не буду, а вот, как приеду из заграницы, то сговорюсь как-нибудь с самим Решетовым и Дерибасом.

— Решетов, ведь, очень хороший парень. А Дерибас, по моему, не хуже Самсонова...

После неудачи в Латвийском представительстве, Решетов был намерен, кажется, вопрос с поездкой заграницу считать покончен ным. Не надолго он уехал, помнится, в Тулу, для приведения в порядок розыска по П. С.-Р. в Тульском Губотделе Г П У. Без него, конечно, не могло быть и речи о возобновлении разговоров об устройстве заграничной поездки. Связь со мной он передал своему заместителю Ошину. С ним я успел видеться только два раза. В первый раз он дал мне задание разузнать, кто приезжал к Д. П. Декатову.

Разумеется, я ничего не узнал. Во второе свидание я пере-

*) Передаю со слов Кириллова-Белова.

дал ему этот результат. В третий раз я уже говорил с Решетовым и он ругал Ошина за нелепые задания.

— А что, разве кто-нибудь был у Декатова? — спросил я.

— Да; он прекрасно знал, кто. Так, один ... из Нижнего...

В этот же раз я подробно, от начала до конца, повторил Решетову ход моих хлопот о визе. Неудача была окончательная. Для меня это вопрос очень большой. С успехом работать, без его положительного разрешения, я не могу.

— Мне необходимо ехать заграницу. Илья Федорович, ты можешь дать «липу». Я тебя очень прошу.

У Решетова, как мне кажется, не явилось и мысли, что я могу остаться заграницей. Понятно. У него в руках находилось могущественное воздействие на меня — разоблачение. Мысль же о том, что я могу «саморазоблачиться», для него была слишком нелепа. Затем, я более или менее зарекомендовал себя: при Кожевникове некоторыми успехами («дошел до Цебе») и точными и правдивыми докладами; при Решетове — успехов, правда, не было, были неудачи, но неправды в докладах я все-таки не писал. От Кириллова-Белова я слышал:

— Некоторые из осведомителей врут до безобразия ...

Из моих же докладов создавалось впечатление, что работал я искренно, за «совесть», а не только за страх. К этому нужно добавить, что с началом хлопот я часто затевал с Решетовым разговоры «теоретического» характера, о марксизме, народничестве и т. д., стараясь показать себя не слишком крайним, — Решетов не любил крайностей, он очень неуважительно отзывался об одном члене Ц. К. Партии Революционных коммунистов, который был «неистовым народником, а теперь стал таким же неистовым марксистом», но марксистом, в коммунистическом понимании этого слова, я создал впечатление, что я «свой» вполне.

Очевидно, Решетов не хотел создавать препятствий моему путешествию, даже не прочь был содействовать, но не слишком много. На мою просьбу о «липе», т. е. о заготовлении подложных виз, он обещал поговорить.

— Видишь ли, этим ведает Иностранный Отдел. Нужно действовать через Дерибаса, а он вряд ли захочет ... Кроме того, самому тебе неудобно ехать по «липе». Наши ребята гово-

рили, что несколько случаев провала уже было... Ладно, поговорю.

Почти в дверях он окликнул меня.

— Подожди. Ты, кажется, не упоминал о Чехословацком представительстве? Там был?

О представительстве Чехословацкой республики я совершенно забыл.

— Сходи, обязательно сходи...

— Хорошо. Но ты о «липе» не забудь.

— Ладно. Там видно будет.

В Чехословацком представительстве счастливее. Здесь меня встретил один из служащих, спросил, есть ли у меня уже советские паспорта. Я ответил утвердительно, — советских паспортов, в действительности, у меня не было. С помощью Решетова я надеялся получить их в любой момент и не очень потому торопился. Узнав, что заграничные паспорта есть, меня проводили к секретарю. Пришлось немного подождать. Секретарь внимательно меня выслушал. Задал несколько вопросов. Потом дал две анкеты и предложил принести их заполненными. Это был уже успех.

Но в следующем визите — разочарование. Секретарь принял анкеты, но на мой вопрос о возможности положительного результата, ответил:

— Не обещаю... Вряд ли разрешат въезд.

Он отвел меня к доктору Гирсе. Тот минут пятнадцать беседовал со мной, подробно распросил, кто я, откуда, заметив у меня студенческую фуражку, — где учусь, почему хочу ехать и т. д. В заключение сообщил, что мою просьбу передаст своему правительству в Прагу. Секретарь, при прощании, спросил о родственниках и знакомых.

Пригласили притти за ответом о визе через месяц.

Результат меня не удовлетворил. У Решетова я опять попросил «липу».

— Нужно подождать. С «липой» опасно — провалишься... Ну, если не выгорит, тогда дадим...

Теперь, когда выяснилась возможность получения визы, Решетов начал разговоры о «деле». Он сообщил мне, что сейчас в Германии находится один эс-эр.

— Кажется, член Центрального Бюро... Петр Александрович. Знаешь?

Как не знать... В течении нескольких вечеров он преподавал мне наставления и инструкции. Решетов не хотел пропустить мою поездку даром и хотел ее использовать. Заграницей я должен буду пытаться познакомиться, сблизиться и «втереться в доверие» к эс-эрам эмигрантам. Моя задача будет заключаться в выяснении их настроений, течений среди них и т. д. В частности, Решетова интересовал вопрос:

— Интересно знать, как они относятся к Петру Александровичу...

На том основании, что для Г П У очень важно знать взаимоотношение между работниками центральных учреждений партии. Используя существующие между ними трения и недоразумения в целях разложения организаций и «стравливания».

Коснувшись вопроса о поведении, Решетов советовал «придерживаться линии Петра Александровича. Он член Ц.Б., человек известный в эмиграции, разнобой в сообщениях послужит не в мою пользу. Во всяком случае, о партийной работе в России можно сообщить, что она успешно развивается, все обстоит благополучно, работники солидные, организации хорошо законспирированная от Г П У. Что касается заграничных поездок, разумеется — ездить легко, контроль ослаб, паспорта выдаются быстро и т. д.

В Москве Решетов советовал мне также распространять слухи, что паспорта выдаются легко и такого жестокого контроля, как предполагается, в действительности, нет. Об этом он говорил уже не раз, мне начинало казаться, что Решетов намеренно хочет вызвать представление о легкости поездок заграницу.

— В одно из свиданий я поставил Решетову вопрос о съезде в форме совета:

— Илья Федорович, отчего не попытаться созвать съезд и провести на него свое большинство. Осведомителей у тебя хватить

— Не так просто, — улыбнулся Решетов. — Ты напрасно воображаешь, что у меня много осведомителей, чуть не вся партия из них одних. В действительности, дело не так блестяще.

— Слушаю. Ну, а что говорить по поводу съезда, — поинтересовался я.

— Съезда? Видишь ли, нужно создать впечатление, что русские партийные работники все очень хотят съезда. Понимаешь, расскажи, что тебе приходилось бывать в провинции и там говорят и ждут съезда с нетерпением и возлагают на него большие надежды.

Во второй половине ноября, ровно через месяц, я явился в Чехословацкое представительство.

— Паспорта у вас готовы? — спросил секретарь.

— Да, есть... Только они не со мной, они дома остались...

— Принесите.

— Когда можно?

— Когда вам будет угодно, исключая пятницы.

Я почувствовал, что сделал огромную ошибку, заявив, что паспорта уже готовы. Но было поздно. По телефону-автомату я позвонил Решетову в 3-е Отделение Г П У. Он велел сейчас же зайти к нему на квартиру. Там меня уже дожидался Плахов. Он отобрал от меня все необходимые для паспорта сведения. Я попросил его пометить паспорта задним числом.

— Едва ли это возможно, — покачал он головой. — Все-таки спрошу.

Утром я обещал придти к нему на квартиру, — Арбат 19.

Стол в комнате Плахова заставлен бутылками, скатерть залита красным вином. Плахов и Кузнецов, который остался ночевать после вчерашней попойки, еще не вставали и стали одеваться при мне.

— Голова трещит. Понимаешь, получили вчера жалованье. Зашли в Гум и вот...

— Да, голова трещит, — подтвердил Кузнецов.

Идя к Плахову, я купил полбутылки портвейна. Она пригодилась очень кстати.

— Хорошо, — сказал Плахов, опорожнив бутылку. — Я тебе в три позвоню. Паспорта обещали приготовить.

Паспорта были готовы только на другой день. Пометить задним числом было невозможно. Бланки всех паспортов, оказывается, пронумерованы типографским способом и выдаются в порядке нумеров. Г П У для всех нужд пользуется общим за-

пасом паспортных бланков. Они хранятся в Иностранном Отделе Г П У.

С паспортами я отправился в Чехословацкое представительство.

— Они только вчера получены? — спросил секретарь.

— Да...

— Вы говорили, что у вас уже были?

— У меня срок истек тем паспортам. Я сменил их на новые.

— Вы считаете нас очень наивными. Отсрочки помечаются вот здесь, — указал он на оборотную сторону первой страницы паспорта. — Вы нас не обманете, мы знаем порядок.

Я обиделся.

— Обманывать? Я не желаю обманывать. Если кто и обманут, то я. С меня взяли за паспорт двойные деньги. В прошлый раз и теперь, при отсрочке...

Вы можете потребовать обратно, — вставил помощник секретаря, слушавший наш разговор.

Секретарь еще раз просмотрел паспорта, усмехнулся и подал их мне обратно.

— Нет, вы визы не получите.

— Но вы говорили...

— Припомните, я вам не обещал визы и только просил принести паспорта.

Я стал доказывать секретарю, что с паспортами вышло именно так, как я говорю: при отсрочке мне выдали новые; что мне необходимо ехать заграницу, что в удостоверение моей личности я могу представить рекомендации от лиц, которые занимают определенное общественное положение и известны представительству.

— От кого?

— От доктора Х., который служил в русско-чешских частях, до доктора У.

— С У. вы знакомы лично?.. Хорошо, обождите, — секретарь оставил меня у себя в канцелярии и отправился в кабинет представителя.

Можем дать визу только вашей жене, — возвратился он оттуда.

— Это бесполезно, она одна не может ехать.

Секретарь опять ушел.

— Вот вам адрес доктора Лампен. Сходите к нему, он освидетельствует больную. Мы ему позвоним по телефону.

Вечером д-р Лампен явился ко мне на квартиру. Дал благоприятное заключение. На другой день секретарь проводил меня к доктору Гирса.

Он поинтересовался, как я достал паспорта.

— Ведь получение паспортов обставлено большими препятствиями.

— У меня есть хорошо знакомые коммунисты кооператоры. Они снабдили меня рекомендацией. Относительно странной смены паспортов при «отсрочке» я представился совершенно недоумевающим и сбитым с толку, в некотором роде жертвой, так как с меня содрали будто бы за них двойную плату. После нескольких вопросов Гирса сказал:

— Ну, поезжайте с Богом.

Секретарь немедленно же поставил мне на паспорта визы.

Дело было сделано, но Германское посольство отказало и в транзитной визе, требуя удостоверения от Чехословацкой миссии в том, что я не останусь в Германии, а проеду в Чехословакию. При хлопотах о визе в Чехословацком представительстве я говорил, что, может быть, и не поеду в Чехословакию, а пробуду в Германии. Даже вызвал замечание д-ра Гирсы:

— Мы не можем содействовать нелегальному въезду в другое государство.

При таких условиях о рекомендации со стороны Чехословацкой миссии нельзя было и мечтать. Ходил сам, разумеется, получил отказ. Просил сходить доктора С., его принял Гирса и тоже отказал, ссылаясь на то, что они по формальным причинам не могут дать удостоверение подобного рода.

Решетов в содействии отказал, отсылая к партийным связям. Наконец, Несмеянов достал мне рекомендацию от владельца известных механических заводов Г. Листа, в настоящее время члена правления Машинотреста. А Катя Бойко розыскала через свою знакомую коммерческого агента одной из немецких фирм, который написал мне рекомендательное письмо в миссию. Рекомендации помогли и мне, после недели хлопот, наконец, дали транзитные визы.

Я широко распространил среди своих партийных знакомых весть о заграничной поездке. Мне хотели дать даже некоторые поручения к партийным учреждениям заграницей. Сидоров несколько раз к кому то ходил по этому поводу. Но незадолго до отъезда Катя Бойко заявила, что из заграницы приехал кто то и надобность в моих услугах минула. Сидоров дал мне поручения к Зензинову по делу группы «Стремление», советовал розыскать Зильберберга, который будто бы состоит представителем эсэровской молодежи в Социалистическом Интернационале молодежи и информировать его о студенческом движении вообще и о социалистическом в особенности. Для того, чтобы меня заграницей «признали», Сидоров написал мне небольшую записку — рекомендацию к Петру Александровичу Селецкому.

— Он должен быть сейчас в Праге или Берлине.

Разговор о Селецком происходил в квартире Декатова и в его присутствии.

— Как тщательно обыскивают на границе, — спросил я Сидорова, — Петр Александрович говорил по этому поводу что нибудь?

— Он говорил, что у него никакого обыска не производили. Он целый портфель, — Сидоров показал руками примерный объем портфеля, — с собой возит, и ничего...

— А как он имеет возможность так часто ездить за границу и так подолгу там оставаться? — спросил Декатов.

В его голосе мне почувствовались нотки недоверия к П. А. Селецкому.

— Говорит, что командировки со службы, — тихо и сухо ответил Сидоров.

Разговор на эту тему прекратился. Записка Сидорова была написана почерком, который мне показался знакомым. Где то я его видел...

Записка была обращена к «Игорю».

— Игорь — это партийная кличка Селецкого.

Сидоров сообщил мне, кроме того, два-три факта из поездки его, Сидорова и Игоря в Петербург: сообщением этих фактов Игорю я должен удостоверить свою личность.

В течении моих хлопот о визе Сидоров несколько раз приглашал меня на студенческие нелегальные собрания. Но я от-

казывался, ссылаясь на недосуг за хлопотами об отъезде. Почти перед самым отъездом Катя Бойко разыскала меня и пригласила на совещание по воссозданию московской организации партии. Не был я и на нем; состоялось ли оно — не знаю.

С получением виз в главном все было устроено. Но оставались еще важные дела, которые нужно было закончить тщательнее, чтобы у Решетова составилось целостное впечатление «временной поездки». Нужно получить отпуск или командировку со службы. Служба была ценная и бросать ее было нельзя, могло показаться подозрительным. Кроме того, финансовый вопрос. Своих денег у меня было немного: имущество, в том числе хорошую библиотеку, в несколько дней продать было нельзя. И в этом случае я рассчитывал на Банк. При всех предыдущих моих поездках меня финансировал Банк. От Банка и в этом случае я надеялся получить средства.

Плахов ходил к Д. И. Кутузову. Он обещал все устроить, — дать командировку в один из сибирских городов. И снабдить деньгами. Через день-два после посещения Плаховым Кутузова, последний вызвал меня к себе в кабинет.

— Командировку дать нельзя, с ней вы можете провалиться. Скажитесь лучше больным, для формы представьте удостоверение. Я через правление устрою вам отпуск.

Деньги Кутузов обещал выдать под предлогом лечения.

— К врачебному удостоверению приложите заявление о деньгах.

— Сколько можно будет взять?

— Это вы высчитайте...

Удостоверение я достал «первосортное» на бланке Народного Комиссариата Здравоохранения. Кутузов выполнил свои обещания. Провел через Правление Банка отпуск и выдал 350 долларов.

Но и это было не все. Оставалась пустяшная, но щекотливая вещь. Не думая возвращаться в Россию, я забрал все необходимое. Провести мой багаж на общем основании по советским нормам нельзя. На некоторые предметы нужно было брать особые разрешения от Главнауки. Нужно было разрешение от Наркомфина на провоз того количества валюты, которое собралось у меня. Плахов ходил в Валютное Управление. Но во главе его стоит беспартийный «спец» проф. Юровский. Ничего не вышло.

Плахов обратился к Сокольникову, но его не оказалось в это время на службе.

— Черт с ними, — плюнул Плахов, — я тебе устрою... А ты, смотри, привези мне из за границы коробку сигар и вечную ручку. Здесь сосчитаемся.

Часа через два Плахов сообщил, что достал: —

— Целую охранную грамоту. Возьмешь у Решетова.

— Плахов, тут же по телефону попросил я, — позвони на Виндавский, чтобы оставили купе... С «охранной» то грамотой надежнее в отдельном купе.

— Ну, до Риги пустые вагоны ходят. Я сам ездил недавно до Себета. Ну, а если не найдешь, то позвонишь завтра. Я приду. Выкинем кого нибудь...

Утром 2-го декабря я был в последний раз на квартире Решетова. Он передал мне удостоверение.

О.Г.П.У.С.С.С.Р.
Иностранный Отдел
Секретной части.
№....
1 декабря 1923 г.

Начальнику Себетского погроничного Пункта

Предъявителя сего, Н. А. Безпалова, никакому обыску не подвергать.

Начальник Секр. Части *Дерибас.*
Начальник Иностранного Отдела *Трилиссер.*

Удостоверение было написано на бланке, печатный текст которого гласил, что «предъявитель сего... разрешается провести через границу.....» печатные строчки были зачеркнуты.

— Ну, вот, видишь, — сказал Решетов, — я для тебя все сделал.

Я ему был искренно благодарен.

Я пробыл у Решетова с час. Он давал последние инструкции.

— Чаще доклады ты должен писать. Не как здесь... Понимаешь, удели полчаса вечерком и опиши свои впечатления за день...

Он повторил, что для него любопытно узнать, как относятся эмигранты к П. А. Селецкому.

— Видишь ли, нам очень важно знать взаимоотношения местных и заграничных эсэров.

В докладах я должен сообщать подробно о всех мелочах.

— Писать не стесняйся ... Пиши все. Для тебя многое может показаться мелочью, а нам эта мелочь дополнит и закончит целую картину.

Решетов мне дал адрес, через который я могу держать с ним постоянную связь. Консульская часть Советского Представительства, Секретарь Консульства Сидорин.

— Трилиссер напишет туда письмо о тебе.

Я распрощался с Решетовым и направился с прощальными визитами по своим партийным знакомым.

В 7 часов вечера с Виндавского вокзала отошел скорый поезд Москва — Рига.

Через 20 часов мы были в Себете. Пассажиров высадили из вагонов на таможенный пункт для осмотра багажа. Я предъявил свою «охранную грамоту». Меня оставили в вагоне — «на дипломатическом положении».

Через несколько минут поезд скользнул вдоль перона Латвийской пограничной станции Зилупе.

Я был на свободе.

Николай Безпалов.

Затруднения демократии.

I. Вступление.

Понятие демократия весьма широкое. Говорят: демократия это дискуссия, демократия — работа, демократия — власть народа, через народ и для народа, как выразился Линкольн. Говорят также о демократии политической, социальной, экономической, культурной; ее связывают с парламентаризмом; еще упоминают о демократии современной, средневековой, античной и т. д.

Принимаясь за разбор затруднений демократии, необходимо прежде всего точнейшим образом определить понятие демократия, отбросить от этого сложного вопроса все, что можно или должно исключить и тем добраться до самой сущности. Полное изложение вопроса, о котором я хочу говорить, потребовало бы дальнейших рассуждений и целых томов. Я коснусь лишь наиболее важного, для того, чтобы яснее определить так называемые затруднения демократии.

Затруднения демократии являются вопросом дня; в политическом, экономическом и социальном отношении они заполнили всю общественную жизнь. Важнейшие политические события во всех европейских государствах во время и после войны могут быть сведены к кризису демократии и парламентаризма.

Ответить на вопрос о затруднениях демократии значит объяснить большинство политических и иных вопросов нашей эпохи и понять главные недуги современности.

II. Демократия античная, средневековая и современная.

Прежде всего необходимо различать античную и средневековую демократию от современной.

Античная демократия нечно совершенно иное, нежели то что мы теперь понимаем под этим словом. Греческая и римская демократия хотя и означала решение некоторых общественных вопросов определенными широкими кругами, но в то же время поддерживала существование бесправных классов рабов и плебеев; она очень резко делила народ на классы и на касты

Ее характерной чертой было как раз то, что для нас антидемократично по преимуществу. Античная демократия была узко политической и при том лишь в некоторых учреждениях: из среды народа избирались различные должностные лица, сенат, судьи, иногда и глава государства.

Древние философы, как, напр., Сократ, Платон, Аристотель создали теории, защищающие аристократизм; Платон вообще был политическим аристократом, а Аристотель защищал рабство. Главное отличие античной демократии от современной заключалось, главным образом, в отсутствии целостной философской основы для демократического понимания социальной жизни.

Средневековая демократия тоже еще не осмыслила себя и касается лишь тех или иных учреждений, т. е. проявляется лишь в том, что в различных средневековых республиках, в Швейцарии, в Северной Италии (например, во Флоренции, в Венеции), далее в Ганзейских городах организуется раньше всего политическая жизнь, причем ряд установлений подчинен избирательному праву, а в правительство входят определенные круги.

Эти средневековые полудемократии были в непрестанной борьбе с феодализмом. Они почти всюду погибли, но и там, где они постепенно развивались в современную демократию, как, например, в Швейцарии, основные политические установления были далеко от демократии в нашем смысле слова.

Современная демократия расширяется во всех направлениях; она распространяется, как количественно, так и качественно, на учреждения, не оставляя нетронутым ни одного политического установления; идет она в глубину, так как начинает проникать и в остальные сферы общественной жизни: в установления социальные, экономические и культурные. Расширяется, наконец, и *идеологически, становясь целостным философским воззрением на жизнь*, философской и социальной системой, жизненным планом, проникающим насквозь и во всех направлениях жизнь тех людей, которые уверовали в новую демократическую религию.

III. Философия современной демократии.

Постараюсь в кратких чертах набросать прежде всего философию современной демократии. В данных мне размерах, набросок, конечно, получится очень неполным. Философия эта основана несколькими выдающимися творцами новой философии, истории и политики: Гоббс, Локк, Монтэскье, Руссо, Вольтер и энциклопедисты, Юм, Кант, Лессинг, Гердер, Милль, теоретики американской конституции, некоторые продолжатели

французской революции 1848 г. и вся школа современного социализма.

Мыслители эти весьма разнородны, но из развития их теорий и комбинаций их мыслей создалось некое философское ядро современной демократии, которое в грубых чертах можно определить следующим образом.

В противовес средневековому принципу деления общества на касты, сословия, на индивидуумы нисшие и высшие, выдвинут принцип равенства людей. Равными их делает всеобщий и всем присущий, но довольно отвлеченный признак — *человек*. Понятие человек становится чем то более конкретным, плотным, глубоким, благодаря тому, что Юм, энциклопедисты, Лессинг, Гердер совершенно верно придают этому понятию моральное значение: *понятие человека вместе с понятием Бога является высочайшей ценностью, которую мир имел и может иметь.* Понятие человек в своем истинном значении может быть единственной целью жизни, целью всей социальной деятельности, т. е. целью, к которой все направлено, вокруг которой все вращается и которая является первым социальным требованием. *Человеческая жизнь — величайшее богатство, существующее в обществе:* помогать человечеству, жить человеческой жизнью, приличной, благородной, как в физическом, так и духовном смысле, материальном и моральном, экономическом, социальном и культурном — вот цель, которую должна преследовать каждая истинная политика. В каждом человеке необходимо видеть прежде всего его человеческий образ.

Для полного понимания понятия человек, необходимо к идее равенства — égalité присоединить еще идею *братства* – fraternité обе — идеал французской революции. В понятии братства заключается двоякое равенство: *социальное и моральное,* равенство человека с человеком; как раз понятие fraternité, — братства усиливает основу этическую, моральную: идею любви к ближнему, любви разумной, последовательной, благородной.

Комбинация этих двух понятий выявляет теоретическое понятие *человечности — гуманности; понятие человечности и в этом смысле выражает вполне содержание философии демократии.*

Все, что кроме того вкладывается в понятие демократии и что позднее практически проявляется, как политическая система демократии в политических и социальных установлениях, есть последствие упомянутых философских оснований.

Прежде всего понятие *свободы:* свобода одна из величайших ценностей, как моральных, так и материальных, достижимых человеком в обществе. Она логически вытекает из понятия равенства, ибо равенство подразумевает одинаковые для всех

обязанности и права. Свобода это право, и понятие равенства подразумевает одинаковую ступень свободы для всех; демократия, таким образом, стремится реализовать наивысшую степень свободы одинаково для всех, *причем ограничение может происходить лишь от той же степени свободы и прав иного гражданина.*

Из этого теоретически-философского предположения логически вытекают демократические правила: в обществе можно жить лишь в том случае, если взаимно уважается свобода каждой отдельной единицы. Уважение это должно быть установлено, направлено и регулировано и постоянно поддерживаемо и охраняемо постановлениями, предписаниями, законами. Обществу, таким образом, необходимы направление, предписания и законы: мы дошли, таким образом, до *вопроса об авторитете* — кто и как должен давать законы и кто и как должен их применять.

Как при этих философских принципах определить авторитет? Если он должен соответствовать понятиям гуманности, равенства, братства, свободы, то этот авторитет не должен быть насильственно навязан, но каждым признан, добровольно одобрен и принят. На практике это означает, что в демократии все одинаково братски должны совместно вырабатывать законы и предписания, таким же образом их применять и создавать в демократическом обществе принцип авторитета.

В этом основной принцип демократии, логически вытекающий из предшествующих принципов. Поэтому вся современная демократия, все ее учреждения созданы на основе всеми свободно принятого, признанного и одобренного авторитета и направлены против навязанного авторитета будь то одним абсолютным владыкой (абсолютистический монарх), или же влиянием религиозным (теократия) или определенной кастой людей (олигархия, аристократия).

IV. Задачи организации политических учреждений в демократии.

Вопрос о том, как создается закон (т. е. вопрос власти законодательной), как закон применяется (т. е. вопрос власти исполнительной) и как решаются споры его касающиеся (т. е. власть судебная), является основой всех демократических учреждений.

Во времена средневековья во главе государства стоял автократ или теократ, который лично или при помощи неких органов издавал законы, сам их применял, сам и судил. По тем же принципам он организовывал экономическую и финансовую сторону своего государства.

Демократия требует в этом отношении общественной деятельности всех граждан для всеобщего блага. Таким образом возникают демократические учреждения и одновременно сложные споры обеих организаций.

Первый основной вопрос, который ставится демократически организованному обществу, это вопрос непосредственной, прямой демократии, непосредственного владычества народа, как это понимал и желал Руссо.

Уже сам Руссо видит и верно анализирует затруднения в осуществлении этого идеала. Таким образом мы приходим к *представительным* учреждениям в демократии: образуются законодательные собрания и особо организованная законодательная власть в парламенте, а также власть исполнительная и судебная. Монтескье впервые формулирует более ясно эти теории, особенно о разделении власти и своими рассуждениями об английской конституции подготовляет в Европе путь к принципам парламентарной власти, парламентарной демократии.

Философский дух демократии выдвигает потом проблему выборов в законодательную палату. Перед демократией встает вопрос: как организовать выборы, так, чтобы они соответствовали вполне духу и философии демократии. Сейчас же возникают все вопросы избирательной организации и избирательного права вообще:

а) Право всеобщее, равное и тайное или ограниченно-куриальное и множественное?

б) Избирательное право по округам и индивидуальное или же по спискам? И должны ли быть списки изменяемы или нет?

в) Избирательное право пропорциональное со всеми его особенностями и отклонениями или же мажоритарное?

г) Депутатские мандаты или нет?

д) Двух или однопалатная система?

е) К этому присоединяется вообще вопрос большинства и меньшинства, возможна ли в демократии иная комбинация? Возможно ли управлять иначе, чем при помощи большинства? Что означает управлять при помощи коалиционной системы?

Не хочу еще больше углубляться в подробности этих проблем, ибо уже приведенные вопросы сами указывают на объем само собой возникающих рассуждений. Упоминая об этих вопросах, я хочу указать на основные споры и затруднения, возникающие в каждой демократии при ее рождении и при организации законодательной власти.

Иная категория спорных вопросов и трудностей возникает при организации исполнительной власти.

а) Как установить правительство? Как раз в последнее время пересматривается вопрос о том, должно ли правительство быть избранным из среды народных представителей или же его назначает глава государства, например, избранный президент. Как известно, например, в Советской России правительство теперь избирается; известный род выборов правительства — косвенный и собственно формальный — установлен также и в Австрии.

б) Если же говорится о выборах правительства, то еще чаще возникал вопрос об избрании чиновников и судей.

в) С вопросом выборов тесно связан вопрос о пенсии чиновникам и министрам, вопросы иерархии, взаимных отношений, дисциплины и т. д.

Третья категория вопросов демократии это проблема свободы в демократическом государстве.

а) Принцип личной свободы и личной неприкосновенности, недопустимости ареста или иного ограждения личности вне точно определенных принципов, уважающих до последней степени принцип неприкосновенности.

б) Свобода убеждений религиозных и политических.

в) Свобода печати.

г) Свобода собраний и обществ.

д) Всеобщее равенство перед законом.

Все вопросы этой категории дают нам массу материала для размышлений. Дискуссии и споры о них касаются также вопроса, так называемых трудностей демократии; вопрос встает в таком виде: *более или менее личная свобода, свобода убеждений, печати и т. д.*

Менее свободы означает передачу большей власти в руки государственных исполнительных органов; больше свободы означает меньшую механическую слитость государства и общества и больший призыв к политической зрелости народа, который может действовать по своему разумению, не вредя государству и не превращая свободы в распущенность и анархию; иными словами возникает вопрос об *авторитете в государстве.* Альфой и омегой каждой демократии является вопрос, как возместить вынужденный авторитет исполнительной власти в системе автократической, монархической, олигархической и аристократической, признанным и свободно установленным авторитетом демократического режима.

Наконец, *четвертая* категория вопросов и также известных трудностей демократии есть одна крупная проблема, включающая в себя много других малых, а именно *вопрос о централизации и децентрализации.*

Эта проблема в различных государствах и обществах обнаруживается в различных видах в зависимости от обстоя-

тельств, потребностей и отношений народа и государства. В данном случае решающую роль играет состав народа, географические и экономические условия, а в наше время также и культурные предпосылки. В зависимости от обстоятельств вопрос в одних государствах решается в форме федерализации, в других — автономизации, в третьих, как простая децентрализация и планомерное разделение компетенции между органами центральными и местными. В одном месте это требуется вследствие разнородности населения, в другом — вследствие чрезмерной растянутости территории, наконец, вследствие экономической зрелости или же незрелости.

Эти различные оттенки сами по себе уже указывают, в чем заключаются затруднения: выяснить и понять, где и как применить ту или иную форму, которая из них в том или ином государстве лучшим образом соответствует данной стадии развития народа, территории, экономики. Борьба за эти направления может быть отнесена к трудностям демократии. Для нашего государства это чрезвычайно важная проблема. Главные затруднения заключаются именно в том, что в конце то концов весь вопрос сводится к задаче *авторитета в демократии:* действительно ли децентрализация и автономизация, защищаемые во имя принципа демократии, поведут к анархии, атомизму и тем к ослаблению авторитета власти и, наконец, к гибели всего государства.

Демократия по существу аполитична; требуя согласия каждого при решении вопросов, его касающихся, она вызывает дискуссии, споры, анализ, которые вечно сводятся к тому, как управлять, как творить законы, как их применять, как решать споры, возникшие из за законов. При системе автократической, при неограниченной монархии, олигархии и аристократии подобных споров не бывает; там нет опасности разделения государства или анархии, возникающей из за спора о государственном авторитете. Государственный авторитет в данном случае существует a priori.

Из всех вышеприведенных размышлений мы можем сделать следующее заключение:

Существуют два рода трудностей для демократии:

1) Трудности, проистекающие из спорных вопросов о демократических учреждениях и о различных возможностях тем или иным способом создавать эти учреждения. Это обычные спорные проблемы демократии.

2) Трудность основная и принципиальная: система демократии, как таковая, ставит под вопросом основной принцип каждой власти: *принцип власти и государственного авторитета*, т. е. можно ли решать по соглашению с управляемыми или же нет и каким образом можно придти к соглашению. Это

наиболее характерно для демократической системы; в этом самая главная трудность демократии, с этой стороны на нее и нападают, в этом ее слабость, но и возможная победа в случае, если она сумеет разрешить вопрос государственного и правительственного авторитета так, чтобы государство и народ не страдали от этого в целом.

Из этой принципиальной трудности возникают особые затруднения, о которых необходимо подробно поговорить.

В течение своего развития демократия обнаруживает стремление к расширению и углублению. Возникает это из самых основ человеческого духа. Размышления, критика, дискуссии и столкновение идей способствуют тому, что человеческий дух ни перед чем не останавливается. Начиная с момента, когда была выдвинута философская идея демократии в виде лозунга *равенство, братство и свобода*, а вместе с тем определено участие личности всюду, где затронуты ее интересы; как только был принят принцип выборов в законодательную палату и началось практическое разрешение некоторых вопросов, — тем самым были открыты двери в чрезвычайно чувствительные отрасли, прежде всего во все учреждения, являющиеся центром государственной власти, в учреждения, представляющие власть исполнительную.

Историческое развитие демократии показывает нам это.

Демократия касается прежде всего законодательных учреждений и конституционного устройства государства и требует парламентаризма; потом проникает в избирательную систему и понемногу делает ее доступной самым широким кругам; далее обращается к так называемым правам гражданина (свобода личности, совести, печати, собраний), наконец, сосредотачивается в ее руках исполнительная власть.

Ныне это развитие идет далее и в весьма демократических государствах. Оно — весьма характерный признак послевоенной эпохи и одновременно оно, вызывает назревающий кризис демократии, усиливает ее затруднения и вообще выражает неопределенность сегодняшней политической и социальной жизни... Принцип демократии в сущности есть идея, революционизирующая головы и умы.

Идея демократии проникает по немногу в такие установления, в которые до сегодняшнего дня для нее не было доступа. Прежде всего это *бюрократия*. Вопрос объединения чиновничества, его совместные профессиональные выступления, вопрос саботажа и даже забастовки возник в последнее время, как следствие современной демократии. Проблемы чиновничьей дисциплины, иерархии, отношение низших и высших чиновников между собой, вопрос назначения или выбора чиновников, призывы к новому духу чиновничества, которое должно чув-

ствовать себя более носителем воли народа и его слугой, чем решающим органом государственной власти — все это составляет темы для спора; я сам отношусь к этому с большой осторожностью, но факт на лицо, что эти вопросы выступили во всем своем значении.

Гораздо более важной проблемой является применение демократизма *в армии*. Способы и методы современной войны превращают постоянную армию в вооруженный и принимающий в войне полное участие целый народ. Таким образом, война демократизируется. Методы окопной войны предъявляют способностям и физической и моральной силе масс новые огромные требования. Дабы это могло быть достигнуто, прежняя необходимость слепой дисциплины заменяется требованием развития каждого солдата в отдельности и создания непоколебимого морального убеждения в правоте борьбы. Современная война, говорит Фош, может быть ведена лишь сознательными и убежденными солдатами, так же, как организация современного демократического государства может быть создана лишь сознательными и убежденными гражданами.

Поэтому теперь от солдата не требуется слепого повиновения, его убеждают, учат, воспитывают; ему все объясняют, его сомнения опровергаются, с ним спорят, делают призывы к его разуму. Благодаря этому складывается новое отношение к офицерам, да и между самими офицерами.

Только во время последней мировой войны выступил в ином свете вопрос военного авторитета, а особенно же проблема избрания офицеров так, как это некоторое время делалось в России; в течение этой войны было создано вполне современное добровольческое войско, как, например, наши легионы, где все были братьями, а солдаты и офицеры говорили друг другу «ты». Поэтому то у нас сейчас идет спор об отношении солдат и офицеров. Лишь в течение последней войны возник также вопрос военных комитетов и советов — все это указывает, какой вырос огромный новый вопрос и насколько он важен для нас: что означает армия в демократическом государстве и что такое *демократическая армия вообще*. Снова пред нами кризис авторитета, на этот раз в армии. Я ставлю весь этот вопрос в рамках размышлений о проблеме демократии; о значении вопроса, о том, хорошо или вредно для армии и государства соответствующее его развития, я не высказываю своего мнения. Я к этому отношусь с большой осторожностью; в данном случае требуется еще больше осмотрительности, чем где либо в ином месте.

Как в армию, так и в школу проникает принцип демократии. Прежде всего, конечно, потому что демократия безусловно требует обязательную, всеобщую и бесплатную школу.

Демократия дает гражданину права и обязанности, которые он не может выполнить без образования; поэтому она должна дать ему школу, облегчающую образование.

Принцип демократии требует, конечно, школы особого образца — той, которую мы называем современной школой, с одной стороны, не противоречащей ни в чем философии демократии, с другой стороны терпимой и до известной степени нейтральной, так как школа должна учить и воспитывать согласно принципам демократической терпимости, уважения к убеждениям и свободы взглядов.

Прежде всего это означает исключение спорных вопросов из предметов обязательного обучения и полную свободу родителям, желающим возместить этот пробел иным образом. При партийном расщеплении народа это весьма затруднительный вопрос; гораздо более затруднительный для учителей, чем для учеников и родителей.

Поэтому в профессиональных кругах идет такая борьба за школу: борьба, вполне оправдываемая, необходимая, неизбежная. Поэтому же споры об методе воспитания: современная демократия только теперь нарождается, а потому так тяжела борьба за новую школу, которая должна создавать то, что еще до сих пор не определилось, что кристализируется.

Наиболее характерными примерами являются опыты частных школ; всем известная попытка Л. Толстого в Ясной Поляне стала не только типичной, но и исторической. Все остальные попытки, так называемой, свободной школы, стремятся осуществить ту же задачу.

Потом на очереди *семья*, которая под влиянием развития общества в сторону демократии сильно изменяется; с этим связаны изменения в некоторых понятиях нашей современной морали. Под влиянием роста демократии и на основе принципов равенства и свободы изменился взгляд на отцовский авторитет в семье; изменился взгляд на жену в семье и на родительский долг. Вся проблема феминизма, — является следствием этой эволюции; равноправие женщины, политическое, социальное, главным же образом, экономическое и этическое входит в общее развитие широких народных масс за последнее столетие.

Я не хочу говорить о спорных вопросах феминизма: то, что сегодня спорно, не является вопросом принципиальным, а лишь вопросом умелого и неловкого применения уже признанных принципов в тех или иных практических случаях, в том или ином конкретном обществе в зависимости от его развития.

V. Экономическая организация общества и демократии. Демократия и социализм.

Целый ряд новых столкновений и побед демократии, осо-
бенно в последнее время необходимо дополнить одной областью,
в которой идея демократии выиграла, благодаря войне и, глав-
ным образом, после войны: экономика и экономические учреж-
дения в широком смысле слова.

Социализм предусматривает последовательное осуществле-
ние политической демократии, ибо политическая демократия
уже сама по себе означала бы осуществление значительной ча-
сти социалистической программы. Социализм, однако, есть не-
что большее, чем политическая демократия: им создана полная
картина и система будущего общества с законченным планом,
особенно детально разработанном в экономическом отношении.
Он принужден разрешать тяжелые организационные задачи чи-
сто экономического и финансового характера и вытекающие из
них сложнейшие этические вопросы (одновременно и в теории
и на практике), не касающиеся *непосредственно* идеи демокра-
тии, например, как расценивать труд, как вознаграждать инди-
видуумы различных умственных способностей, не изменяя при
том теоретических основ своей системы.

Для целей практической борьбы в области политики, так
называемый, научный социализм создал принципы классовой
борьбы, которая, будучи додумана и доведена до конца, оказы-
вается не демократической. Эта идея является полной противо-
положностью идеи гуманности; в то время, как она неизбежно
приводит к материалистической философии, гуманизм в своих
основах предполагает философию не материалистическую.

Несмотря на это, научный социализм и рабочее движение
несли с собой в значительной степени идеи демократии и во
многом ей соответствовали; но, как было выше сказано, в неко-
торых направлениях они расходились. Благодаря своим гото-
вым понятиям о системе будущего общества, социализм был
больше, чем демократия; напротив, в некоторых политических
доктринах, он шел или параллельно с демократией или даже,
будучи доведен до логического конца, проявлял тенденции ан-
тидемократические.

Несмотря на это, социализм сильно способствовал побе-
демократии: благодаря значительному соответствию они взаим-
но поддерживали друг друга своими достижениями. Чем больше
подпадало общество под практическое влияние социализма и
рабочих партий, тем сильнее демократия уже автоматически
проникала в вопросы экономической жизни.

Несмотря на огромные размеры социального законодатель-
ства и так называемого государственного социализма, на кото-

ром мы не будем подробно останавливаться, это движение главным образом, можно наблюдать на примере некоторых экономических учреждений, которые можно считать крупным шагом на пути к экономической социализации. Обычно это не означает создания социалистических установлений по плану ранее принятых социалистических систем, но устремление к этим же целям при помощи того, что в учреждения, в основе буржуазные, вводятся во время ежедневной политической борьбы последовательно продуманные принципы демократии.

Можно привести множество таких экономических учреждений:

На первом месте должно быть поставлено кооперативное движение всех оттенков и направлений. Далее различные виды участия работающих в предприятии. Наконец, за последнее время, особенно после войны, рабочие стали сознательно проникать в управление предприятиями. Заводские комитеты в наше время соответствуют до известной меры военным комитетам; однако, заводские комитеты, несмотря на всевозможные изменения, останутся, бесспорно, постоянным учреждением. Совершенно так же, как в политике, так и в экономической жизни, основной носитель авторитета — в данном случае капитал — понял, что в настоящее время капитал не в состоянии удержать полную власть в экономическом ведении предприятия исключительно при помощи своей единоличной воли и авторитета. В будущем и чем далее, тем больше, он будет принужден уступать в этой области.

Капитализм, сам предприниматель теперь уже подпал под общее влияние политической демократизации, которая, однако, не могла остановиться на политике: *совершенно так же, как рабочий контролирует общественную политическую жизнь, хочет он контролировать, чем дальше, тем больше, и жизнь экономическую*, т. е. свой завод и весь производственный процесс.

Остановить это движение невозможно. В этой области демократия в будущем будет играть огромную роль, социализм будет пытаться осуществить свою программу тоже этим путем. *Быть демократом экономическим, быть им последовательно, идти в этом направлении шаг за шагом, не отступая от философии демократизма, означает быть наирадикальнейшим социалистом*, иногда гораздо более радикальным, чем многие из тех, что оказались сегодня с большевиками. Вот, в чем будущее социалистической практической политики.

Собственно, социализация учреждений, о которой заговорили в последнее время, есть ничто иное, как демократизм, введенный в экономические предприятия и организации. Поэтому то и говорится о кооперативном социализме, о социалистическом реформизме, и английский фабианизм является тем

же самым. Правительство рабочей партии в Англии является олицетворением после военных экономическо-политических стремлений. Вся его программа и вся проводимая им политика вытекает из этих мыслей.

Тот факт, что в некоторых государствах образуется рабочее правительство, хотя бы это и было правительство меньшинства, является исключительно следствием изложенного здесь развития. Это факт огромного значения: он будет решающим в будущей борьбе за окончательные методы политической борьбы рабочего класса.

VI. Методы демократической политики.

Идеальная демократия предполагает совершенно особое политическое развитие и методы. Законы подготовлялись бы открыто, откровенно, на глазах у общественного мнения; партии вели бы открыто свои дискуссии и споры, честно и без интриг добивались бы цели; вожди были бы постоянно в распоряжении избирателей, депутатов и иных органов партии и общества; все решения должны были бы приниматься по соглашению и совету всех ответственных деятелей. Правительство и исполнительная власть должны были бы подчиняться более непосредственному и постоянному контролю, открытому и честному. Дух всех споров и критик должен был бы быть беспристрастным, объективным, не личным, честным, прямым, так, чтобы было ясно, что как критикующих, так и критикуемых и несущих ответственность интересует общественное благо и правда.

Демократия, понимая таким образом, как это явствует из всей ее философской основы, опирается в своей ежедневной политической работе на два весьма важные факторы, без которых она не мыслима: на демократическое понимание труда и на науку и правду.

Демократия, прежде всего, означает *труд*, великий труд, главным же образом, мелкую, постоянную, последовательную, непрерывную, сосредоточенную работу. Автократ, теократический монарх, олигарх или аристократ приказывают и управляют, остальные работают... Недемократ мыслит правительство и управление, как ряд приказов, инструкций, предписаний, — все остальные, кроме него, только для того и существуют, чтобы их исполнять и делать черную работу. Недемократический политик — это что то высшее, избранное; он приказывает не потому, что в работе необходимо применить принцип разделения труда, а потому, что существуют разные роды работы — более высокий, важный для народа делает он; в сущности говоря, в данном случае управление, приказания, ведение дел не является работой.

Демократ же действительно работает, т. е. работает на основании принципа разделения труда. Эту именно работу он делает не потому, что она более возвышенна или благородна, а потому, что дело идет о разумном разделении труда между различными членами общества. Сегодня он делает одну, завтра другую, быть может, самую низкую, работу и именно этим освящает каждый политический и социальный труд.

Поэтому то у демократа совершенно иные взгляды на работу, чем у аристократа. Это один из важнейших фактов для понимания демократии.

Другим таким фактором демократии является *наука*. Наука, т. е. современная наука, становится, чем дальше, тем больше, всеобщим достоянием народа, поддерживает развитие демократии. Демократия опирается на науку совершенно так же, как монархия на богословие и веру. Поэтому монархизм и аристократизм бывают почти всегда и теократией. Демократия, благодаря тому, что означает и подразумевает согласие или, по крайней мере, совет всех граждан при всяком политическом решении и действии, требует *критики* и *дискуссии*, т. е. аргументов, фактов, доводов и доказательств. Аргументы, факты, доказательства дает наука; таким образом, наука, наивысшая ступень науки и образования является необходимым дополнением демократии. Демократия дает своим гражданам новые широкие права и обязанности. Для того чтобы обычный гражданин мог их выполнить в современном сложном обществе, он должен быть к этому подготовлен: ему необходимо более широкое образование, опирающееся на научные основы. Потому то демократия так заботится о развитии школ, поэтому современная популяризация науки и является непосредственным следствием развития демократии.

Наука, в свою очередь, есть ничто иное, как искание правды; таким образом, *правда, т. е. честность, прямота, откровенность* в каждой политической работе, не говоря уже об этических основах философии демократии — ибо ведь это является характерным признаком каждой настоящей науки и истины — должны быть дальнейшим основным и неизбежным фактором каждой демократии.

Научность означает правильный метод деятельности; характернейшая черта ученого — правильное применение методы исследования. Потому для демократии в политике возможен лишь один правильный научный метод. Заключается он в исследовании и распределении фактов в научном наблюдении потребностей, желаний, переживаний общества и в зависимости от этого искании средств для осуществления политических целей демократии. Демократический политический метод идет в двух направлениях:

а) индуктивном и реалистическом по преимуществу, в то время, как политическая метода не-демократа фантастична, не реальная и романтична;

б) в сторону честного руководства принципами истины, откровенности и честности.

Из этого следует, что демократия должна бороться с политическим интриганством и мошенничеством. Демократия a priori выступает против маккиавелизма и иезуитства в политике; демократия против политики двойной игры, считая ее циничной, бессильной и безнравственной. Одним словом, из философии демократии ясно выступает единство политических и этических целей; в демократии не может быть споров между политикой и нравственностью, демократия не знает и не может допустить принципа, что нечестный поступок, ложь и обман могут быть оправданы патриотизмом и так называемыми интересами народа.

VII. Как возникает в демократии олигархия.

А теперь вопрос: почему до сих пор не осуществлена эта идеальная демократия? Или же иной вопрос: где осуществлена и вообще осуществима ли подобная демократия?

Так мы приходим собственно к вопросу о затруднениях демократии в том виде, как о них велись споры уже перед войной и как вообще они понимаются специалистами. Я лично в данном рассуждении понятие трудности демократии расширил, назвав «затруднениями демократии» все спорные вопросы демократического режима, споры об организации учреждений и т. д. Социологи собственно вопросом о затруднениях демократии считали до сих пор именно приведенный вопрос о том, почему идеальная демократия до сих пор еще не осуществлена и так называемый вопрос *об олигархии в демократии*. Этот вопрос касается более близко основы демократической философии и подымает снова проблему правительственного и государственного авторитета в демократии.

Ответ на вышеприведенные вопросы следующий: каждое общество в течение своей политической, экономической, социальной и культурной деятельности создает группы лиц, имеющих общие и одинаковые интересы. Каждый спор об общественных вопросах создает в свою очередь группы, имеющие более или менее одинаковые взгляды о спорных вопросах. Демократия должна делать политику при помощи этих организованных групп, которые в демократическом обществе организуются, как политические партии, борющиеся за свои интересы и взгляды в законодательных собраниях, в печати, в общественном мнении.

В каждой политической борьбе необходимо командование и организация, совершенно так же, как в физическом бое или войне. Вождь во время войны на практике всегда бывает диктатором. Война требует немедленных решений и моментальных постановлений: ведение боя не может быть отложено до демократических дискуссий. Военная дисциплина и диктатура являются, таким образом, понятными и естественными явлениями. Много подобного можно найти и в политической борьбе; борьба партий приводит к созданию вождей и организаторов. Чем сложнее политическое положение, тем более необходима для партии внутренняя организация, тем насущнее чувствуется необходимость возглавления и чем далее, тем большего авторитета достигает вождь. Партия бюрократизируется, как государство, и наиболее демократическая партия создает в своем центре олигархию*) вождя.

Прямо классически изложил это до войны социолог Роберт Михельс в своей книге «Социология партийной жизни», взяв в пример немецкую социал-демократию. Эта внутренняя тенденция организованных групп, тенденция неудержимая и неустранимая, основывается на целом ряде фактов.

Прежде всего она основывается на самом характере общественной организации, как уже было сказано. Сожительство, механика и техника человеческого общества требует организации и руководства во избежание хаоса и анархии. Необходимость организации поддерживается следующими психологическими данными.

а) В человеке живет стремление к власти и мощи, многие желают властвовать и держать все в своих руках просто из врожденного более или менее вульгарного эгоизма. Но есть также человечески оправдываемое и морально обоснованное честолюбие (и, наоборот, есть стремления, не оправдываемые ни способностями, ни этикой).

б) С другой стороны есть люди, которые *хотят*, чтобы их вели; это или рабские характеры, склонные к обожанию, или эгоисты, намеревающиеся эксплуатировать вождей. Всем известно, как часто появляются вожди, выдвинутые ведомыми.

в) Далее есть много людей, у которых или отвращение или нежелание заниматься общественными делами, словом, такие, которые сознательно избегают общественных дел, вследствие различных неприятных сторон общественных споров, например, в печати; где часто переходят границы и не брезгуют никакими средствами.

г) Есть великое множество людей, совершенно безразличных к общественным делам, — они бессознательно не зани-

*) Я не беру это слово в его обычном отрицательном значении. Наоборот, я хочу указать на олигархизацию, необходимо возникающую всюду и всегда в демократии, необходимо развивавшейся в той или иной форме.

маются общественной жизнью. Это безразличие и пассивность в последнее время значительно уменьшается, так как они обусловываются, главным образом на незнании общественной жизни. Возрастающая образованность масс все более и более уменьшает эту категорию людей.

д) Наконец, есть врожденная и неотстранимая причина, вызывающая в партиях и в обществе тенденцию к олигархии — действительное неравенство образования, способностей, интеллекта, таланта.

Не буду более распространяться о иных причинах, поддерживающих ту же тенденцию. Так, например, демократия подражает теократии, теократическому монархизму и аристократизму в выборе средств в борьбе против них же: организуется, подобно им, также выдвигает и поддерживает своих вождей, создает свою бюрократию и всю общественную механику. Это известный закон подражательности.

С этой точки зрения можно рассматривать политические партии и парламент во всех демократических государствах. В партии вырабатывается естественным подбором олигархия, которая, конечно, переносится и в парламент. Таким образом и тот орган, который должен быть непосредственным символом и совершенным выражением идеалов демократии — *парламент* понемногу подпадает олигархии. Уже вследствие невозможности непосредственной власти всего народа, который в наше время не может весь собраться в одном месте для обсуждения законов, как на это уже обращал внимание Руссо, сам парламент, как избранное учреждение, является олигархией по отношению к избирателям. По вышеизложенным причинам в современной демократической жизни парламент становится олигархией по своему внутреннему составу и деятельности, а все затруднения и недостатки политических партий отражаются в законодательных собраниях.

По тем же причинам, что и в партиях, руководство в парламенте совершенно естественно переходит в руки нескольких отдельных лиц, большинство же депутатов часто не знает совершенно, что делается или же что должно было бы делаться. Выходит на практике, что и в парламенте невозможно применение чистой демократии.

Вот научное, психологическое и социологическое объяснение возникновения и существования различных органов в парламентах различных государств, органов, ведущих в различных случаях за собой парламент. У нас это явление, совершенно для нас не характерное (оно часто наблюдается в политике многих государств), может быть приведено в связь с возникновением различных наших «Пятерок».

Повторяю, в этом нет ничего характерно нашего. Этот олигархический процесс в демократии указывает в основе на затруднения демократии вообще и после военного демократизма особенно. Теоретик демократии, анализируя объективно этот процесс по принципам философии демократии, может с точки зрения демократических теорий формулировать свои оговорки; может он также попытаться осудить демократию, как это в действительности и делают ее противники, говоря, что или демократия последовательна и ведет к анархии, или же непоследовательна и ведет к олигархии, т. е. совершенно не существует. Политический же деятель-практик основательно исследует то, что практически означает сегодня кризис демократии, исследует, как дело дошло до него; исследует причины и поводы всего этого явления и, наконец, оценит с точки зрения практической политики политические выгоды и невыгоды таких олигархических учреждений.

Может быть лишь одно заключение: совершенно лишнее расстраиваться, наблюдая этот процесс. Подобные явления, возникшие благодаря естественным затруднениям и трудностям демократии в той или иной стране, всегда *временны и преходящи*. Иначе они стали бы угрожать самым принципам демократий: с течением времени ее олигархия в демократии стала бы предметом нападок, иногда обоснованных и принципиальных, иногда личных, что в конце концов усилило бы реакцию и ее нападки на принципы самой демократии.

(Окончание следует).

Эд. Бенеш.

Соловецкая трагедия.*)

ЗА ЧЕКИСТСКОЙ ЗАВЕСОЙ.

Семь месяцев была скрыта от внешнего мира правда о Соловках.

Пользуясь продолжительной зимней отрезанностью от материка, советское правительство в начале надеялось совершенно замолчать 19 декабря. С этой целью была скрыта от политического Красного Креста посланная на его имя телеграмма старостата политических двух Соловецких скитов Савватиевского и Муколомского — с извещением о расстреле и с именами пострадавших социалистов революционеров и одного анархиста. Ни словом не обмолвились об убийстве 6 социалистов революционеров казенные коммунистические газеты. И только 10 февраля, когда весть о трагических событиях в Савватиевском скиту, невидимыми путями дошла до Москвы, встревожила родных и друзей заключенных и вынудила их потребовать объяснения от органов коммунистической полиции, назначенная незадолго перед тем комиссия по расследованию «происшедшего» на Соловках опубликовала в московских газетах в отделе хроники, напечатанное мелким шрифтом краткое извещение о происшедшем, будто бы, на Соловках, «столкновении» конвоя с заключенными, «в результате» которого оказалось: 1 убитый, пять умерших от ран и 2 легко раненых.

Семь месяцев Россия и весь мир должен был на слово верить правительству коммунистической партии, что 19 декабря 1923 года была убита только одна женщина, в то время как уже через полтора часа после расстрела пять бездыханных тел лежали там друг возле друга в одной из камер Савватиевского скита, а еще через 2½ часа смерть пяти социалистов-революционеров была оффициально запротоколирована врачем управления Северных лагерей.

7 месяцев советское правительство искусственно задерживало сношения материка с островами, чтобы ни один «вольный» человек не проник на Соловки и не узнал о новом преступлении большевиков, о незаконной и жестокой расправе агентов правительства с безоружными социалистами и анархистами. С этой целью

*) *От редакции.* Настоящую статью мы берем из выходящего на днях очередного № «Рев. России», в котором помещены исчерпывающие материалы и документы, освещающие Соловецкую трагедию 19 декабря.

ГПУ ответило отказом на заявление пяти родственников заключенных на Соловках о разрешении им пробраться на остров для свидания еще зимой, на поморской почтовой лодке, путем, которым неоднократно пользовались за время зимы чекисты, перебиравшиеся с острова на материк и обратно для выполнения служебных поручений, но который оказался закрытым для родных пострадавших социалистов-революционеров. С этой же целью почти на пол месяца были запрещены обычные летние свидания родных с заключенными, несмотря на давно уже открывшуюся навигацию.

И только теперь, когда чекистская блокада Соловков снята, мы имеем возможность узнать всю правду о 19-ом декабре. Вот как представляется картина этого кошмарного, ныне исторического события на основании сведений, дошедших до нас за последнее время.

МОСКОВСКИЙ ПРИКАЗ.

Главным виновником событий 19 декабря явилось ОГПУ.

«Юридическим» основанием для расстрела послужило распоряжение члена коллегии ОГПУ, зарекомендовавшей себя в качестве садистки известной Андреевой, о регулировании внутреннего распорядка в Соловецких концлагерях. Оно было передано в устной форме замначальнику управления северных лагерей Эйхмансу во время его пребывания в Москве. Долгое время это распоряжение не приводилось в исполнение. Только в середине декабря, с прекращением свиданий и накануне навигации решено было не делать из приказа секрета и приступить к решительным действиям. Очевидно администрация сочла себя застрахованной от проникновения на материк нежелательных для себя сведений с острова, что бы на них ни произошло.

Впервые о существовании московского приказа стало известно заключенным 16. XII 1923 года из уст специально приехавшего для его объявления Эйхманса. Сущность этого приказа сводилась к ограничению времени прогулок и действия электрического света. До сих пор заключенные гуляли круглые сутки; новый порядок устанавливал для прогулок время с 9 утра до 6 вечера. Что же касается электрического освещения, то оно должно было прекращать свое действие в 12 часов ночи.

Выслушав сообщение Эйхманса, объединенный старостат Савватиевского скита заявил свой решительный протест против нового распорядка лагерного дня, рассматривая его, как первый шаг к установлению в лагере норм тюремного режима.

Уезжая из лагеря в Соловецкий Кремль Эйхманс недвусмысленно пригрозил старостату:

«Нарушение приказа может повлечь за собой несчастные случаи».

Известие об занесенном над заключенными ударе мигом облетело все камеры. Угроза превращения лагеря в тюрьму взволновала весь Савватиевский скит. Возмущала в особенности полная немотивированность неожиданно свалившихся скорпионов. Пол года мирно жил Савватиевский скит в обстановке отвратительной «свободы передвижения» по лагерной территории, огороженной колючей проволокой. Этот порядок не создавал никаких неудобств для заключенных и для администрации. Не было никакой нужды ограничивать время прогулок. Изолированность острова, его естественная оторванность служили достаточной гарантией против побега. Нормы тюремного режима также мало вызывались условиями Соловков, как неуместен был бы тюремный режим на какой нибудь Новой Земле. Администрация чувствовала себя настолько застрахованной от мести политических заключенных, что по собственной инициативе неоднократно поднимала вопрос о возможности свободного передвижения заключенных по всему острову с наступлением зимы.

И вдруг, как гром среди ясного неба, нелепый приказ Москвы. Политические мотивы появившихся мероприятий били в глаза своей очевидностью. Да и сама администрация не скрывала их: уже на другой день после расстрела 20 декабря в разговоре со старостой, социалистом-революционером Иваницким, Эйхманс, вновь затронув вопрос о новом порядке прогулок, заявил, что ограничение времени прогулок входит в общий цикл мероприятий по нормированию лагерной жизни и потому отмена этих распоряжений может произойти только в том случае, если бы изменилось общее отношение к политическим заключенным.

«Но на это расчитывать трудно, — подчеркнул Эйхманс, — особенно теперь, когда в Киеве открыт заговор против Советской власти и в этом заговоре обнаружено участие политических партий».

Этим заявлением подтверждались и без того напрашивающиеся догадки о политической подоплеке нового чекистского нажима на заключенных.

Заключенные так расценили московский приказ и твердо решили нового порядка не принимать и, не оказывая активного сопротивления продолжать гулять по старому, чем бы это не грозило безоруженным пленникам большевиков.

ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ.

17 и 18 декабря прогулки продолжались по старому, не вызывая со стороны администрации попыток к их ограничению.

В ночь на 19-ое произошел характерный инцидент с анархистами, вызванный прекращением в 12 часов ночи действия электрического света. Вопреки заключенному незадолго перед тем

соглашению старостата с комендатурой лагеря, о прекращении после 12 часов ночи прогулок по озеру, анархисты, в виде протеста против неподачи электрического света, нарушили это соглашение и всей фракцией с участием одиночек из других фракций высыпали на лед, не обращая внимания на окрики и свистки часовых. После бесплодных попыток дежурного по лагерю и самого коменданта уговорить анархистов уйти с озера, их оставили в покое и демонстративная прогулка беспрепятственно продолжалась , пока не наступило естественное утомление. Около трех часов ночи анархисты возвратились на ночлег.

Наступило 19-ое декабря.

Ничего не подозревавшие заключенные спокойно тянули скучную нить лагерных будней. Перевалило за полдень. Прошел обед. Стало смеркаться.

Как всегда быстро надвигался долгий северный вечер. В этой вечерней сгустившейся темноте шла невидимая черная работа подготовки убийства. Телефон между лагерем и Соловецким Кремлем неумолчно трещал. Приблизительно за час-полтора до расстрела в лагерь приезжал начальник управления Ногтев, по справедливости пользующийся среди заключенных репутацией человека, способного на самые жестокие и кровавые действия и уже набивший себе руку в расправах с заключенными в других северных лагерях. Это он в свое время цинично посоветовал привезенным из Сибири социалистам - революционерам заменить объявленную ими голодовку более сильным средством умерщвления — «веревочкой» . . .

По указанию Ногтева комендатура мобилизовала к вечеру все наличные силы лагеря, годные к роли убийц. В сводный отряд усмирителей помимо красноармейцев вошли чины надзора и служащие канцелярии коменданта, навербованные исключительно из числа совершивших *уголовные преступления чекистов*, присланных на Соловки для отбытия срока наказания и здесь получивших в свои руки оружие и право жизни и смерти над социалистами и анархистами. Не нужно было никаких усилий, чтобы заставить этих бандитов и воров из числа бывших чекистов стрелять в безоружных людей: они сами искали случая загладить перед советской властью совершенные ими преступления; они естественно ненавидели социалистов, пришедших не за уголовные, как они, деяния и смело отстаивавших перед администрацией свое человеческое достоинство, в то время как им, бывшим чекистам, приходилось покупать свое благополучие, а иногда просто откупаться от смерти, ценою доносов, прислужничества и готовности бесчеловечно расправляться со всеми врагами советской власти.

Сложнее было с красноармейцами. Их пришлось, загодя, приготовлять к роли убийц на случай возможных «убийств и вос-

станий» Для этой цели был приглашен «политрук», в течение нескольких месяцев натравливавший солдат на заключенных. Еще с Пертаминска, незадолго до перевода политических заключенных в Соловки, солдаты, по наущению свыше стоящих, распевали, направленную против эсеров, самодельную песенку со следующим припевом:

«Мы эсэров не боимся»
«И пойдем на них в штыки».

В результате этой обработки часть красноармейцев могла оказаться, и действительно оказалась, пригодной к стрельбе по безоружным людям. Все необходимые инструкции отряду были своевременно преподаны.

К 6 часу вечера в комендатуру был вызван староста анархистов Браверман, которому комендант Розенталь прочитал незадолго перед тем полученную из Кремля телефонограмму Эйхманса, предписывающую провести в жизнь новый ограничительный порядок прогулок и действия электрического света.

Ознакомившись с содержанием телефонограммы, анархисты после доклада своего старосты, сейчас же, еще до наступления 6 ч. вечера, высыпали на двор и стали гулять.

Вскоре после этого старостату социалистического коллектива был предъявлен для ознакомления и подписи, составленный на основании телефонограммы приказ по лагерю о вступлении в силу распоряжения управления. Приказ отличался от телефонограммы присутствием в нем одного существенного пункта; в нем говорилось о том, что содержание приказа должно быть объявлено для сведения заключенных на поверке, то-есть, *не ранее 8 час. вечера*. Таким образом, по смыслу приказа, он мог вступить в законную силу только к 9 часам вечера.

Старостат отказался подписать этот безымянный приказ и предупредил дежурного о том, что для выяснения всего этого вопроса в комендатуру пойдет кто нибудь из старых. Через две - три минуты дежурный появляется вторично с тем же приказом, но уже подписанным комендантом.

— Не забудьте сказать коменданту, что староста Богданов пойдет к нему для переговоров по поводу его распоряжения, — вторично заявил дежурному староста эс-эр Иваницкий, расписываясь в прочтении приказа. Между тем, количество гуляющих на дворе и по аллеям все возрастало. О существовании приказа и о приезде Ногтева узнали и некоторые из социалистов. Они по собственной инициативе вышли на двор и присоединились к ранее вышедшим на прогулку анархистам и одиночкам из социалистов. Но так как подавляющее большинство социалистов *не подозревало* о существовании приказа, то решено было обойти

все камеры и ознакомить товарищей с его содержанием. Однако, обход камер не удалось довести до конца. Со двора послышались глухие одиночные выстрелы часовых. Лагерь встрепенулся.

Не нужно было никаких объяснений. Все понимали смысл этих выстрелов. Никакие уговоры — не выходить сразу всем, в большинстве случаев, не достигали цели. Наскоро набрасывая пальто и полушубки, выходили заключенные на двор, чтобы всем коллективом принять направленный против него удар.

Администрация проявляла необычайную торопливость. Забыв о своем собственном приказе, комендант *еще до наступления* 6 часов вечера отдал устный приказ *препятствовать прогулке заключенных*. Словно умышленно принимались все меры к тому, чтобы затруднить мирную ликвидацию конфликта: перестали отбивать на колокольне часы, что сделало невозможным для заключенных точное определение времени. Старосту Иваницкого не пропустили к коменданту для переговоров по поводу приказа. Когда товарищ Иваницкий подошел к зданию комендатуры, часовой кратко объявил ему:

«К коменданту нельзя.»

Все пути к мирному исходу конфликта были заказаны.

Так было угодно вдохновителям и организаторам 19 декабря.

ПЕРВЫЙ ЗАЛП.

Первый выстрел был дан часовыми с вышки, расположенной около замерзшего озера, недалеко от здания комендатуры. Вслед за ним огласили воздух другие одиночные выстрелы. Все они в большинстве своем были направлены в воздух. В это время двор лагеря представлял необычайную картину. Около сотни людей сплоченными группами толпой заполняли все обычные места прогулок. Молча, сосредоточенные, в тишине, медленно двигались в свете электрических лампочек люди. Постепенно напряжение стало, однако, проходить. Кое где перекидывались шутками и замечаниями.

— Граждане, здесь нельзя ходить, — время от времени раздавалось со стороны часовых.

Замечания часовых оставались без ответа.

Безуспешные оклики и приглашения, обращенные к гуляющим, то и дело перемежались с беспорядочными выстрелами в верх.

Был драматический момент, когда один из часовых, направив винтовку в грудь зашедшего дальше других заключенного Рюмина (эс-эр), узнал в нем своего земляка.

— Уходи, — дрожа всем телом, не своим голосом закричал часовой, продолжая держать винтовку на изготовку.

— Стреляй, — ответил ему товарищ Рюмин.

Винтовка ходуном заходила в руках часового. Борьба человеческого со звериным в красноармейце длилась мгновение. С болезненно искаженным лицом он поднял винтовку вверх и подряд два раза выстрелил в воздух.

Между тем, от ворот, примыкающих к корпусу анархистов, показались тесно подвигающиеся из города красноармейцы. Они подошли вооруженные винтовками. Часть их спустилась на озеро и растянулась по льду длинной цепью. Другая цепь осталась во дворе и выстроилась вдоль изгороди. Общее количество стрелков достигало 45 человек.

Впереди цепи, протянувшейся вдоль изгороди, стоял молодой взводный:

— Политзаключенные! Предупреждаю в первый раз, заходите по помещениям, — громко, размеренно крикнул молодой четкий голос.

— Кто командует карательным отрядом? — также громко и спокойно спросил из толпы гуляющих товарищ Грошев, левый эс-эр.

— Командир взвода.

— Как его фамилия, чтобы увековечить, — продолжал допрашивать товарищ Грошев в жуткой торжественной тишине.

На этот раз взводный уклонился от ответа и увековечить себя не пожелал:

— Это не ваше дело, — недовольно буркнул он вместо ответа.

Прогулка продолжалась.

Положение становилось все более и более напряженным. Напряжение увеличивали какие-то люди, торопившие красноармейцев перейти от слов к делу. До гуляющих, ближе других подходивших к цепи, доносились случайные отрывочные фразы:

— Нечего церемониться, пора начинать.

— Если будут нападать, коли их штыками.

— Не давайте себя бить.

Это были ясно провокационные возгласы, так как заключенные оказывали лишь пассивное сопротивление, твердо решив не давать никаких поводов к стрельбе. Выждав 2-3 минуты и убедившись в безрезультатности своего призыва к заключенным, начальник взвода крикнул во второй раз:

— Политзаключенные, расходитесь по своим местам.

В ответ на это один из гуляющих, товарищ С. Б. Корелиц (эс-дек) бросил следующую четкую фразу:

— Мое место здесь.

Снова на минуту воцарилась напряженная тишина.

А затем негромкое наставление, обращенное к красноармейцам:

— Без свистка не стрелять.

Наконец, последовало третье предупреждение, столь же безуспешное, как и два предыдущих.

Нужно подчеркнуть следующее очень важное обстоятельство. *Ни одно из предупреждений не сопровождалось угрозой стрелять в ослушников.* Даже специалисты военного дела из среды заключенных были обмануты в своих предположениях о том, к каким мерам собирается прибегнуть карательный отряд для приведения заключенных к «повиновению».

— Сейчас начнут работать прикладом, — делились между собой догадками.

Кое кто не исключал возможности изведать удары штыков. На эту мысль наводили доносившиеся от цепи угрозы:

«колоть штыком».

Были готовы ко всяким мерам оттеснения в корпус, но лишь незначительная часть гуляющих предвидела немедленный боевой огонь.

Не более, как через минуту или две после третьего предупреждения со стороны руководившего стрельбой взводного, раздалась громкая спокойная команда:

— Цепь, вперед. Прямо в помещение пальба взводом. Взвод пли!

Послышался свисток и тотчас же раздался оглушительный залп и отдельные беспорядочные, но частые выстрелы.

Слабо вскрикнув, тяжело опустился на землю у главной аллеи Г. А. Белима-Пастернаков (эс-эр). Недалеко от него лицом в снег упал Горелик (эс-эр). Оба были смертельно ранены. Горелик громко стонал. Тут же был ранен в плечо анархист Лебедев. В другом месте на боковой аллее с пробитой и развороченной правой ногой упал Шик, Г. Э. (эс-эр).

Убедившись, что стреляют боевыми патронами, В. Д. Беляев (эс-дек) зычно крикнул:

— Ложись.

Большинство гуляющих припало к земле. Часть продолжала стоять или двигаться. Но стрельба продолжалась и по лежащим.

Раздались многочисленные голоса:

— Есть раненые.

Вскочив на ноги, бросились поднимать стонущих в предсмертной агонии товарищей.

Понесли.

Медленно, путаясь и мешая друг другу, продвигались вперед вверх по аллее, по направлнию к красному социалистическому корпусу. Капли просочившейся крови отмечали по снегу этот медленный путь. А кругом шел непрерывный обстрел безоружных людей.

Когда выстрелы становились особенно частыми и настойчивыми, приходилось останавливаться и опускать раненых на землю.

Все это происходило на глазах усмирителей, которые не могли не видеть результатов своей работы. Когда в промежутке между первой и второй серией выстрелов, один из товарищей М. А. Павлоцкий (эс-эр) бросился на главную аллею с громким криком:

— Три человека ранены —

со стороны цепи, стоящей вдоль изгороди, раздалось:

— Сами подберем.

Кто то, негодуя и волнуясь, бросил от часовни в сторону цепи:

— Палачи!

И сейчас же послышался ответ взводного:

— Спасибо за аттестацию.

И непосредственно вслед за этой иронической репликой громкая и спокойная команда:

— Зарядить винтовки на полные обоймы.

А затем короткая, но зловещая пауза, в продолжении которой хождение по аллеям возобновилось.

ВТОРОЙ И ТРЕТЬИЙ ЗАЛПЫ.

Коллектив представлял в этот момент единый организм, спаянный общностью ненависти и опасности и уже пролитой крови.

Сплоченными группами, игнорируя все возрастающую опасность, продолжали гулять заключенные, противопоставляя винтовкам и револьверам свою решимость и сознание своей правоты. Было что-то трагическое в этом безнадежном и заранее предрешенном поединке воруженной подлости с сознательной готовностью односторонними жертвами отстоять то, что коллектив считал своим правом и честью.

Еще не успел рассеяться дым от первых выстрелов, не успели еще отнести раненых, как раздалась новая команда все того же твердокаменного и тупого в своей солдатской исполнительности взводного.

— Цепь, вперед на десять шагов.

А навстречу поднимавшейся по аллее цепи спускалась уже поредевшая к тому времени толпа заключенных с Г. М. Кочаровским (эс-эром) впереди.

— Не подходи, раздалось из рядов расноармейцев и чинов надзора.

Кое кто остановился.

Некоторые повернули назад..

Обернувшись, Г. М. Кочаровский громко закричал:

— Не уходите товарищи.

И своим телом заслонил от солдат С. Юдичеву (эс-эрка).

— Что же вы не стреляете? — громко крикнул Д. И. Попов.

Как-бы в ответ на это последовала новая команда:

— Прямо по мишеням, взвод, начинай!

Свисток и беглый, частый огонь.

Пронзенный четырьмя пулями, падает смертельно раненый Г. М. Кочаровский. Перебиты сонные артерии. Рядом с ним погибает его жена, Лида Котова (эс-эрка), падает, тяжело раненый в руку В. И. Попов (эс-эр). С. Юдичевой чудом удается ускользнуть от неминуемой смерти: ее пальто было пробито пулями в двух местах.

В другом месте возле часовни опускается на землю смертельно раненая Наташа Бауэр (эс-эрка), успев сказать только два слова:

— Я ранена.

Двухкратное пассивное сопротивление было сломлено. Слишком тяжелы и дороги были понесенные жертвы.

Наступила естественная реакция.

Старостату удается на этот раз увести с собой со двора в корпус всех оставшихся в живых.

Часть товарищей бросается на помощь к несущим убитых и раненых.

В это время со стороны приближающейся цепи раздается спокойный деловитый окрик:

— Только подбирайте скорее.

И опять все таже настойчивая команда:

— Цепь, вперед. Никого не оставлять за цепью.

Да... «Они» тоже не теряли ни хладнокровия, ни деловитости, ни распорядительности, эти люди — машины.

— Не стреляйте. Мы уходим, — крикнул в их сторону староста анархистов Браверман.

Но стрельба, после небольшой паузы, возобновилась.

Это была серия беспорядочных выстрелов по уходящим, из которых никто не пострадал. Пули осыпали часовню, красный корпус, вход в него. Одна пуля еще в самом начале стрельбы попала даже в кухню. Приходилось останавливаться с тяжело ранеными, уже умирающими товарищами и выжидать благоприятного времени, когда на минуту ослабевала стрельба, чтобы внести в корпус драгоценную ношу. Стрельба производилась с трех сторон. Заключенные были зажаты в кольцо красноармейцев и уголовных чекистов — этих отбросов большевистской политической полиции. Повидимому, последняя и проявила наибольшую жестокость и неразборчивость в стрельбе. Из красноармейцев большинство стреляло в воздух. Это засвидетельствовано очевидцами среди заключенных. Об этом говорят сбитые выстрелами с высоких елей шишки и ветки. Вся операция «стрельбы» в живую мишень длилась 5—10 минут.

В КОРПУСЕ.

Одна мысль пронизывала коллектив по возвращении его в корпус: как спасти раненых? Ведь, выведенные из строя были как раз наиболее мужественные товарищи, молодые и преданнейшие члены П. С.-Р. Кроме очень немногих товарищей, коллектив еще и не подозревал, что смерть уже вырвала из его рядов Лизу Котову, у которой была перебита сонная артерия и что сочтены последние минуты большинства тяжело раненых товарищей.

Их разместили в камерах ближайших к входу в корпус. Тяжело раненые быстро угасали в последней предсмертной агонии. Один за другим в течение полутора часов умерли Н. М. Горелик, (через 20 минут) Г. А. Белима-Пастернаков, Г. М. Кочаровский и Наташа Бауэр.

Тяжело раненый В. И. Попов и легко раненые были сосредоточены в одной из верхних камер. Только в 10 час. вечера, когда умершие были уже перенесены в большую камеру сибиряков, в социалистический корпус явилась женщина — врач Фельман (Фельдман?), бегло осмотрела убитых и раненых и попыталась уговорить старостат перенести последних в более будто бы приспособленный корпус чинов администрации. Старостат отказался от этого предложения и Фельман на нем не настаивала.

Вслед за Фельман явился Эйхманс и в разговоре со старостатом выразил свое «соболезнование» по поводу всего совершившегося, назвал расстрел «глубоко прискорбным случаем».

— И для меня и для товарища Ногтева, — заявил Эйхсман, расстрел явился полной неожиданностью. Приказа стрелять я не отдавал. Можете не сомневаться в том, что все виновники будут арестованы и понесут должное наказание.

В заключение Эйхсман сообщил, что ближайшим пароходом виновные будут отправлены в Москву и поэтому он просил старостат дать свои показания специальной комиссии, назначенной управлением для расследования обстоятельств расстрела. В ответ на это предложение Эйхсмана старостат ограничился подачей ему письменных заявлений с изложением всей картины событий 19 декабря, отказавшись давать показания учрежденной управлением следственной комиссии. Иного отношения и не могло быть к попыткам соловецкой администрации свести трагедию 19 декабря к вине нисшей лагерной администрации, якобы на свой страх и риск стрелявшей в безоружных социалистов и анархистов. Лучшей иллюстрацией лживости и искренности «соболезнования» администрации может послужить судьба арестованного и отправленного в Москву коменданта Савватьевского скита Розенталя: он был освобожден и получил повышение по службе. Неизвестно также, чтобы какое нибудь наказание постигло увезенных вместе с ним

«политрука», начальника взвода и двух красноармейцев. Их только убрали с глаз.

Да и не они только главные виновники убийства. Никогда рядовые стрелки не рискнули бы пойти на массовое убийство мирно гуляющих людей без внушения или прямого приказа своего начальника. И никакое начальство не решилось бы на свой риск и страх отдать приказ о стрельбе, не получив на это полномочий свыше и обещания своей безнаказанности.

А такое обещание было дано. Рассказывают, что когда Розенталь, в ответ на инструкцию Ногтева о приведении заключенных к повиновению выразил опасения относительно возможности жертв, Ногтев в свойственном ему напыщенном стиле ответил:

— Советская власть достаточно сильна, чтобы не бояться жертв.

Велико было поэтому первоначальное недоумение Розенталя, когда тот же самый Ногтев через несколько часов лично арестовал его. Когда Розенталя арестованным увозили из Савватиевского скита, он злобно сказал:

— Все здесь провокаторы.

Не даром назначенная Москвою «комиссия по расследованию происшествия на Соловках» не торопится прибыть на место «происшествия» и до конца лета 1924 года, когда пишутся эти строки, все ее работы свелись к опубликованию краткого и лживого сообщения об имевшем будто бы место «столкновении» конвоя с заключенными и к допросу и освобождению нескольких «стрелочников», арестованных на Соловках.

ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ НА СОЛОВКАХ.

Все убитые были похоронены в одной братской могиле.

Место для нее было выбрано за оградой на небольшом возвышении, окруженном молодыми стройными елями.

Все заботы о приготовлении к похоронам взяли на себя заключенные.

В ожидании похорон возле трупов погибших товарищей, меняясь каждые 2 часа, день и ночь дежурили представители всех фракций Савватиевского скита. У входа в корпус также были расставлены часовые из за опасения возможных попыток администрации отнять ночью трупы убитых. Впоследствии выяснилось, что эти опасения имели под собой реальную почву. План похищения у заключенных трупов у администрации был. Но от него пришлось отказаться за невозможностью его выполнения.

Похороны состоялись 22 декабря.

После краткой гражданской панихиды, печальная процессия длинной лентой вытянулась от корпуса к главной аллее. Впереди несли фракционные венки из еловых ветвей, скромные, строгие в своей суровой северной простоте. За ними пять тяжелых сосно-

вых гробов, далее хор и весь Савватиевский коллектив.

Пением похоронного марша процессия медленно опустилась по главной аллее, за три дня перед тем орошенной кровью убитых эс-эров.

На дворе ни одной посторонней души, кроме одинокого часового на вышке, которому отдан приказ пропустить процессию за ограду без всякой охраны.

Вот и могила. Глубокая, большая яма, серая от промерзшей глины, с выступающими с боков первобытными валунами. Суровая могила. Подстать мрачному северному ландшафту.

Под печальные звуки похоронного марша и «Черного Знамени» один за другим опускаются в могилу тяжелые гробы.

Могила засыпается до верху и скрывается под венками и зеленью елок — скромными украшениями скудного пустынного острова. В напряженной вечерней тишине плавно и ровно льются слова песни, будя вереницы воспоминаний о прежде и ныне погибших.

Их много о, правда, служивших тебе
И павших геройски в неравной борьбе.

Молча возвращается коллектив с похорон. Входят во двор, поднимаются по аллее и останавливаются у часовни на том месте, где была убита Наташа Бауэр. Довольно похоронных мотивов, пусть не подумают палачи, что социалисты могут только скорбеть. И бодрые, и грозные громко раздаются в сумерки вечера волнующие слова народовольческого марша:

Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою.

Решительные мажорные ноты, решительные, резко обрубленные слова, и лица у всех становятся сосредоточенно строгие. С этим сознанием бодрости и несломленной воли к борьбе возвращается коллектив в корпус.

Но не скоро суждено было коллективу наладить так трагически сломленный «нормальный» круговорот будничной лагерной жизни. Совершенно неожиданно из больницы Соловецкого Кремля пришло известие о смерти В. И. Попова после ампутации раненой руки» в страшных мучениях он умер вечером 4 января.

Снова коллектив вступил в траурную полосу.

Похоронили В. И. Попова 6 января все в той же братской могиле. Летом возвели над ней покрытый зеленым дерном холмик и положили сверху камень с выбитыми на нем именами погибших и датой. Так выросла первая братская могила на Соловках.

Эс-эр.

Лига Наций и мир.

ПО ПОВОДУ «ЖЕНЕВСКОГО ПРОТОКОЛА».

1. Происхождение Протокола.

Главные идеи женевского «Протокола о мирном разрешении международных тяжб» давно уже нашли себе выражение в самом Основном Договоре (Pacte), являющемся своего рода конституцией Лиги Наций.

Действительно, как читателю наверное известно, женевский протокол покоится на трех принципах: третейском разбирательстве, международной безопасности и разоружении. В более раскрытом виде эти три выражения, звучащие несколько туманно, означают следующее: международные распри должны разрешаться мирным образом, путем установления *обязательности* третейских разбирательств; против того, кто, игнорируя это обязательство, возьмется за оружие, должны быть применены репрессивные меры, *санкции*, объединенными силами всех других членов Лиги — с тем, чтоб мирные нации чувствовали свою безопасность защищенной не однеми только их собственными вооруженными силами; сознание международной безопасности, делая излишней значительнейшую долю современного военного бремени, должно повести к *сокращению вооружений*, которое в свою очередь укрепит чувство международной безопасности.

Все это предусмотрено Основным Договором Лиги Наций. Статьи 12-ая, 13-ая и 15-ая Договора устанавливают обязательство для членов Лиги передавать свои конфликты, которые не могли быть улажены обычным дипломатическим путем, на рассмотрение третейского суда или Совета Лиги. Статья 16-ая этого Договора предусматривает санкции экономического и даже военного характера против того, кто начал бы войну, нарушая Основной Договор. Наконец, статьи 8-ая и 9-ая посвящены сокращению вооружений.

Констатируя это, я нисколько не думаю умалять значения женевского Протокола. Я хочу лишь ближе определить его характер и его место на общем фоне Лиги Наций. В этом смысле

можно сказать, что его отношение к соответствующим пунктам Основного Договора приблизительно такое же, какое в каждом конституционном государстве существует например между законом о прессе и пунктом конституции,, превозглашающим свободу печати. Основной Договор превозгласил определенные принципы, признанные членами Лиги; Протокол же стремится нормировать проведение этих принципов в жизнь.

Это одно уже означает не маловажный шаг вперед в деятельности Лиги а, может быть, и в истории действительных международных отношений. Ведь Лигу Наций упрекали не в том, что она была скупа на признание — более или менее искренее — разных благородных и благотворных принципов. Ее наоборот с большим основанием винили в том, что, громко превозглашая высокие идеи международного мира и международной справедливости, она почти ничего не хотела или не умела сделать, во всяком случае мало что сделала, для осуществления этих идей в международной действительности. Значение женевского Протокола поэтому, прежде всего заключается в следующем: он стремится провести в жизнь то, что до сих пор было лишь благим пожеланием, и что многим не без основания казалось обреченным остаться благим пожеланием при «версальской» печати, лежащей на Лиге Наций.

И в самом деле, пока в Англии власть принадлежала консервативным либералам, либеральным консерваторам или просто консерваторам, пока во Франции господствовал «национальный блок» во главе с Мильераном, с Пуанкарэ в Елисейском дворце или с Пуанкарэ на Quai d'Orsay, — Основной Договор Лиги со всеми его прекрасными принципами оставался после заключения мира достойным венцом той освободительной фразеологии, которая таким пышным цветом расцвела во время войны. В то же самое время даже «благие пожелания» Лиги быстро хирели; синяя птица неслась — — von Fall zu Fall от падения к падению. Никто уже не говорил о *разоружении*: утопичность этого была черезчур очевидной. Но и просто некоторое *сокращение вооружений* казалось несбыточной мечтой. Думали было хотя бы *ограничить непрерывный рост* вооружений, остановить его хотя бы на один год — и это оказалось неосуществимым. Тогда перешли в область научного исследования, к *анкете* о современном состоянии вооружений, и эта анкета тоже кончилась полным фиаско, чтоб не сказать скандалом, который с трудом похоронили в молчаливых стенах Генерального Секретариата Лиги.

Так обстояло дело с разоружением. Что же касается мирного разрешения международных конфликтов и создания международной безопасности, то факты еще слишком свежи в памяти, чтоб стоило о них распространяться. Достаточно напом-

нить хотя бы только о том, как Муссолини «мирно» напал на остров Корфу, или как Польша не менее «мирно» разрешила спор о Виленщине.

Вооружения росли. Общественное мнение все более теряло веру в Лигу Наций. Международное положение становилось все более опасным. Опять запахло дымом европейского пожара при столкновении на Руре. Победители стали всерьез опасаться за «плоды своей победы». Тогда на четвертом общем Собрании Лиги (в сентябре 1923 г.) был выработан проект так-наз. *Договора о взаимном содействии*.

Этот договор, по существу своему, являлся контрактом взаимного страхования членов Лиги на случай нападения на кого-либо из них. Объявляя агрессивную войну международным преступлением и приравнивая нападение на одного к нападению на всех членов Лиги, он стремился распределить риск и жертвы войны между всеми страхуемыми, одновременно низведя до минимума шансы нападающего, а тем самым и риск войны оборонительной. Из теперешней формулы «третейское разбирательство, безопасность, разоружение», Договор о взаимном содействии останавливался преимущественно на безопасности, т. е. на *санкциях* против прибегающего к агрессивной войне. Оне разбираются Договором весьма обстоятельно, оне им организуются. При этом Совету Лиги, в деле осуществления санкций, предоставлялось не только руководящая роль, но временами почти диктаторская власть над входящими в Лигу нациями. Если война вспыхнула, Совет (в течении четырех дней!) определяет, кто является нападающим, и его решение обязательно для всех членов Лиги (статья 4-ая); Совет решает также, какие экономические и военные санкции должны быть применены по отношению к нападающему; он определяет далее, какие силы должны быть выдвинуты каждым отдельным членом Лиги для усмирения нарушителя мира; он организует и руководит союзными операциями, имеет преимущественное право распоряжения средствами сообщения отдельных государств, назначает высшее командование союзной армией, и т. д. и т. д. (ст. 5-ая). — Договор о взаимном содействии стремился таким образом превратить Лигу в крепко организованный *оборонительный военный союз*. При этом авторы его сочли нужным оговорить, что «мирные договоры, подписанные в 1919 и 1920 гг. в Версале, Нейи, Сен-Жермене и Трианоне» остаются в полной силе (статья 14-ая). — Прибавим еще, что Договор допускает, кроме общего соглашения о взаимном содействии, еще и специальные, частные соглашения между отдельными государствами (вроде Малой Антанты), устанавливающие между ними более тесные обязательства в случае нападения.

Что же касается двух других членов три-единой формулы,

то с ними в Договоре о взаимном содействии дело так обстоялo о сокращении вооружений, кой что и говорится в этом договоре (статьи 11—13), но говорится об этом в будущем времени, в общих выражениях и ни в какой мере не ставя прав и обязанностей «взаимного содействия» в зависимость от действительного сокращения вооружений. Относительно же проведения в жизнь системы третейских судов в Договоре о взаимном содействии нет ни одного слова.

Договор этот в принципе — но с оговорками относительно деталей — был одобрен 18-ю государствами, а именно теми, которые серьезно опасаются нападения. К числу одобривших принадлежали Франция, Бельгия, Польша, Балтийские государства, государства Малой Антанты. Наоборот, государства, мало опасающиеся нападения, государства, которым риск войны представляется следовательно слабым, и которые как раз Договором о взаимном содействии больше всего рисковали бы быть втянутыми в войну, естественно сочли его для себя невыгодной сделкой и не дали своего одобрения или даже прямо высказали свое отрицательное отношение к нему. Такую позицию заняли Великобритания, Скандинавские страны, Голландия, Испания, все заокеанские государства. Договор оказался мертворожденным.

Лига Наций таким образом опять очутилась бы на мели, и кто знает, не разбилась ли бы она на сей раз окончательно, если б тем временем не произошел решительный *сдвиг налево во внутренней политике* двух стран, от которых в настоящее время больше всего зависит судьба Лиги. Добившись власти в Англии и Франции, народные массы, искренно опасающиеся новой войны, решительно и красноречиво на пятом Собрании Лиги заявили устами Макдональда, Эррио, Поль-Бонкура и других, что оне намерены немедленно же приступить к практическому созданию таких условий, которые сделали бы возможным скорейшее сокращение вооружений и положили бы начало эпохе длительного мира. Лондонское соглашение по репарационному вопросу, состоявшееся незадолго перед тем, создало благоприятную атмосферу для решения общего вопроса о прочном мире и разоружении. При этом *американская буржуазия*, по-своему заинтересованная в оздоровлении экономической и политической жизни Европы, оказала деятельное содействие силам мира, которые в самой Европе искали рационального выхода из послевоенного тупика. Таким образом к моменту 5-го общего Собрания Лиги подоспел также *проект, выработанный несколькими американцами* (при ближайшем участии генерала Блисса).

Напоминая в своих декларативных частях слова и выражения Договора о взаимном содействии и, в частности, объявляя

подобно ему, агрессивную войну международным преступлением, американский проект, однако, по существу глубоко отличался от упомянутого Договора. Отметим здесь лишь следующие его особенности:

1) Совету Лиги теперь же поручается созвать всемирную конференцию по разоружению с участием государств, и не входящих в Лигу; при этом намечаются также главные черты организации будущей системы сокращения вооружений. 2) Устанавливается обязательность третейского суда по всяким международным конфликтам. 3) Определение нападающей стороны, размеров и длительности возлагаемых санкций предоставляется не дипломатическому учреждению, каким в сущности является Совет Лиги, а Постоянному Международному Трубуналу (Cour permanente de justice internationale) 4) Устанавливается простой и почти очевидный критерий для определения нападающей стороны: нападающим является тот, кто откажется признать решение Международного Трибунала. 5) Санкции ограничиваются обязательными международными репрессивными мерами исключительно экономического характера. Несмотря на многие внешние сходства, между обоими проектами была целая пропасть, через которую перекинуть мост было нелегко.

Впрочем, на самом 5-м Собрании Лиги ни один из этих проектов в чистом своем виде не нашел себе защитников.

Неудовлетворительность Договора о взаимном содействии, особенно вследствие полного игнорирования системы третейских разбирательств, бросалась в глаза каждому, и сам Эррио уже в первой своей речи — несмотря на то, что французское правительство раньше одобрило проект Договора — счел необходимым включить обязательное третейское разбирательство в систему гарантий безопасности, как первое звено этой системы. Англичане же, и вообще представители государств, боявшихся быть втянутыми в войну именно этим договором, самым решительным образом его отвергали: по их мнению, путь к международной безопасности и к прочному миру лежит не через превращение Лиги и ее Совета в военную машину, а в развитии и укреплении системы третейских разбирательств и в *предварительном* сокращении вооружений. Если французы указывали, что без безопасности, т. е. без санкций за агрессивную войну, нет сокращения вооружений, то англичане с своей стороны ссылались на то, что при современном состязании вооружений организация международных санкций, особенно военных, рискует всякую вспышку накопленного пороха превратить в мировой пожар, рискует, пожалуй, вызвать подобную вспышку с ее неисчислимыми последствиями.

Что же касается американского проекта, то он французам

казался недостаточным, а англичанам чрезмерным. Французы недостаточным его находили, главным образом, потому, что он исключает *военные* санкции; правда, одни экономические санкции против какого-нибудь государства со стороны всех членов Лиги делают для него войну крайне рискованной авантюрой, а если война затянется, оне должны непременно привести к его поражению; но все же они одне не могут помешать нападающему одерживать временные успехи и причинять противнику, подвергшемуся нападению, жестокие потери и непоправимые разрушения. Для англичан американский проект, включивший систему арбитража, предусматривающий скорейшую организацию разоружения и ограничивший санкции одной лишь экономической областью, был, конечно, более приемлем, чем Договор о взаимном содействии; однако, и он не мог получить их одобрения вследствие того, что им устанавливаются санкции уже сейчас и независимо от успеха будущих планов разоружения; при современном же состоянии вооружений, санкции даже экономического характера, как конфискации имуществ, блокады, снабжение одной стороны (подвергшейся нападению) всем необходимым и т. п. могут в военное время легко вызвать и чисто-военные операции.

Но бремя милитаризма до такой степени гнетет современного человека, опасность теперешнего международного положения так очевидна всем и каждому, что Макдональд и Эррио *не могли* вернуться из Женевы, к пославшим их народным массам, с заявлением об отсутствии выхода из заколдованного круга. Макдональд и Эррио, *хотели* найти общий язык, хотели найти компромисс между второстепенными интересами каждой из этих стран во имя насущнейшего интереса обеих, во имя высших интересов мира — и, после трудных поисков в первой и третьей комиссиях (при руководящем участии Бенеша и Политиса), такой компромисс был найден и затем единогласно принят общим собранием Лиги. Этим компромиссом и является так называемый женевский «протокол о мирном разрешении международных тяжб», сохранивший некоторые черты двух предыдущих проектов, но сильно отличающийся от обоих, особенно от Договора о взаимном содействии.

В чем же суть этого Протокола?

II. Основные черты Протокола.

Вслед за договором о взаимном содействии и «Протокол о мирном разрешении международных тяжб» объявляет агрессивную войну международным преступлением. Но тогда, как в первом из названных документов идет речь, главным образом, о санкциях, *наказаниях* за это преступление, второй, как

указывает и само заглавие его, стремится преимущественно к *предупреждению* преступлений. И в этом, по-моему, коренная разница в самой концепции и стуктуре обоих документов. Первый (Договор о взаимном содействии) предусматривает, что должно быть сделано на случай *войны;* второй (Протокол о мирном разрешении конфликтов) указывает прежде всего, что должно быть предпринято,, чтоб до войны не дошло, чтоб сохранить состояние *мира*. Первый поэтому дает Совету Лиги почти диктаторские полномочия над отдельными государствами, второй же отводит ему роль почти исключительно дипломатического и посреднического свойства. Первый игнорирует третейские разбирательства; второй, наоборот, на третейские суды переносит центр тяжести. — Отметим следующие отдельные черты «протокола о мирном разрешении международных тяжб», которые конкретно покажут то, что является общим для обоих документов и тем, чем они один от другого отличаются:

1° *Всякая война, предпринятая не для защиты от нападения и не с согласия Лиги* (в качестве участия в санкциях, предусмотренных протоколом), *объявляется международным преступлением* и безусловно запрещается (вступление и статья 2-ая). Запрещается также всякая мера, могущая служить *угрозой* нападения (ст. 8-ая).

2° *По всем международным конфликтам*, которые не могут быть разрешены дипломатическим путем, устанавливается *обязательное третейское разбирательство или посредничество Совета*, при чем выработана довольно детально процедура этого третейского вмешательства. В случае, если одна из спорящих сторон утверждает, что предмет спора находится всецело в области ее внутреннего ведения, то и это утверждение должно быть рассмотрено и признано постоянным международным трибуналом. Во время третейского разбора запрещаются всякие мобилизации и другие чрезвычайные меры военного характера (статьи 3—7).

3° Как и в американском проекте, *признаком агрессивности войны служит уклонение от третейского суда или неподчинение его решению*. Сторона, прибегающая к военным действиям вопреки приглашению на суд, или стремящаяся отменить силой оружия судебное решение, почти автоматически, ipso facto, сама обнаруживает, кто является нападающим, и тогда Совету остается лишь это констатировать. В случае, если военные действия все же начались без того, чтоб очевидно было, кто нападающая сторона, Совет предписывает обеим сторонам *перемирие* с целью мирной ликвидации конфликта; если какая-нибудь сторона от перемиря отказывается, то она признается нападающей (статья 10-ая). По примеру Договора о взаимном содействии и американского проекта, Протокол объявляет так-

же агрессивным актом нарушение статута *демилитаризированной полосы* (установление которой, между прочим, рекомендуется, как средство предотвращения военных столкновений) (статья 9-ая).

4° Агрессивная война влечет за собой международные *санкции*, которые могут носить *экономический и военный характер*. Члены Лиги обязуются участвовать в санкциях «лойяльно и действительно», но каждый из них сохраняет за собой право самому определять как характер, так и степень своего участия в общих санкциях (ст. 11-ая). Совету поручается лишь выработка общего плана экономических санкций: репрессий против нападающего и помощи жертве нападения (ст. 12-ая). Военные санкции допускаются, но организация их и проведение в жизнь зависит от самих членов Лиги и их частных соглашений между собой, контролируемых Советом с точки зрения согласия их с Основным Договором и с настоящим Протоколом (статья 13-ая). Нападающий должен *возместить все убытки*, причиненные войной, «до крайней границы своей платежеспособности», но ни в коем случае не должен терпеть ущерба в своей политической независимости и целостности своей территории (ст. 15-ая).

5° Совету поручается немедленно сделать все нужные приготовления для *всемирной конференции по разоружению* и в ближайший срок (на 15-ое июня 1925 г.) такую конференцию созвать с участием государств, и не входящих в Лигу, поскольку к тому времени протокол будет ратифицирован большинством членов Лиги, перманентно представленных в Совете, и десятью другими членами ее (ст. 17-ая).

6° Наконец, *Протокол войдет в силу в тот момент, когда указанной конференцией будет принят план сокращения вооружений* (ст. 21-ая).

Читатель наверное уже сам заметил, какое близкое родство существует между женевским Протоколом и американским проектом. Он вероятно заметил также и частичные различия между ними (большее развитие идеи арбитража в Протоколе, разные роли предназначенные Совету, различие в характере санкций и пр.). Но коренная разница между обоими документами заключается в том, что американский проект не ставился в зависимость от успеха конференции по разоружению, тогда как проведение в жизнь принятого Лигой Протокола *обусловлено* успехом этой конференции: установление обязательного третейского суда и санкции за нарушение этого обязательства, с одной стороны и *сокращение вооружений*, с другой составляют таким образом *одно связанное и неразрывное целое*. Участь одного зависит от участи другого. (В этом последнем обстоятель-

стве сказывается, конечно, влияние позиции британской делегации).

* *
*

В начале этой статьи, говоря о происхождении женевского протокола, мы сказали, что по отношению к Основному Договору Протокол играет приблизительно такую же роль, как отдельный закон по отношению к соответственным пунктам конституции. Это верно в общем и целом. Отдельные же весьма существенные части Протокола являются в действительности *развитием* идей, заключенных в Основном Договоре, и фактически идут значительно *дальше*, чем это было в Договоре прямо формулировано. Отметим поэтому особо те стороны женевского протокола, которые, по-нашему, являются нововведением по сравнению с Основным Договором.

1° Если Основной Договор установил принцип обязательности третейских разбирательств, то он все же формулировал его весьма эластично, давая возможность распространять его *не на все* международные конфликты. Статья 13-ая этого Договора начинается следующим абзацем: «Члены Лиги сходятся (conviennent) на том, что, если между ними возникает спор, который, *по их мнению*, может быть разрешен третейским разбирательством, и если этого спора нельзя будет удовлетворительно уладить дипломатическим путем, то вопрос будет полностью передан третейскому суду»*). Потом идет перечень видов спора, которые «вообще говоря» могут быть разрешены третейским разбирательством. Правда нет специфической оговорки о вопросах, задевающих «честь или жизненные интересы нации». Принцип обязательности третейских разбирательств тем не менее формулирован весьма «мягко». Протокол же устанавливает обязательность третейского или судебного (в Международном Трибунале) разбирательства по *всем* без исключения международным конфликтам (не признанным *судом* подлежащими компетенции лишь одной из сторон), — поскольку, подписывая протокол, та или другая держава заранее не сделала для себя специальных оговорок (статья 3-я).

2° Основной Договор, хотя и предусматривает репрессивные меры против того, кто начинает военные действия, нарушая требования этого Договора, все же не квалифицирует такого акта международным *преступлением*. Репрессивные меры фигурируют в Основном Договоре не в качестве наказания за преступление, а в качестве акта солидарности интересов между подвергшимся нападению и другими членами Лиги, обединен-

*) По 12-ой статье однако выходит, что, если не третейскому суду, то конфликт все же должен быть передан на рассмотрение Совета Лиги.

ными в один оборонительный союз*). Пусть практически нет вовсе разницы между обоими понятиями репрессий против нарушителя мира, но морально и даже юридически, по-моему, разница большая. Протокол вносит в борьбу с войной новое (по сравнению с Основным Договором) начало: *этическое осуждение*.

3° Основной договор при некоторых условиях формально оставляет членам Лиги право на войну, а именно, по истечении трехмесячного срока со дня объявления решения третейского суда или доклада Совета Лиги (статья 12-ая). Подобного *узаконения войны в Протоколе больше нет*.

4° По Протоколу (ст. 10-ая), «воюющая сторона, которая откажется от *перемирия* (предложенного Советом Лиги в указанных выше условиях — Л. Г.) будет признана нападающей» — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ничего подобного не знает Основной Договор.

Мы должны, таким образом, заключить, что *женевский Протокол является не только конкретизацией Основного Договора, но и дальнейшим развитием его в смысле упрочения системы третейских разбирательств и борьбы с опасностью войны*.

Лига Наций, которая в продолжение нескольких лет беспомощно топталась на месте, не будучи в состоянии даже наполнять конкретным содержанием самых общих и существеннейших предначертаний своего Основного Договора, была таким образом сдвинута с мертвой точки. При новом соотношении общественных сил, создавшемся после выборов в Англии и Франции, Лига оказалась способной сделать тот поистине значительный шаг вперед по пути к установлению длительного мира, каким может стать женевский протокол.

III. К критике Протокола.

Устраняет ли, однако, женевский Протокол *окончательно* опасность войны, хотя бы и на ближайший исторический период? — В этом можно сомневаться.

Сомнения вызывают и *санкции*, предусмотренные Протоколом против нарушителя мира, и самые *условия третейских разбирательств*, установленные для избежания вооруженных столкновений.

---

*) Действительно, вот как Договор (ст. 16-ая) мотивирует репрессивные меры: «Если член Лиги прибегает к войне вопреки статьям 12-ой, 13-ой или 15-ой, он ipso facto рассматривается как совершивший военное действие против всех прочих членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые и финансовые сношения», и т. д.

Санкции *военного характера* действительно играют второстепенную роль в Протоколе и серьезно не угрожают — как это было бы, например, при Договоре о взаимном содействии — превратить Лигу в военную машину. Однако, военные санкции остались, а вместе с ними остались и *частные военные оборонительные союзы* между отдельными членами Лиги. И хотя, по Протоколу, вооруженное вмешательство этих союзов происходит лишь тогда, когда Совет Лиги устанавливает, что какой-нибудь член союза подвергся нападению, тем не менее разные опасения здесь возможны. Ведь эти союзы основаны на некоторой солидарности частных интересов членов союза между собой: Будут ли члены этих союзов применять требуемые от них санкции, хотя бы и финансово-экономического характера, *против* своего же товарища по союзу, если он будет признан нападающим? При самом определении нападающей стороны, и вообще при разборе конфликтов в Совете Лиги, само существование подобных союзов сможет ли служить гарантией беспристрастия? Будет ли оно воспринято, как гарантия беспристрастия тяжущимися сторонами? А если решения Совета не будут стоять выше подозрений в пристрастии, то удастся ли избежать вооруженных конфликтов?

Не менее сомнений вызывают *экономические* санкции. Уже на самом Собрании Лиги было указано, что экономические санкции могут легко перейти в военные столкновения. История конфликта между Германией и Соединенными Штатами во время мировой войны еще у всех в памяти: Америка снабжала союзников, Германия стала топить американские корабли, и Соединенные Штаты ответили войной.

Но вообще можно ли быть уверенным, что эти санкции будут всеми членами Лиги «действительно» «лойяльно» применяться? За уклонение от участия в санкциях протокол никаких материальных санкций не предусматривает. А между тем применение экономических санкций обычно сильно ударяет по материальным интересам применяющего их, часто сильнее даже, чем тот урон, который наносится противнику. Если государство, против которого должен быть применен экономический байкот, является главным рынком сбыта товаров какой-нибудь страны, или если эта страна получает от него основные сырые материалы, которыми живет ее промышленность, и если она при этом прямо не заинтересована в возникшем конфликте, можно ли при современных хозяйственных отношениях быть уверенным, что она действительно решится на экономические санкции?

Легко, быть может, представить себе экономические санкции против мелких государств, против какой-нибудь Швеции или Голландии, т. е. против международных овечек, которые

обычно меньше всего думают о вооруженных нападениях на соседей. Но легко ли их осуществление прямо не заинтересованными в конфликте странами против крупных мировых держав (nomina sunt odiosa), которые владычествуют на морях, владеют чуть ли не целыми материками и т. д.?

Но особенно кажутся чреватыми опасностями *условия третейских разбирательств*, установленные Протоколом.

По Протоколу, вмешательства третейского суда останавливается там, где согласно решению Международного Трубунала начинается область *внутренней компетенции одной из спорящих сторон* (стр. 5-ая). По таким спорам третейского разбирательства нет. И я думаю, что такая точка зрения Протокола *в современном обществе* вполне правильна. Пока между различными странами существуют политические границы, пока за этими границами живут народы, конкурирующие и часто враждующие между собой и расщепленные каждый внутри себя антагонизмом классовых и других интересов, внешнее и очень часто далеко не бескорыстное вмешательство — хотя бы и судебное — во внутреннюю жизнь той или иной страны, несло бы народам не мир, а нескончаемые войны. К тому же ни одна из современных держав по всей вероятности добровольно и не подписала бы протокола, который дал бы международной инстанции право суда — и суда безапеляционного и снабженного санкциями — по ее внутренним делам. Позиция протокола в современном обществе, следовательно, и рациональна и неизбежна.

С другой стороны, однако, скрытые, но тут и там прорывающиеся наружу конфликты, угрожающие современному человечеству величайшими войнами, очень часто принадлежат теперь (и в будущем вероятно еще больше будут принадлежать) к разряду конфликтов по вопросам, принадлежащим, при современном международном праве, к области внутреннего ведения той или иной страны. «Внутренними делами», законодательством об иностранцах (аутлендерах) со стороны буров, опасавшихся преобладания англичан в Трансваале, была вызвана южно-африканская война. «Внутренние» дела Сербии, Австро-Венгрии, Германской, Российской и Турецкой империй сыграли немаловажную роль и в мировой войне. И когда накануне принятия Лигой женевского документа, в заседании комиссии, собравшейся для окончательной редакции Протокола, среди общего оптимистического настроения, при котором многим участникам Собрания и посторонним наблюдателям казалось, что закладывается фундамент вечного мира, встал представитель *Японии* Адатчи и неожиданно для всех заявил, что пункт Протокола, исключающий третейское разбирательство по вопросам, принадлежащим исключительному ведению одной из

сторон, для него неприемлем, — все присутствовавшие внезапно как будто почувствовали незримое появление в зале Молоха войны. Слова представителя Японии сразу напомнили всем о той грозной опасности, надвигающейся на Тихом океане, где десятки миллионов желтых людей, не находят себе места и пропитания в родной стране, устремляются, как мирные труженники, в полупустынные земли Америки и Австралии, занятые белыми, которые, ссылаясь на свое неотъемлемое право свободно распоряжаться «внутренними» делами своих стран, неумолимо и наглухо закрывают все двери перед желтой иммиграцией. Конфликт — величайший конфликт, какой может быть знала история — назревает, в значительной степени уже назрел. Если для такого конфликта третейского разбирательства нет, то, очевидно, в карман его не спрячешь: раньше или позже он должен будет разрешиться силой.

Изменить по существу проект протокола в смысле желаний Адатчи не было, конечно, по указанным выше причинам, никакой возможности. Да и японец сам, вероятно, первый поднял бы протест, если бы хотели предоставить какому-нибудь международному учреждению право суда, например, над «внутренними» делами Японии в Корее. После двух дней волнений нашли выход из создавшегося положения. Вспомнили об 11-ой статье Основного Договора, по которой каждый член Лиги имеет право обратить ее внимание на всякую существенную угрозу миру. Решили поэтому, что после того, как суд признает какое-нибудь дело надлежащим исключительному ведению одной из сторон, Совет или Собрание Лиги будут еще иметь право рассмотреть создавшееся положение (ст. 5-ая). Но ни Совет ни Собрание не имеют никакого права в какой бы то ни было степени ограничивать свободу действий государства, исключительному ведению которого данное дело принадлежит. Японец получил только видимость удовлетворения, но вежливый дипломат, ссылаясь на невозможность немедленно снестись со своим правительством и не ангажируя последнего, предпочел не портить окончательно общего праздника, и более не настаивал.

«Японский инцидент» был однако и остался чем-то гораздо большим, чем ложкой дегтя в бочке меду. Он поднял край завесы, скрывшей те широкие ворота, эерез которые война, во всеоружии самоновейших «успехов» химии и биологии, с ядовитыми газами и смертоносными мкробами, может обрушиться на современное человечество. Над этими воротами красуется надпись: *Внутренние дела.*

К «внутренним делам» принадлежит вопрос об *иммиграции*, представляющий жгучий жизненный интерес не только для японцев, китайцев и индусов, но и для целого ряда евро-

пейских народов, и в первую очередь для итальянцев. К «внутренним делам» принадлежит вопрос об эксплоатации естественных богатств и распределений *сырых материалов* (угля, нефти, железа и т. п.) между различными странами, вопрос, вызывающий и питающий наиболее глухие, но не менее опасные конфликты между современными государствами. К тому же разряду «внутренних дел» принадлежит *таможенная политика* различных стран, переходящая порой в таможенные войны. К «внутренним делам» принадлежит *колониальная политика* держав, имеющих колониальные владения. К «внутренним делам» принадлежит, наконец, достигший в настоящую эпоху небывалой остроты вопрос об *инородческих национальностях*, живущих в пределах каждого государства: фактически этот вопрос является «внутренним» везде, хотя по отношению к некоторым странам принципиально существует пункт о международной гарантии прав национальных меньшинств в соответственных договорах. А между тем сколько горючего материала накоплено в различных частях Европы, быть может, особенно со времени последних мирных договоров, и именно в связи с национальными меньшинствами!

И тут то мы подходим вплотную к самому слабому месту как женевского протокола, так и всего международного права.

Вся система третейских разбирательств, предусмотренная протоколом, Международный Трибунал, санкции, установленные за нарушение приговора этого трибунала или третейского суда и т. д., все это построено на подразумеваемой предпосылке, что *право* и *справедливость* являются понятиями тождественными или, по крайней мере, что понятие справедливости охватывает все понятие права, что *существующее право справедливо*. Французы по отношению к международному праву обычно не только употребляют рядом, как синонимы, выражения «право и справедливость» (droit et justice), но вообще одним словом »justice« обозначают и справедливость и правосудие. Только при такой предпосылке санкции за нарушение права могут найти себе *моральное* оправдание. Только при таком условии не было бы аморально двинуть экономические и другие силы народов против их собрата, нарушившего установленный правовой порядок и отказавшегося от подчинения решению, вынесенному на основании существующего международного права. И — что в данном случае особенно важно — только при таком условии можно было бы расчитывать, что страны, не заинтересованные непосредственно в конфликте, что народные массы этих стран, безропотно и «лойяльно» понесут те громадные материальные жертвы (как дороговизна, недостаток необходимых продуктов, застой в промышленности и торговле, безработица и пр., и пр.), которыми неминуемо должно

сопровождаться применение экономических санкций по отношению к какому-нибудь крупному государству, не говоря уже о военных действиях против него. В действительности же *существующее международное право в значительной своей части основано на договорах, заключенных в результате войн*, в частности в результате мировой войны, *и различные его стороны не воспринимаются как справедливые большинством культурного человечества и трудовых масс.*

Мы таким образом опять вернулись к вопросу о санкциях. Но тут дело уже не столько в том, что санкции, предусмотренные Протоколом и предложенные Советом, практически не были бы выполнены. Невыполнение санкций в данном случае было бы лишь внешним выражением сознания несправедливости этих санкций. Возможность же *несправедливых санкций*, — а как мы видим, при расхождении между современными понятиями справедливости и существующим правом, оне не только возможны, но порой и неизбежны — является по-моему, и морально и практически, первородным грехом всей системы, грехом, из-за которого, при известных обстоятельствах, может рухнуть все здание Лиги Наций, повергнув мир в неисчислимые бедствия.

* * *

Можно было бы указать и на некоторые *технические* несовершенства женевского протокола. Так мне кажется серьезным промахом то, что констатирование нападения и определение нападающей стороны возложены на Совет, а не на Трибунал. Существенным пробелом мне кажется, между прочим, отсутствие в Протоколе определения военного действия. И это вовсе не схоластическая придирка. В прошлом году, напр., итальянская делегация утверждала, что бомбардировка Корфу, давшая изрядное количество убитых и раненых, и оккупация острова итальянскими войсками еще не является военным действием. Тот же прошлогодний опыт показал, как неудобно и рисковано выносить общие решения ad hoc, по поводу конкретного дела, как неудобно, следовательно, целиком предоставить определение военного действия Международному Трибуналу в связи с каким-нибудь будущим конфликтом.

Но мы здесь не будем останавливаться на технических несовершенствах, которые к тому же могут быть исправлены и после, путем соответственных поправок и дополнений к Протоколу. Несравненно важнее отмеченные нами слабые стороны Протокола, связанные с системой санкций и с отсутствием третейского разбирательства по международным конфликтам, имеющим свои корни во «внутренних делах» отдельных стран;

это недостатки основные, неустранимые из настоящего Протокола.

IV. Задачи и перспективы.

По поводу отсутствия третейского разбирательства по конфликтам, вызываемым вопросами исключительного ведения одной из сторон, приходится, однако, отметить следующее:

Как мы уже выше указали, противоположное решение проблемы, т. е. попытка *введения* обязательного третейского разбирательства с санкциями по «внутренним вопросам», помешало бы вообще принятию Протокола; другими словами, помешала бы вообще осуществлению системы третейских разбирательств; в случае же ее осуществления, она означала бы, в современную эпоху, бесконечные войны. Исключение «внутренних вопросов» из Протокола является поэтому наименьшим злом.

К тому же Лига Наций, поскольку ей суждено жить и действовать (в противном случае вообще не о чем говорить), самой логикой своего существования и своей деятельности, *стремится к расширению круга вопросов, подлежащих ее компетенции*, или, иными словами, *к сужению области исключительного внутреннего ведения отдельных стран.* — Принципиально положение *национальных меньшинств* ряда государств и теперь в некоторой степени подведомственно Лиге. *Рабочее законодательство*, бывшее недавно еще исключительно «внутренним» вопросом, теперь уже и по Основному Договору, и по Международной Организации Труда, и благодаря ряду международных конференций и конвенций, принципиально и практически в некоторой степени нормируется международным путем, и в той же степени стало вопросом международным. Ведь *вооружение* наверное является делом исключительной компетенции каждого независимого государства, а между тем созывается же международная конференция для международного регулирования, для ограничения воружений отдельных стран. После конференции по сокращению вооружений нужно стремиться к созыву конференции для выработки более здоровых норм *международной торговли*, т. е. для выработки некоторых международных норм *таможенной* политики отдельных стран и распределения между ними *сырых материалов*. Если возможно соглашение между государствами в области вооружений, области, где отдельные страны работают *исключительно* друг *против* друга, почему же немыслимо соглашение в области торговли и обмена, т. е. в сфере деятельности, где все страны — на ряду с существующей между ними конкуренцией — в большей или меньшей степени зависимы друг от друга, *солидарны* друг с другом? — Делаются уже попытки к международному регу-

лированию вопросов *эмиграции и иммиграции* и это по всем видимостям лишь робкие начинания, которым суждено сильно развиться в будущем. Задача борцов за мир, задача элементов гуманитарных, пацифистских, интернационалистических и, в особенности, организованного рабочего класса направить свои усилия к тому, чтоб углубить содержание существующих при Лиге Наций *международных мандатов над колониями* и распространить эту систему не только на колонии, отнятые у Германии и Турции, но и на все старые и новые заморские не-автономные владения всех колониальных держав.

Указанными моментами в значительной степени смягчится отрицательная сторона того обстоятельства, что Протокол не устанавливает третейского суда по конфликтам, вызываемым «внутренними делами». Вместе с тем предыдущими строками набросаны некоторые общие вехи целой *программы действия*, которая по-моему, должна стать прежде всего программой международного социализма в связи с работой Лиги Наций и в целях сохранения мира. Кто знает, не явится ли даже подобная программа в своем развитии зачатком международной организации хозяйственной жизни вообще.

Впрочем, задача тех же рабочих масс и вообще всех социальных слоев, заинтересованных в сохранении и укреплении мира, заключается не только в том, чтоб своей систематической и планомерной борьбой восполнить те неизбежные пробелы, которые существуют в Протоколе, но и раньше всего в том, чтоб *сам Протокол воплотить в жизнь*. Создано громадной ценности орудие мира, но если умелая и сознательная рука миролюбивых общественных слоев не будет владеть им, тогда оно превратится в старое, заржавленное и никому не нужное железо.

И пусть женевский протокол не устраняет еще окончательно опасностей войны. Однако, оставляя, может быть, в стороне вопрос о санкциях, мы должны признать, что он дает могучее орудие борьбы в руки сторонников мира, давая возможность низвести военные опасности до неизбежного минимума. А ведь это вообще максимум того, что можно сейчас сделать.

* * *

Однако, прежде чем заходить так далеко, нужно себя спросить, как обстоит дело с самым принятием женевского протокола. Не рискуем ли мы очутиться в положении аналогичном тому, которое рисует сказка о мужичке и зайце?

И тут приходится сознаться, что в этом отношении пока далеко не все еще благополучно.

Конечно, протокол принят Собранием Лиги и принят даже единогласно. Однако, в силу он войдет, как мы уже знаем,

лишь тогда, когда будет принят план сокращения вооружений конференцией, которая в свою очередь будет созвана лишь в том случае, если Протокол будет ратифицирован большинством членов Лиги, пермаментно представленных в Совете, и десятью другими членами ее. Для того, чтобы Протокол вошел в силу, требуется следовательно: во-первых, указанное число ратификаций и, во-вторых, успех конференции по сокращению вооружений. Если одно из этих условий не будет выполнено, то не будет ни протокола ни сокращения вооружений.

Что касается *ратификаций*, то десятью членами Лиги, не имеющими постоянных мест в Совете, Протокол наверное будет ратифицирован. Десять таких ратификаций были даны уже 3-го октября, т. е. на следующий же день после принятия Протокола Собранием. Относительно же *постоянных* членов Совета могут быть самые серьезные опасения. Теперь в Совете всего четыре постоянных члена: Великобритания, Италия, Франция и Япония. Большинством, следовательно, являются три. Франция Протокол уже подписала. Великобритания, хотя и была против системы санкций, вероятно также дала бы свою ратификацию; теперь, однако, вследствие политического кризиса в Англии, ратификация эта зависит главным образом от исхода британских выборов, на который можно, впрочем, смотреть скорее оптимистически. Но сомнительно, получит ли протокол ратификацию фашистской Италии; сомнительно также, даст ли свою ратификацию Япония после того, как по поднятому ее представителем вопросу, она получила лишь видимость удовлетворения.

Как видно, хотя с ратификацией дело не безнадежно, то все же оно далеко еще не обеспечено, а зависит от целого ряда сомнительных обстоятельств.

Когда необходимые ратификации будут даны, будет созвана конференция. Столкуются ли там насчет сокращения вооружений? Кто знает? — Исход выборов в Англии может и в этом отношении сыграть решающую роль.

Вообще, слово и дело принадлежит сейчас во всех странах народным массам и той части общественного мнения, которая дорожит прочным миром. Если они всей своею тяжестью произведут давление на свои правительства с тем, чтобы они Протокол подписали и на конференции по разоружению столковались, тогда и Протокол войдет в силу и вооружения будут ограничены, и свет действительно сделает решительный шаг по пути из эры войн в эпоху длительного мира. Если же оне, в пассивности и энерции, этот момент упустят, если оне допустят, чтоб конференция не могла собраться из-за отсутствия ратификаций, или чтоб она кончилась ничем, тогда в воду ка-

нет и Женевский Протокол, и человечество очутится по-истине в statu quo ante bellum, т. е. с перспективой новых, ужаснейших войн.

Для международного социализма и для демократии передовых стран, по-моему, нет сейчас более неотложной и более грандиозной задачи, чем та, которая выдвинута «Протоколом о мирном разрешении международных тяжб».

Caveant populi, 10-го октября 1924 г.

Л. Герш,
проф. Женевского Университета.

Памяти Джугели и Хомерики.

(Из воспоминаний о Грузии 1920—1921 гг.).

Задолго до недавнего народного восстания в Грузии были арестованы видные члены социал-демократической партии и по приговору Чека без суда, расстреляны в Тифлисе в начале восстания. Среди расстрелянных оказались Григорий Ильич Хомерики и Владимир Джугели — оба старые испытанные революционеры. За ними были долгие годы тюрьмы и ссылки еще при царском режиме.

Ной Гигорьевич Хомерики давнишний социал-демократ, меньшевик. Джугели, раньше чем примкнуть к меньшевикам, был до середины 1917 года социал-демократом-большевиком.

И Хомерики и Джугели были членами центрального комитета грузинской социал-демократической партии. Первый спокойный, замкнутый, весь как бы ушедший в себя, не оратор. Второй — кипучий, жизнерадостный, блестящий, пламенный оратор. Оба смелые, самоотверженные.

В первые дни революции оба были членами совета рабочих депутатов, всегда на ответственных постах.

* * *

Хомерики никогда не выступал с речами на собраниях, — его можно было видеть только за кропотливой организационной работой. Но его понимали без слов. В ясных, всегда грустных глазах, можно было читать его мысли. Кристаллически честный и прямой, он смотрел людям прямо в глаза. Партия и социализм были единственными целями его жизни. Он весь уходил в работу, ею только жил. Это была партийная рабочая пчела. Закавказская революция шла по пути революционного демократизма, борясь с враждебными ей силами не на жизнь, а на смерть. Коммунистическая же работа в Закавказьи не только была ей враждебна, но и носила порой разбойничий характер. Большевики не любили Хомерики. Во врамя февральских событий (1918 г.) они в своих прокламациях и печати отчаянно травили Хомерики, приписывая ему и разгон вооруженного коммунистического митинга, сопровождавшегося человеческими жертвами с обоих сторон, и участие в вооружен-

ном подавлении попытки к восстанию большевиков в Тифлисе в этот же год («арсенальные дни»). Это было неправдой и в первом, и во втором случаях. Большевики, как это они делают всегда, просто пытались взвалить ответственность за свои преступления на наиболее опасного из противников. В лице же Ноя Хомерики они видели не просто противника, а и опаснейшего врага.

Ной Григорьевич любил людей. Большевиков же он не любил. Он рассматривал их, как предателей революции. Он проникался к ним порою жгучей ненавистью, выстраданной, с болью вырывавшейся из его души.

Помню, он часто заходил ко мне — я в это время был комендантом и председателем штаба по охране г. Тифлиса — просить за арестованных, иногда русских, в некоторых случаях, явно опасных людей. Как то раз, отказывая ему в просьбе, я сказал:

— В такое тяжелое для нас время мы не должны быть сантиментальными. Ты своими ходатайствами создаешь неприятные прецеденты.

— Я, ответил мне Хомерики, — делаю это потому, чтобы у русских людей не создавались впечатления, что их преследуют грузины.

Это было накануне объявления независимости Грузии. Уходя, просил о заступничестве за арестованных никому не говорить.

Он любил Грузию, как мать. Он хотел, чтобы вынужденное ее отделение от России было правильно понято русскими.

В грузинском правительстве Хомерики занял самый ответственный и самый важный пост — министра земледелия. В Грузии, разрешение земельного вопроа — крестьянского вопроса — требовало особой осторожности и полного доверия населения к лицу, ведущему это дело. Доверием Хомерики пользовался безграничным. Он твердо и спокойно вел свой корабль, обходя рифы в самую дурную погоду. Грузия избежала аграрных потрясений, несмотря на отчаянную в этом направлении работу большевиков. Этим она была всецело обязана Ною Григорьевичу. В земельных комиссиях работало много русских инженеров и бывших русских чиновников Они отзывались о нем, как о человеке, с которым легко и приятно работать.

* * *

Владимир Валико Джугели! . . Во время первого его выступления в тифлисском совете, когда он еще не порвал с большевизмом, я сказал моим друзьям, что если у большевиков есть на Кавказе хоть один еще Джугели, нам очень трудно будет бороться с ними. Вскоре Ленин переименовал партию большевиков в партию коммунистов, положив в основу ее тактики осуществление лозунга беспощадной гражданской войны. Джугели остался социалистом

и стал работать с меньшевиками. На одном из заседаний Совета, во время полемики с коммунистами, Джугели сказал:

— Коммунизм — это реакция. Я борюсь с вами теперь, как социал-демократ, ибо не знаю и не мыслю иного социализма, кроме демократического.

С этого времени он становится открытым врагом коммунизма, усиленно работает над идеей вооружения рабочих, над идеей вооруженной борьбы под знаменем социализма. Но его неоднократные выступления по этому вопросу в исполнительном комитете совета рабочих и солдатских депутатов кончались ничем. Нужно сказать, что практическое разрешение поставленной им задачи зависело от солдатской секции комитета. Оружие находилось в ее руках. Солдатская же секция видела в подобной постановке вопроса недоверие к революционной верности солдат и высказывалась против проектов Джугели, я лично считал постановку этого вопроса несвоевременной. В рабочей секции комитета тоже не все разделяли идею Джугели и помню, как председатель ее, Ной Николаевич Жордания, порой отечески вышучивал Валико. Но вот наступили «корниловские дни», а за ними и окончательное разложение армии. Коммунисты перенесли весь центр своей деятельности на войска. Начинается эра коммунистических выступлений в армии.

Вопрос о рабочей самообороне стал приобретать все более и более реальное значение. Потребность в вооруженной надежной силе стала ощущаться все больше и больше. Постоянные перетасовки частей гарнизона — на надежные и ненадежные — уже не давали положительных результатов, и к октябрю весь стотысячный гарнизон Тифлиса, за исключением очень небольшого количества солдат оказался ненадежным, а после октября попросту опасным. Рассчитывать на верность гарнизона совету, конечно, не приходилось. В воздухе пахло вооруженным выступлением войсковых частей со всеми из него вытекающими последствиями. Наконец, с полною для советов очевидностью, вопрос о рабочей самообороне стал самым важным и неотложным делом. Но теперь он оказался перед новым затруднением: солдаты-коммунисты увидели в разговорах о рабочей самообороне угрозу «революции» и решили не давать совету оружия из артиллерийских складов. Была, разумеется, поведена усиленная агитация против «соглашателей» и «предателей», засевших в совете. Тифлис, а следовательно и Закавказье, стояли перед кровавыми событиями, фактически перед солдатским коммунистическим переворотом. Всякими правдами и неправдами удалось кое как вооружить сотни две рабочих, при чем вооружать приходилось тайно от коммунистов, так как и это вооружение *рабочих* могло послужить поводом к восстанию. Кроме того, было отобрано несколько десятков надежных солдат. С этими силами, при поддержке опол-

ченской школы прапорщиков и армянских четников и решено было, заняв предварительно все важнейшие пункты в городе, освободиться от опасной диктатуры коммунистов над артиллерийскими складами. Областной комитет коммунистической партии все же узнал о наших намерениях и увеличил количество солдат в складах до 600 человек, сообщив одновременно в Москву через покойного Шаумяна о готовящемся коммунистическом перевороте. Положение становилось явно угрожающим. Нами был организован революционный штаб с чрезвычайными полномочиями, в который представителем от вооруженных рабочих входил Джугели. Собрав все необходимые сведения, штаб нашел положение крайне опасным. Большевики уже успели организовать в арсенале особый комитет, который немелленно же постановил арестовать наш штаб. Нам не оставалось ничего другого, как предупредить большевистское выступление, ликвидиировав его в самом зародыше. Многие члены Исполнительного Комитета не разделяли того решения, боясь неблагополучного исхода дела. В самом Штабе тоже не все считали правильным постановление Штаба и в момент наступления на Арсенальную гору в район расположения артиллерийских складов, в Штабе из семи членов осталось всего лишь три, и в их числе Джугели. В ночь на 12 января двести рабочих повели под командой Джугели наступление. У артиллерийских складов его отряд соединился с солдатским отрядом и юнкерами. Караул складов был обезоружен, а к утру разогнан и весь коммунистический гарнизон арсенала. Отряд 210 полка, шедший на выручку к коммунистам, был встречен ружейным огнем рабочих у полотна железной дороги и, потеряв несколько убитых и раненых, бежал. В тифлисском гарнизоне царила полная растерянность: коммунисты растерялись и перепугались совершенно.

Взятие арсенала было первым боевым крещением рабочих под водительством Валико. Оно фактически и решило участь Закавказья. Коммунисты лишились базы — Тифлиса.

С этого времени дело вооружения рабочих приняло уже реальные и серьезные формы. Рабочая самооборона была переименована в Красную гвардию. Во главе ее встал постоянный штаб, председателем которого был избран идейный вдохновитель рабочего самовооружения — Джугели. И до самого конца, то-есть до занятия Грузии советскими войсками, Валико работал над вопросом вооружения рабочих. В период существования независимой Грузии Красная Гвардия, особым законом грузинского правительства, была переименована в Народную Гвардию с районными штабами, разбросанными по всей территории Грузии, и с главным штабом в Тифлисе. Основные кадры гвардейцев состаляли социалисты-рабочие и крестьяне. Это была верная и надежная защита революции.

Вся история борьбы на внутренних большевистских и внеш-

них фронтах Народной Гвардии была связана с именем Валико. Он был вождем вооруженной социалистической демократии демократической страны. Твердый в борьбе и снисходительный к безоруженным. Нынешние коммунистические владыки Грузии обязаны свой жизнью целиком Джугели. Сколько раз они попадались с оружием в руках, сколько раз должны были заплатить жизнью эти люди за свои злодеяния и всегда отделывались или тюрьмой или высылкой.

«Мы не смеем и не должны становиться на путь коммунистов. Нельзя убивать, раз враг обезврежен, это будет местью».

Такова была мораль этого благородного человека.

Джугели и Хомерики герои Грузии, герои ее социалистической демократии. Они оба были лишены националистического шовинизма, оба любили людей. Они вели грузинских рабочих и крестьян защищать демократическое знамя своей независимости. Как социалисты оба исходили из принципа общечеловеческого равенства и справедливости. И не во имя национализма, а во имя этой высшей справедливости они жизнь свою отдали за свою прекрасную страну и свой маленький революционный народ.

* * *

Для того, чтобы понять смысл трагических событий, разыгрывающихся в Грузии, необходимо отдавать себе полный отчет в том, что произошло в Закавказье в 1920—21 годах, когда московские большевики с помощью и по зову закавказских и в союзе с турками начали «коммунистическое покорение» трех закавказских республик. В русской печати этот период не получил должного освещения и я считаю нелишным попытаться, хотя бы в беглом очерке, дать описание бурных событий, обрушившихся на Закавказье между 27 апрелем 1920 и 18 февралем 1921 годов.

Из трех закавказских республик, образовавшихся в 1918 году, в результате распада Закавказской Федерации, главная, руководящая роль принадлежала Грузии. Советизация Грузии — это значило — советизация Закавказья. Вот почему большевики, занимая Азербейджан и Армению считали, что этим они только расчищают путь к Грузии — главному стержню закавказской политики. Государственный организм этой страны был самым здоровым и устойчивым, и не поддавался внутреннему разложению, несмотря на усиленную работу по расшатыванию государственного механизма большевицких и анти-демократических сил. Взорвать изнутри ненавистное социалистическое правительство этим силам не удавалось. Оставался единственный способ — война. Но воевать с Грузией — значило воевать с социализмом, с рабочими и крестьянами. Открыто на подобную войну коммунисты не пошли. Потребовалась годичная предварительная подго-

товка, подыскивание благоприятного повода, снимавшего формальную ответственность за войну с русской советской армии. Чтобы составить точное представление о событиях, происходивших в 1920—21 году в Грузии необходимо проследить предыдущие события, в порядке их развития в Закавказьи, за пределами Грузии.

27 апреля 1920 года центральный комитет азербейджанской партии «Иттихадд» под председательством Бебуш-Хана Джевар-ширского постановил сдать г. Баку красной армии и тем самым советизировать Азербейджан, 28 апреля 1920 г. отряд советских войск, в числе около 300 человек, в нескольких товарных вагонах, имея впереди броневик, беспрепятственно проследовал через Азербейджанскую границу и далее, через Баладжары, в Баку. Командир бронированного поезда по телефону с вокзала приказал азербейджанскому правительству немедленно распуститься и передать власть временному Ревкому во главе с г. Нариман Наримановым. Азербейджанское правительство беспрекословно повиновалось и Азербейджан был, средь белого дня, «завоеван».

Как это случилось?

Красная армия, после разгрома деникинских армий на Северном Кавказе, докатилась в своем натиске до северных границ Азербейджана и стала концентрироваться по линии Дербенд-Хачмас. Это совпало по времени с началом тайных переговоров Ленина с Кемаль Пашой по вопросу о создании «единого» коммуно-панисламистского фронта на мусульманском Востоке против правительств Антанты, главным образом, против Англии. Переговоры носили весьма скрытый характер и о них только догадывались. В Тифлисе крушение азербейджанской республики объясняли близорукостью вождей партии Муссават, возглавлявшей правительство страны, с одной стороны, и, с другой, хитроумной политикой Ленина. Фактически же положение вещей было несколько иное. Московское правительство, как я уже сказал выше, искало сближение с националистическим правительством Ангоры, популярность которого в мусульманском мире была огромна. Ангора в это время нуждалась в союзниках больше, чем когда бы то ни было. Поэтому переговоры дали сразу же положительные результаты. Обе стороны обещали друг другу не мешать в распространении своих идей и бороться сообща против Антанты. Азербейджанское правительство, возглавляемое партией Муссават, состояло на половину из туркофилов-панисламистов и о переговорах Ленина с Кемалем, если не всем, то некоторым из виднейших членов правительства было известно (Расул-Заде, Хан-Хойский, военный министр генерал Шихлинский). Поведение правительства, а главным образом этих лиц, совершенно ясно говорило, что расчитывать на какое либо сопротивление советской армии Азербейджана не приходится.

Несмотря на видимую угрозу со стороны советских войск, накапливавшихся на северной границе, бакинское правительство отправило все свои войска в Армению, в район Карабаха, якобы «для защиты татарского населения от армянских насилий», оставив линию Дербент-Хачмас совершенно оголенней. Командующий II армией Геккер потребовал от азербейджанского правительства пропуска советских войск через Евлах в Армению для соединения с армией Кемаля Паши, обещая не вмешиваться во внутренние дела Азербейджана. Требование это вызвало в Баку правительственный кризис, длившийся до занятия города отрядом 11-ой армии.

Партия Муссават, в лице своего центрального комитета, не сопротивлялась оккупации страны, вернее, она верила заявлению большевиков «о невмешательстве во внутренние дела.» Муссаватисты смотрели на Москву, как на покровительницу панславизма. Партия же Иттихат (турецкая партия) приветствовала приход советской власти и целиком влилась в коммунистическую партию, объявив о своем роспуске особым манифестом. Расул Заде, председатель центрального комитета партии Муссават, переехал в Москву и занял в Наркомнаце важный пост по восточным делам. Его примеру последовали и многие другие видные члены партии. В Баку стали накапливаться советские войска. Прибыла Чека, во главе с знаменитым своей жестокостью Панкратовым и его помощником Жоржем Кавтарадзе. Азербейджанский совнарком, составленный из татар и турок, превратился, в конце концов, в игрушку в руках приехавших из Москвы комиссаров. Фактическим же диктатором являлся Орджанекидзе. Его неограниченные полномочия распространялись и на северный Кавказ.

Вскоре после занятия Азербейджана в Баку был созван съезд «народов Востока». Этот съезд вскрыл до некоторой степени работу большевиков на ближнем мусульманском Востоке, хотя военный Союз с Кемаль-Пашой на съезде упорно скрывался. От имени III-го Интернационала на съезде присутствовали Зиновьев и Радек. Паниламистов возглавлял Энвер-Паша.

«Наша восточная политика», — заявил Радек, во время приветственной речи, — «есть дипломатический маневр против империалистов Запада».

Одновременно Вельтман-Павлович, один из советских «знатоков Востока» писал в № 14 «Коммунистического Интернационала» следующее*):

«Грузия и Армения — это железный замок, повешенный Антантой на воротах, закрывающих нам дорогу на Восток. Весь смысл существования Армении и Грузии заключается с точки зрения международного империализма именно в этой миссии —

*) Цитирую по статье Вл. Лебедева «Большевики, Армения и Грузия». (См. «Революционную Россию» — 10, июль 1921 г.),

служить буффером, непроницаемой перегородкой между революционной российской федерацией и пробуждающимся Востоком — Турцией, Персией и т. д.».

Всем этим «разговорам» в Грузии в то время придавалось к сожалению весьма мало значения. Грузины всячески старались избегнуть столкновения с советской Россией, и немедленно вошли в переговоры с Москвой. 7-го мая 1920 года был заключен дипломатический договор, подписанный со стороны грузин Григериеги Уратадзе. Большевики же ничуть не скрывали своих стремлений. Они открыто заявляли, что смотрят на Армению и Грузию, как на барьер, мешающий распространению «революционного пожара» на Восток.

Вскоре после съезда «народов Востока», начинается наступление кемалистских войск на Армению. Поводом к этому наступлению послужил инцидент в Ольтинском угольном районе. Дело в том, что азербейджанское правительство отказало Армении в доставке нефти. Страна стояла перед прекращением не только своих промышленных предприятий, но и деятельности железных дорог. Тогда армяне решили начать эксплоатировать ольтинские угольные рудники. Турки под предлогом «защиты мусульманского населения от насилий армян», направили в Ольтинский район воинские части. Произошло столкновение армян с турками и в конечном результате — война. В начале, как и полагается по традиции, были двинуты курдские части, начавшие резню мирного населения, а 23 февраля 1920 г. турки уже повели настоящее наступление на Армению регулярных войск. Смысл этой войны заключался, конечно, не в инциденте Ольтинского угольного района, а в гораздо большем: — *турки потребовали от Армении восстановление границ в пределах Брест-Литовского договора, по которому Армения должна была отдать Карс, Ардаган, Арданул.*

Стремительным натиском в начале ноября 1920 г. войска Карабекир-Паши заняли линию Карс—Ардаган—Артвин—Александрополь и угрожали столице, наступая через Игдырь на Эривань. Зная, что Армения заранее обречена, что турки в основу соглашения с ними положили Брест-литовский договор, большевики потребовали от армянского правительства пропуск советских войск по магистрали Тифлис—Александрополь—Джульфа на соединение с армией Карабекира, обещая не вмешиваться во внутренние дела и повлиять на турок в смысле территориальных уступок. Армянское правительство отказало в пропуске советским войскам и поспешило заключить александропольский армяно-турецкий договор (3 декабря 1920 г.), дабы не подвергнуться разгрому с двух сторон. Армения стояла перед новой угрозой, перед угрозой занятия ее территории советскими войсками, которые по заранее разработанному в Баку с Энвер-Пашой плану

должны были соединиться с армией Карабекира. Советское правительство из Москвы пыталось, путем вмешательства в армяно-турецкий конфликт, через своего представителя Леграна повлиять на армянское правительство в вопросе транзита советских войск. Легран в этом случае обещал армянскому правительству повлиять на турецкое военное командование в благоприятном для армян смысле. Опыт с Азербейджаном достаточно открыл глаза армянскому правительству, и оно не верило миролюбивым заверениям советского представителя. Но в то же самое время оно искало мирных способов разрешения конфликта с советской Россией. В Москву была отправлена мирная делегация во главе с г. Шантом. Тем временем турки продолжали наступление, вырезывая на своем пути все взрослое население. В одном ущельи Хамамлу, Александропольского района, было зарезано 2000 человек мирных жителей. Курды партиями угоняли мирных жителей в неизвестном направлении. Страна была совершенно разорена. Ужасы, какие видел на своем пути к возрождению армянский народ, превосходят всякое воображение. Наступление Нури-Паши, брата Энвер-Паши, в 1918 году стоило Армении жизни несколько десятков тысяч мирных жителей, зарезанных самым зверским образом. То же повторилос и в 1920 году при наступлении армии Карабекира. Советская власть в переходящих «интересах» своей политики на Востоке бросила на растерзание хищнику маленький беззащитный народ, любивший Россию и управлявшийся в этот момент социалистической коалицией — партий дашнакуртюн и армянских социалистов-революционеров. Армия Карабекира под знаменем «красного полумесяца» шла, в своем победном продвижении, по трупам зарезанных армян на соединение с армией «красной звезды» — Троцкого.

Вся Армения после Александропольского мира представляла собой территорию из пяти уездов Эриванской губ., с населением около 1½ миллионов жителей и около 500,000 человек голодных, больных беженцев. Баку превратилось в базу восточной советской политики. Здесь обосновался комитет персидской компартии «Адалят», во главе которой стоял *грузин* Виктор Нанейшвили и другие члены *российской* компартии. Они связались с вождем персидских националистов Кучук-Ханом, ведшим в это время вооруженную борьбу с англичанами, оккупировавшими северную и южную Персию. В конце концов, «работа» этой новообразовавшейся «компартии» привела к тому, что подлинные персидские революционеры начали требовать ухода с персидской территории советских воинских отрядов, занимавшихся, главным образом, грабежами и насилиями над мирными жителями.

Во время заседания в Александрополе армяно-турецкой мирной конференции 1—3 декабря 1920 года революционный комитет армянской компартии через представителя Р. С. Ф. С. Р. Леграна

предъявил ультиматум армянскому правительству. Он потребовал передачи власти временному Ревкому, возглавлявшемуся армянским коммунистом Казенмело. Этот Ревком образовался в районе Лори, откуда 5 декабря вместе с перешедшими армянскую границу советскими войсками переехал в Делижан. Из Делижана коммунисты и повели работу по свержению армянского правительства. В основу своей агитации большевики положили принцип «сохранения независимой Армении», которую якобы, предает «дашнакское» правительство. В своих выступлениях коммунисты заявляли, что только советская власть способна сохранить независимую Армению. В то же самое время армянский коммунистический ревком отправил в Москву своего члена Саака для переговоров с Лениным и Троцким о необходимости занятия Армении советскими войсками. Переходу армянской границы частями 11 армии предшествовали также усиленные переговоры по прямому проводу с Москвой члена Ревкома Бекзадяна, обращавшегося через Саака непосредственно к Ленину. Смысл этих переговоров сводился к следующему: Армения не может самостоятельно существовать в силу ее чрезвычайно невыгодного географического положения. Окруженная со всех сторон мусульманскими государствами: Турцией, Персией, Азербейджаном, с которыми историческая вражда за последнее время приняла угрожающие для населения размеры, Армения, по словам Безадяна в силу этого будет всегда игрушкой в руках империалистических буржуазных стран, что весьма, конечно, невыгодно для советской власти. Бекзадян настаивал на том, что «дашнакское» правительство есть, якобы, неприемлемое для страны в виду его «буржуазной» и «контр-революционной» сущности. Но на все эти увещания армянского коммуниста Саак отвечал, что «Ильич» в настоящий момент против занятия Армении, так как оно может вызвать осложнения с турками. Кроме того «Ильич» полагал, что Армения при тогдашнем ее экономическом состоянии не представляла никаких выгод для Р. С. Ф. С. Р. и могла вызвать только расходы, ничего не давая взамен. «Ильич» советовал не торопиться с этим вопросом — подождать. Единственным человеком, по словам Саака, являвшимся сторонником немедленного занятия Армении, был Сталин-Джугашвили. К нему отчасти примыкал Троцкий, видевший затруднения только в недостатке военной силы на Кавказе, занятой подавлением повстанческого движения на северном Кавказе. Бекзадян настаивал и уверял Ленина и Троцкого в том, что занятие Армении войсками советской армии не приведет к осложнениям с Турцией и не потребует большого количества войск, так как «дашнакцкое» правительство неспособно к сколько нибудь серьезной обороне после поражений, понесенных армянской армией во время турецкой войны. Он доказывал, что это занятие Армении выгодно именно сейчас, так как «передышка» оставит

эриванскому правительству время, необходимое для того, чтобы оправиться от турецкого разгрома и восстановить весь государственный аппарат, и что тогда будет гораздо труднее провести намеченную операцию. Кроме того Бекзадян заявил, что ультиматум уже предъявлен Ревкомом и что правительство Врациана передаст власть Ревкому, как только произойдет вмешательство советской армии в «конфликт Ревкома с правительством». Знали ли Ревком о союзе Москвы с Ангорой — трудно сказать. Судя же по переговорам Бекзадяна, *ему это было известно!* 5 декабря отряд 11 армии вошел в Эривань, перейдя границу Армении в первых числах декабря у Казаха. Вскоре была занята и железнодорожная магистраль до Шахтахты. Армянское правительство располагало в это время армией не больше чем 3½ тысяч человек, — это было все,что осталось от войны с Турцией. Само собой разумеется, что с такой армией нельзя было и думать серьезно о какой либо обороне. Ужасы же турецкой войны настолько терроризовали население, что оно в советской армии видело русских спасителей от турецких зверств. 2-го декабря 1920 года актом, подписанным с одной стороны Врацианом и остальными членами армянского правительства, с другой представителями «Временного Ревкома», — Армения, как самостоятельное государство, перестала существовать и была механически включена в союз Р. С. Ф. С. Р. Вожди партии дашнакцутюн и армянская интеллигенция, несмотря на заверения, данные Ревкомом, подверглись чрезвычайным гонениям. Чекист Атарбеков дошел до того, до чего не успели додуматься даже карабекировские курды . . .

Сейчас же после занятия Армении в советской прессе появились воинственные статьи, направленные против Грузии. В передовицах писалось:

«Нам надо занять выгодное стратегическое положение на Кавказе».

Грузия являлась для советской власти самой ненавистной и самой опасной закавказской республикой. Самое существование, наряду с коммунистической диктатурой в России, демократической страны с социалистическим правительством не давало покоя московским владыкам. Грузия — в этот момент была единственной республикой, где продолжалось дело февральской революции. Каждым днем своего существования, каждой своей положительной реформой Грузия наносила жестокий удар коммунизму.

Грузия была окружена со всех сторон неприятельскими войсками. Советская пресса выливала целые ушаты помоев и лжи на ее маленький свободолюбивый народ. —

«Грузия — прислужница Антанты».

«Социал-предательское правительство Грузии готовит удар пролетарской советской республике».

«Агенты мирового империализма, (это по адресу представителей II Интернационала, приехавших как раз в это время в Грузию), вместе с предательским меньшевистским правительством готовят заговор против завоеваний красной армии».

Так писали Радеки, Зиновьевы и Стекловы в «Известиях» и в «Правде». Советская дипломатическая миссия, насчитывавшая в Тифлисе в своем составе около 400 человек, вела усиленную агитационную работу по всей стране. Всякие повседневные мелочи — ошибки, вольные и невольные, промахи правительственных агентов, ставились грузинским социалистам в вину, возводились в намеренные преступления. Вновь нарождающаяся страна еще без прочного экономического базиса и с недостаточно налаженным государственным аппаратом, основывала свою национальную жизнь только на доверии подавляющего большинства населения к правительству, верила в правоту своего дела, определявшегося принципом народовластия. Как самый акт провозглашения независимости, так и дальнейшая работа, происходили при широком взаимном доверии и понимании правительства и народных масс. Правительство опиралось на две трети голосов парламента. В Грузии проделывался опыт демократического социализма, основанного на праве и справедливости. Все это для большевиков являлось огромной опасностью, подрывало их коммунистическую работу на Востоке, мешало их «сближению» с Турцией.

* * *

Летом 1920 года, во время спровоцированного большевиками конфликта Грузии с Арменией, азербейджанское советское правительство, вернее Орджоникидзе, прекратило доставку мазута и нефти в Грузию, захватив при этом все маршрутные поезда с цистернами. Этот конфликт вызвал длительные ни к чему неприведшие «дипломатические переговоры». В это же время в Баку под председательством Орджоникидзе происходило тайное военное совещание в составе главнокомандующего 11 армией Геккера, командующего отдельной Кавказской армией Егорова, начальника штаба Чернышева, Нариман Нариманова, Михаила Атабекова, Лежавы, Филиппа Махарадзе и других коммунистов. Совещание было посвящено вопросу о военном наступлении на Грузию (*с документами об этом совещании я познакомился у Л. Неманова,* — не сотрудника ли «Последних Новостей»? — *в это время служившего кажется во французской миссии в Грузии. Документы эти, как я потом узнал, были проданы французской контр-разведке!...*). Содержание этих документов было известно Ною Николаевичу Жордания и главному штабу Народной Гвардии из доклада фактора, доставившего эти документы из Баку в Грузию.

На этом совещании был подробно разработан план наступления на Грузию. Докладывал Геккер. Из его доклада явствовало,

что для наступления он не обладает достаточным количеством войск, что разложение частей, стоящих у восточных границ Грузии (направление Пойлы) приняло такие размеры, что в случае даже местного ударного успеха грузинских войск он не ручается за исход кампании, так как войска побегут. Тыл армии, по его словам, был совершенно не обеспечен, главным образом, благодаря враждебному настроению мусульманского населения после елисаветопольского кровавого усмирения, и благодаря горцам Северного Кавказа, еще тогда не усмиренным. По сведениям, имеющимся у штаба 11 армии, говори Геккер, Грузия располагает дотсаточным количеством войск и военного снаряжения для долгой защиты. В случае же, если война примет затяжной характер, возможность чего в виду выше приведенных соображений не исключается, он, Геккер, за кампанию ручаться не может. Плацдарм грузинской территории является весьма удобным для развертывания большого количества войск (кажется, им указывалось 2—3 корпуса). Под прикрытием природных укреплений, в изобилии находящихся на гористой, изрезанной глубокими ущельями местности, грузины могут успешно вести партизанскую войну с советской армией. Для успеха кампании необходим короткий, сильный удар, нанесенный противнику одновременно в нескольких направлениях, который привел бы грузинское командование в замешательство и поднял бы настроение наступающей армии, утомленной беспрерывными походами. План наступления был таков. Главные силы под общим командованием Егорова наступают в направлении Пойлы — Красный Мост — Лорийская долина и выходят со стороны Навтлуга и через Манглис, со стороны Коджор, на Тифлис. Вторая колонна наступает через Дарьяльское ущелье по Военно-Грузинской дороге через Душет и Мцхет тоже на Тифлис. Третья колонна, со стороны Сочи, наступает через Гагры—Сухум—Поти на Кутаис, заходя в тыл главным грузинским силам. Командование отрядом войск, наступавших на Тифлис вручалось Левандовскому. 11-ая армия, насчитывала в это время до 120,000 человек. Геккер из них мог дать на операцию с Грузией около 30,000 штыков, и конницу, в количестве не более 2000 сабель (Жлобы или Гая), 2 броневика и 2—3 аэроплана. По данным Геккера, Грузия могла выставить без особенного напряжения до 60,000 человек, с полным вооружением. Принимая во внимание наличие отличного командного состава офицеров грузинской армии (бывших офицеров русского генерального штаба) она могла оказать сильное сопротивление, и вслучае первого успеха даже нанести поражение советской армии, что фактически грозило бы всей кампании советского командования на Кавказе. Доклад Геккера был отправлен на заключение Троцкому. Идею войны на этом собрании энергичнее всех защищал Орджоникидзе.

Вскоре Троцкий на Московском съезде секретарей коммунистической партии заявил:

«После советизации Армении — очередь за Грузией».

11 февраля 1921 г. при поддержке нескольких баталионов советских войск, перешедших со стороны Армении границу «нейтральной зоны» (Лорийский район), было инсценировано «восстание» местного населения. 12—13 февраля произошли первые столкновения частей красной армии с грузинскими войсками. Грузины отступили и вся зона была оккупирована. Эти столкновения рассматривались, как армяно-грузинские, оффициально же их назвали — «восстанием местного населения против меньшевистского правительства». В тоже самое время большевистская миссия в Тифлисе всячески заверяла грузинское правительство в миролюбии советской России. Немалую роль в обработке общественного мнения в пользу советской миссии играли многие общественные и политические детали, в частности, преслвоутый сенатор эпохи Временного Правительства, социал-демократ, Дмитрий Николаевич Соколов. Он вел какую то странную, двойную игру и был чем-то, вроде посредника между грузинским правительством и советским послом Шейеманом. Ему несомненно еще до начала войны были известны намерения большевиков. Это можно заключить из дела с конторой российского Центросоюза. Он сыграл решающую роль, как в ее советизации, так и в передаче ее миллионного имущества советскому Внешторгу. «Советизация» Центросоюза произошла, как раз в тот момент, когда Грузия рассчитывала на покупку у Центросоюза необходимых товаров, главным образом, бельевой мануфактуры, нужных для снабжения армии. Этот «дипломат» уже во время военных действий, старался убедить грузин, что войны с советской Россией быть не может! . . Помню его затею с разрешения представителя советской миссии выехать на фронт особым делегатам, которые-до открыто заявят «возставшим», что советская Россия воевать не хочет и снимает с себя ответственность за события. Однажды я встретил его на Головинском проспекте. Он шел с весьма озабоченным видом. Я спросил его, как он смотрит на приходящие события. Соколов начал мне доказывать, что грузины очень плохо сделали, не разрешив советской миссии выехать на фронт:

— Ведь восстание можно было бы прекратить.

— Какое там восстание, говорю ему, 11-ая армия перешла границу у Красного Моста.

— Этого не может быть! этого не может быть!

Когда же я ему сказал, что война уже совершившийся факт, — он вдруг взволнованно заявил:

— Я пойду скажу . . . я пойду скажу . . .

И быстро пошел по направлению к зданию советской миссии. Много было таких «дипломатов», гревших в это время руки у

коммунистического камина. Много было господ, почему то радовавшихся приходу советских войск, почему то считавших, что «так будет лучше». Четыреста агитатора, приехавшие в Тифлис под видом служащих советской миссии, недаром получали деньги... Грузинское население до заключения договора с советской Россией, рассматривало большевиков, как простых бандитов, после же того, как был заключен договор, когда по улицам Тифлиса стали раскатывать на файэтонах и автомобилях сытые, тщательно прилизанные с нарядными дамами «спецы», когда они начали давать хорошие заработки ресторанам и магазинам, настроение обывателя несколько изменилось. Этот психологический надлом, менявший отношение к большевикам, был весьма опасным симптомом. Кроме того, и момент завоевания Грузии совпал как раз с началом Нэпа и это обстоятельство сыграло не малую роль в обывательской психологии. Большая часть буржуазии уже была подготовлена «деловыми отношениями» Внешторга к советизации Грузии. Часто можно было слышать:

«Они теперь не те — с ними можно иметь дело... Все равно, рано или поздно, Грузия будет завоевана, иначе и быть не может».

Грлзино-советский договор в момент непрекращающейся перманентной гражданской войны — был преждевременным. Этим договором в населении уничтожалось правильное понимание большевизма, как насилия, с которым надо бороться всеми мерами. После договора, признававшего большевиков русскою властью, борьба с большевиками в понятии народа означала борьбу с признанной русской властью, — с Россией, что чрезвычайно осложняло в этот момент вопрос войны с большевиками, и делало ее физически невозможной. 15 февраля в Баку был образован временный «Ревком Грузии» в составе Филиппа Махарадзе, Элиава, Назаритяна, Орджаникидзе и других. Ревком вскоре переехал в Шулаверы. 15-го же февраля началось наступление со стороны Азербейджана через Закаталы и Пойлинский мост. В это время советская миссия лицемерно предложила свое посредничество в разрешении конфликта между Грузией и ее советскими соседями... Но уже 16-го февраля обнаружилось движение *советских* войск на Казбек через Дарьяльское ущелье и со стороны Сочи на Гагры — Сухум. Словом, как по нотам разыгрывался план наступления, разработанный в Баку. 17—18-го февраля произошли бои под Тифлисом грузинских войск с главными частями советской армии под командованием Левандовского, окончившиеся отступлением грузинской армии через Мцхет-Гори к Сурамскому перевалу. Во время боев под Тифлисом было взято много пленных. Из разговоров с ними выяснились любопытные обстоятельства. — Пленные были все молодые рекрута, присланные из центральных российских губерний: Пензенской, Саратовской, Тамбовской. На вопросы, почему воюете, в большинстве случаев был ответ:

«Нас гнали для защиты православных грузин от турок, которым продался грузинский царь Ной (Ной Николаевич Жордания). Комиссары нам велели не сдаваться в плен, так как все равно зарежут»...

В покорных серых глазах этих людей чувствовалась вся трагедия российской действительности. Когда же их переводили по улицам Тифлиса на вокзал, для перевозки в концентрационные лагеря, и не только не резали, а снабжали едой, они конфузливо изумлялись и начинали ругать привычной руганью комиссаров.

Оставление Тифлиса и наступление советской армии решило судьбу Грузии. Сопротивление было невозможно. И от Сурамского перевала грузины, теснимые советской армией, отступали к Батуму, где, наконец, вся армия, сложив оружие, сдалась.

17—18-ое февраля — дата завоевания Грузин и одновременно дата *всенародного* восстания армянского народа против советской власти. Восстание армян длилось сорок дней. Подавлено оно было с особенной жестокостью. Великанов, командовавший советскими войсками в Армении, говорил, что «легче бороться с регулярной армией, чем подавлять подобные восстания». Армения была залита кровью.

Восстание окончилось трагическим походом армянских дружинников в Персию.

Я умышленно опускаю многие важные политические моменты и факты, имевшие место до войны и во время войны, а также и некоторые важные эпизоды самой войны, так как это в задачи моей статьи не входит. Я поставил своей целью, как ближайший очевидец, а часто и участник всех этих событий, представить их совершенно беспристрастно и с наибольшей объективностью, чтобы дать читателю возможно точное представление о причинах гибели закавказских республик. Я не являюсь сторонником того мнения, — что одним занятием войсками советской власти Закавказья, разрешается как самый вопрос о национальном самоопределении народностей, населяющих Закавказье, так и проблема русско-закавказских отношений.

С. Верещак.

Испания подвластью милитаризма.*)

В испанской истории ярко обнаруживается тесная связь между упадком Испании и развитием ее милитаризма, явившегося его главным виновником.

Трудно дать в краткой статье анализ столь сложного исторического процесса. Начиная с римской эпохи, владычества готов, до утверждения, затем изгнания арабов, мы находим следы религиозной нетерпимости и деспотического милитаризма, парализующих всякое развитие Испании. С открытием Америки мы наблюдаем совершенно парадоксальное явление — в то время, как Кастильская монархия, впоследствии распространившаяся и на другие провинции, находит за океаном широкое поле для экспансии своей торговли, языка, политических концепций, она начинает все более хиреть. Приток золота из Америки служит причиной обеднения Испании.

В конце XIX века, после бесславной потери Кубы и Филиппин, этих последних остатков огромной развалившейся колониальной империи, началось завоевание Мароко, где милитаризм будет преследовать свою прежнюю политику, стремясь уничтожить марокскую расу, вместо того, чтобы ее ассимилировать, безумно растрачивая народные деньги и сохраняя внутри страны политику застоя и тирании. Тот факт, что в течении всего XIX-го века испанские генералы занимались устройством заговоров и пронунциаменто, показывает, что не только им был чужд дух воинской дисциплины, но что они были злейшими врагами гражданской свободы и равенства. Испанская республика, являвшаяся единственным свободным и народным режимом, который знала Испания (1873 год), была задушена генералами. В результате гражданских и колониальных войн появлялись сотни военачальников, никогда в битвах не участвовавших, но парадировавших в военной форме. Система награждения генералов за потерянные ими сражения или за бои, которые они не давали (это традиция в Испании), обеспеченная безнаказанность за свои тяжкие ошибки, благодаря вмешательству министров или самого короля, подкопали

*) Настоящая статья, написанная специально для «Воли России» заграничным представителем испанской социалистической партии, Э. Сантъяго, была получена редакцией еще до июльского разгрома испанских войск в Мароко, нанесшего сильный удар диктатуре Примо-де-Ривера.

организацию армии, внесли в нее деморализацию, развратили и пропитали ее духом личного корыстолюбия. По окончании каждой гражданской войны регулярная армия вбирала в себя офицеров противной стороны, оставляя их в тех же чинах и на тех же должностях. Колониальные войны дали нам импровизированных офицеров, которые увеличивали и без того чрезчур многочисленные офицерские кадры. Для того, чтобы польстить армии, единственной опоре монархии, создавали на бумаге новые воинские части и корпуса, и давали фиктивные должности офицерам, которых некуда было девать.

Морокская кампания, явившаяся сплошной цепью поражений, была затеяна, главным образом, с целью открыть поприще для офицерства и восстановить их репутацию, разбитую на Кубе и Филиппинах (испано-американская война).

Марокская авантюра.

Кампания в Мароко, проводимая бесдарным и расточительным милитаризмом, вызвала в Испании две революции, и завершилась диктатурой преторианцев. Мы ниже коснемся пришествия к власти Примо де Ривера, пока же ограничимся вопросом о войне, которую Испания ведет в Мароко.

Отсутствие буржуазии, способной расширять производство, вызвать развитие торговли, ограниченность и узость испанских капиталистов, как и промышленная отсталость Испании, дали нам Марокскую экспедицию со всеми ее прелестями. Умная и деятельная буржуазия никогда бы не потерпела, после гетакомб на Кубе и Филиппинах, чтобы те же самые политиканы и те же военные вожди затеяли завоевание севера Африки. Некоторые страны — Франция, Бельгия, Англия и даже Германия до 1914 года, могли находить в колониях экономические, торговые и промышленные рессурсы, которые с буржуазной точки зрения оправдывали жертвы, приносимые государством на алтарь колониальной политики. Но Испании не было нужды искать колоний в Африке. Колонии лежали перед ней совершенно готовые, где говорили не на арабском, а на испанском языке, с цивилизацией не примитивной, а такой же, как у нее. Колонии, которые нужно было завоевать не при помощи пушек и ружей, а энергией смелых промышленников, гением профессоров и ученых, широкими идеями, как и путем создания честных и свободных политических и социальных отношений. Мы говорим о республиках Южной Америки. Более того, трудно понять, как могла броситься Испания в авантюру для завоевания морских скал, в то время, когда 20 миллионов гектаров земельной площади остаются у нее не обработанными, когда вся ее железнодорожная сеть не превышает 14.000 килм., когда миллионы тон вод-

ной электрической силы бесплодно поглащаются морем, не будучи использованными, а ее горные богатства на ⅔ остаются неразработанными. Трудно понять, как могла затеять такой безумный поход страна, обладающая огромными нетронутыми богатствами, из которых она не извлекает никакой пользы.

Этим и определяется социалистическая позиция в вопросе о Марокской кампании. Сливая наши пацифистские принципы с национальным интересом, социалистическая партия и Генеральный Союз Трудящихся Испании не переставали, начиная с 1907 года, требовать ухода испанцев из Марокко. Начиная с 1909 года, когда военные операции приняли большой размах, и до военного разгрома в июле 1921 года, Испания истратила только на одни военные операции в Марокко один миллиард четыреста тридцать шесть миллионов песет. С 31 июля 1921 года и до первого февраля 1922 года военные операции в Мароко стоили 130,000,000 в месяц. С 1 февраля 1921 года до 13 сентября 1923 г. расходы достигали в среднем 6,000,000 в день.

Бюджет на 1922—23 год дает следующие цифры: Армия — 409.767 тыс. песет, флот — 81.987 тыс. песет, военные операции в Мароко — 233.760 тысяч. Прибавьте к этому, что расходы по содержанию полиции и жандармерии определены в бюджете министерства Внутренних Дел в 247.000.000, то мы получим 1 миллиард в бюджете, общая сумма которого выражается в 3 миллиардах 44 миллионах. И рядом с этим бюджет fomento (общественные работы, торговля и земледелие) равняется всего 171 миллиону песет, на народное образование тратится 150 миллионов, а Министерство Труда расходует 16 миллионов песет.

Вынуждена ли действительно Испания содержать огромную армию? — Ни в каком случае. Если бы Испания подверглась нападению страны, обладающей хорошо организованными военными силами, она не была бы в состоянии при помощи своих собственных рессурсов защитить неприкосновенность своей территории. Тогда в чем же дело? Вот в чем. У нас насчитывается 4 генерал-капитана, 10 генерал-лейтенантов, 70 дивизионных генералов, 140 бригадных генералов — это составляет 224 генерала, что дает 1 генерала на 640 солдат. Каждый линейный полк имеет одного полковника, трех подполковников, четырех комендантов, 16 капитанов, 32 лейтенантов, 1 священника, 1 капельмейстера, 60 горнистов и трубачей, 96 сержантов и капралов или 218 начальников на 175 строевых солдат. Персонал Военного Министерства состоит из 37 генералов и 529 начальников и офицеров, если не оши-

баюсь, вдвое больше, чем довоенный состав персонала Германского Военного Министерства.

В общем, офицерский корпус состоит из 22.000 человек при общей численности армии в 190.000 солдат. Армия, которую горсть плохо вооруженных и неорганизованных марокских крестьян, залегших за холмами Рифа, обратила в бегство в июле 1921 г., когда лишь чудом удалось избежать того, чтобы испанский гарнизон не был сброшен в море марокскими повстанцами. В 24 часа Испания потеряла территорию, которую она завоевывала в течение 15 лет, оставив 12 тысяч убитых на поле сражения.

Революция 1917 года.

Уже в 1909 году, когда правительство Маура - Сиерва, объявило мобилизацию пяти призывов для посылки их в Мароко, возмущение народных масс прорвалось наружу. В Мадриде женщины легли на рельсы и помешали отправке воинских поездов. Движение приняло особенно серьезный характер в Барцелоне. Рабочие, оставив фабрики и мастерские, огромной массой двинулись в порт, чтобы протестовать против посадки на суда резервистов. Произошло кровавое столкновение с полицией, послужившее сигналом для настоящей народной революции в этом крупном промышленном центре. В течение недели народ держался за баррикадами. То же самое происходило и в ряде других городов, где власть перешла в руки народа. Подавление этих движений было жестоким. Отзвуком его, долетавшим до внешнего мира, была казнь Франческо Ферерра.

Наступает 1917 год. Падение царизма в России произвело в Испании впечатление громового удара и наэлектризовало массы боевым революционным настроением. Но военачальники, опасаясь возмущения народа, создали тайные организации (Комитеты Защиты). В июне 1917 года Хунты предъявили консервативному правительству покойного Дато список своих требований, угрожающе настаивая на их немедленном удовлетворении. Правительство арестовало и посадило в тюрьму Монт Жюиха главарей офицерских хунт. Тогда был послан ультиматум, требующий освобождения в 12-часовой срок арестованных офицеров и удовлетворения их требований. Депутаты и сенаторы, всех политических направлений, спешно собравшись в Барцелоне, выпустили манифест, в котором, между прочим значилось: «Необходимо, чтобы жест, сделанный армией 1 июня, имел результатом глубокое обновление общественной жизни Испании». Все это вызвало страшное возбуждение в народе, распространившееся и в казармах. Можно было ожидать, что благодаря инициативе офицеров пробьет

час возрождения Испании. Тем временем вспыхнула железнодорожная забастовка. Социалистическая партия и генеральный союз трудящихся провозгласили всеобщую стачку по всей Испании. Манифест, выпущенный стачечным комитетом, заканчивался следующими словами: «Мы требуем образования временного правительства, которое подготовит после соответствующих изменений в нашем гнилом законодательстве, созыва Учредительного Собрания для обсуждения в условиях полной свободы фундаментальных вопросов политической конституции страны». Всеобщая забастовка распространилась на всю страну. Взбунтовался целый ряд полков.

Каково же было поведение армейских офицеров и военных комитетов защиты? Они накинулись с диким бешенством на народ, расстреливали его за баррикадами из пушек и митральез. Были арестованы тысячи социалистов, главари движения были приговорены военным судом к вечному заточению и сосланы в Карфаинскую каторгу.

Президент военных комитетов защиты, полк. Бинитто Маркез, вынужденный самими комитетами подать в отставку и покинуть Испанию, в манифесте, адресованном им перед своим отъездом офицерству, между прочим, писал: «Хунты могли бы превратиться в рычаг для преобразования всей жизни испанского государства на новых началах. Вы превратите их в саван для этого несчастного народа, заслуживающего лучшую участь и лучших сынов».

После революции 1917 года все усилия власти направлены на то, чтобы развратить комитеты военной защиты путем всяких подачек, милостей и возведения недовольных в более высокий чин. Вся эта политика, в конце концов, сделала неизбежным поражение в Мароко в 1921 году. И когда перед кортесами (палата депутатов) встал в связи с этим вопрос о положении в армии, при чем ряд депутатов произнесли настоящие обвинительные речи против военачальников и офицерства, обвиняя их во взяточничестве, кражах и даже продаже испанского вооружения марокцам, Палата, по требованию социалистов, решила произвести анкету. Раньше всякий раз, когда представлялись доклады, устанавливающие тяжкие проступки многочисленных военачальников, правительство, каково оно бы ни было, и командующий армией в Марокко всегда прятались в таких случаях за спину короля. Вот почему социалистический депутат Прието закончил свою речь революционными лозунгами: «Нужно изменить весь режим. Не наступит никакого улучшения в нынешнем положении, пока народ не восстанет и не похоронит в подземельях Эскуриала (королевский дворец в Мадриде) остатков разлагающейся монархии». Возмущение поражением в Мароко и пов-

дением военачальников вызывало растущее негодование и возмущение не только среди рабочих, но и буржуазных кругов. Эти настроения наростали с каждым днем. Диктатура Примо де Ривера была средством для отведения общественного внимания в другую сторону и избавления виновных от угрожающей им кары.

Диктатура преторианцев.

Диктатура генерала, захватившего власть путем государственного переворота, давно подготовлявшегося при участии короля Альфонса XIII, не знаменует собою, как многие себе это представляли, пришествие нового порядка. В действительности ничего не изменилось. Все те, которые фактически правили раньше страной и свергали правительства, которые им не нравились, теперь открыто правят. Отправной точкой их политики является намерение уничтожить все, что было создано в результате либеральных попыток в течение XIX века. Военное положение было объявлено по всей стране. Упразднена фактически конституция, которой присягал король, была уничтожена свобода собраний и печати.

Почему же рабочий класс и социалистическая партия не ответили на переворот революционными выступлениями? Причины, побудившие занять социалистов такую позицию, заключаются в следующем. С момента монархической реставрации в Испании у власти периодически чередовались так называемые консервативные элементы и либералы. Единственная разница между теми и другими заключалась в том, что либералы, становясь у власти, вели себя несколько более реакционно, чем консерваторы, только и всего. В силу географической и экономической сфер распространения их влияния, либералы были в сущности аграриями, тогда, как консерваторы являлись союзниками капиталистической и промышленной плутократии. Таким образом, в смене правительств каждые два или три года, проявлялось лишь влияние узкого честолюбия партийной лавочки, а отнюдь не влияние каких-либо политических настроений, а тем более идей.

Либералы явились виновниками страшных репрессий 1909 и 1917 годов, когда на улицах расстреливали народ массами, бросали в тюрьму рабочих, в особенности в 1917 году, когда вся тяжесть репрессий обрушилась на социалистов. Но за то как раз либеральное правительство провело в 1905 году реакционный закон, подвергающий юрисдикции военных судов авторов статей и речей, могущих нанести ущерб государству и армии. В силу этого закона сотни социалистов прошли перед военными судами и были посажены в тюрьму. Как консерваторы, так и либералы лишь топтались на одном месте, не

делая ни малейшего усилия для экономического развития страны. Внутреннее потребление Испании за много лет не увеличилось.

Несомненно, в Испании происходили время от времени парламентские выборы на основе всеобщего избирательного права. Но выборы фактически делались в кабинете министра внутренних дел, который заранее назначал кандидатов, а префектам давал приказ обеспечить их избрание. Всегда заранее, еще за восемь дней до выборов, знали число депутатов, которые составят правительственное большинство. Только несколько промышленных городов, как Бильбао, Мадрид, Огиего, составляли исключение, где избиратели могли голосовать более или менее свободно. Когда-то в Испании существовали республиканские партии, распавшиеся благодаря изменам их вождей. Движение 1917 года кончилось поражением, вследствие того, что глава республиканцев Леру заранее осведомил обо всем правительство. Многие другие республиканские вожаки перекочевали в ряды монархистов.

Таким образом, когда 13 сентября 1923 года узнали о государственном перевороте, совершенном генералими, социалистическая партия и Генеральный Союз Трудящихся, обсудив совместно создавшееся положение, опубликовали за 24 часа до введения цензуры, через посредство своих центральных комитетов, манифест, который гласил, что «трусливое молчание всех политических партий перед злодейством мятежных генералов показывает, чего можно было от них ожидать». Манифест призывал испанский рабочий класс воздержаться от непосредственных выступлений и беречь свои силы до того момента, когда партия обратится к нему с призывом действовать. Поступить иначе равносильно было бы самоубийству. Мы не поколебались бы призвать к революции, если бы могли рассчитывать на добросовестность республиканских вождей. Мы не могли призывать к революции, которая неизбежно привела бы к власти тех же самых людей, что и раньше несущих ответственность за то тяжкое положение, в котором очутилась Испания после полвека бесплодной и преступной политики. Оказать доверие нескольким республиканским вожакам, за которыми никого не было и способными на всякую измену, для нас было невозможно.

Наша позиция была единогласна одобрена рабочим классом и, я скажу без колебания, выражая свое личное мнение, что чем дольше останутся у власти диктаторы, тем будет лучше. Пусть они остаются до окончательного и полного своего банкротства и тогда, вместе с ними, рухнет и милитаризм, отравлявший политическую жизнь страны. До сих пор военщина возлагала ответственность за свои ошибки на прави-

тельства, которые на нее опирались. Теперь военщина совершила огромную глупость, овладев сама властью. Пусть же она покажет, на что она способна. Что принесет нам завтрашний день? «Никто не властен над будущим» — сказал Виктор Гюго. И тем более это применимо к положению, когда кормило правления в руках диктаторов. Будущее Испании — это трагический вопросительный знак. Но мы приложим все усилия, чтобы исполнить наш долг.

Организация рабочего класса.

Рабочее движение в Испании сильно пострадало от разлагающего влияния анархизма, проповедником которого явился у нас один итальянец после раскола, происшедшего в I-ом Интернационале. Анархизм проявлялся сначала в многочисленных покушениях, бросаниях бомб, убийствах, и мятежах, всегда подавлявшихся самым жестоким образом. Анархисты избрали Барцелону полем для своих опытов и это создало наверное представление о том, что Барцелона является авангардом испанского рабочего движения. На самом деле это не так. Освободившись от анархического влияния, Барцелона в 1903 году превращается в колыбель умеренного и правительственного республиканизма. Последний сменяется крайним революционным радикализмом, возглавляемого г. Леру, который проповедывал поджог торговых палат и штурм государственных учреждений, в которых регистрируется собственность. В 1910 году начинается закат этого направления в пользу каталонского национализма, нашедшего опору в среде консервативной и реакционной барцелонской буржуазии. В 1918 году наблюдается возрождение анархизма в форме анархо-синдикалистской. Барцелона становится синдикалистской и Национальная Конфедерация Труда (организация синдикалистов) уверяет, что в ее рядах числится 300.000 синдитированных рабочих в одной Барцелоне и 1 миллион организованных членов во всей остальной Испании. Эти цифры, конечно, были фантастическими.

В 1919 году Барцелонские синдикалисты, среди которых, в качестве лидеров, действовали весьма подозрительные личности, вызвали революционное выступление рабочих, кончившееся кровавым столкновением с войсками на улицах Барцелоны, во время которого было убито несколько сот человек и много ранено с той и другой стороны. Правительственная репрессия распространилась после этого не на одну только Барцелону, а на всю страну. В середине 1919 года конституционные гарантии были временно отменены по всей Испании. Это означает, что право союзов, стачек, собраний и печати, так же

как и индивидуальная свобода граждан были отданы на произвол правительства. Отмена конституционных гарантий послужила сигналом для широких гонений против социалистов и рабочих. Год спустя, Социалистическая партия в специальном мемуаре подвела итоги результатам этих преследований, исключая Каталонию и округ Валенце. Этот итог трагического года. Судите сами. Были закрыты 124 рабочих дома, арестовано в административном порядке 478 человек, отправлено в ссылку 5.000 человек. Преследования, репрессии продолжались до апреля 1922 года, когда конституционные гарантии были снова восстановлены.

Все это, казалось бы, должно было создать в Испании благоприятную почву для развития коммунизма. На самом же деле, ничего подобного не произошло. Зиновьеву не удалось организовать в нашей стране хотя бы малочисленную ячейку своих верных сторонников. Отдельные изолированные коммунисты появились в разных городах, но ни малейшие коммунистические организации в Испании не образовались. То, что наиболее повредило большевизму и лишило его возможности приняться на испанской почве — это тот порок продажности, которым он поражен. Но в Испании, когда становится известным, что кто-нибудь выступает политически под тем или иным флагом за деньги, то от такого человека отворачиваются. Наполеон рассказывает с некоторой горечью, что во время своего испанского похода он не нашел ни одного человека в народе, который за деньги согласился бы сделаться шпионом. Мой друг Шарль Малато, старый вождь анархизма, рассказывал мне, что больше всего в Испании поразили его нищие. Они никогда не кланяются и не благодарят. Они протягивают руку гордо, как человек, который требует то, что ему следует по праву и называют прохожего «братом».

Правда, в апреле 1921 года, в нашей партии произошел раскол, в результате которого от партии откололось несколько групп, вскоре совершенно распавшихся. Здоровые элементы этих групп вернулись обратно в партию. Впрочем, большинство отколовшихся прекрасно знали, что им грозит все равно исключение из партии не по причинам политических расхождений, но как мера чистки партии.

Единственно организованные силы, имеющиеся в Испании — социалистическая партия, входящая в состав Социалистического Интернационала и Генеральный Союз Трудящихся, примыкающий к Интернациональной Синдикальной Федерации. Генеральный Союз трудящихся, основанный социалистами и всегда ими руководимый, насчитывает 300.000 членов. Самыми сильными федерациями этого союза являются федерации синдикатов земледельческих рабочих, на-

считывающих 75.000 человек, федерация синдикатов строительных рабочих 28.000 человек, углекопов 20.000 человек. Потом идут железнодорожники, металлургисты и так дальше. В одном только Мадриде Генеральный Союз Трудящихся объединяет 70.000 членов.

Социалистическая партия Испании чисто рабочего происхождения. В течение долгих лет в партии был один только интеллигент, ученый, обширность знаний которого равнялась его скромности, — доктор Яинце Вера. Нашим первым депутатом, которого мы провели в парламент, был основатель нашей партии — Падло Иглезиас, избранный в 1910 году в Мадриде и с тех пор постоянно переизбираемый. В палате, разогнанной генералами, насчитывалось 7 социалистических депутатов. Центральным органом партии является ежедневная газета «Эл социалиста». Партия обладает, кроме того, 40 еженедельными газетами и группирует 30.000 членов. В настоящее время наблюдается рост сил нашей партии. Генеральный Союз Трудящихся предполагает включить в свой состав федерацию кооперативов и общество взаимопомощи. Будет создана смешанная комиссия с представительством от всех этих организаций, которая, вместе с социалистической партией, возьмут на себя задачу руководства общей и рабочей политикой Испании. Несмотря на все трудности, мы сохраняем веру в лучшее будущее. Благоприятный для нас признак можно видеть в том, что после генеральского переворота тираж нашей газеты «Эл социалиста» почти утроился.

Энрико Сантъяго.

Умирание искусства.

«Несомненно, что, будь доказано ослабление самой тонкой способности нашей души, способности эстетической, то это было бы верным признаком, что род наш начинает стареться, склоняется к могиле и занимается теперь приготовлением себе савана».

Прудон.

Философский скептицизм может проявляться в *троякой* форме — в виде выражения сомнений относительно достоверности предпосылок теоретического знания — оснований философии и положительных наук; в виде *морального* скептицизма, в глазах которого представляется недоказуемой идея *однозначного* обоснования нравственного поведения людей и, наконец, в виде *эстетического* скептицизма, направляющего свои сомнения на общезначимость художественных ценностей. Писания талантливых скептиков для зрелого ума не только не опасны, но всегда являются благотворным стимулом для углубления и обострения пытливости человеческого духа. Скептицизм первого рода, направленный на теоретические основы знания, совершенно бессилен в наше время не только подорвать веру человечества в теоретическую мощь и практическую действенность знания, но сам является интересным объектом психологического и социологического изучения, которое еще сильнее изобличает несостоятельность разглагольствований о «банкротстве науки». Современный человек с большим интересом читает скептические сочинения Ницше, Зиммеля, Файингера, Джэмса, где рассеяно так много тонких наблюдений над различными «вариациями» человеческих представлений о мире, но, находя в творениях А. Пуанкарэ, Эйнштейна, Федорова, Рутерфорда, Павлова новые завоевания человеческого гения, он склонен усматривать

в «элукубрациях» современного «прагматизма», «альсобизма», «релятивизма» лишь занимательную игру ума, однако, отнюдь не бесполезную в качестве «умственного эксперимента». Этический скептицизм представляет бо̀льшие трудности для преодоления, так как здесь подвергается сомнению не единообразие законов природы, под которое так безуспешно подкапываются скептики теоретического знания и не зависимость этих законов от структуры познающего духа, а *практическая норма поведения*, которая не выводится непосредственно ни из законов природы, ни из законов разума, но в исходном своем пункте *приемлется или отвергается человеческой волей*. И тем не менее едва ли возможно утверждать, будто в современном человечестве произошло окончательное распадение *того практического единства* веры в непреходящую ценность известных норм поведения, каковы, например, *справедливость* и *деятельная любовь*. Эта однозначная вера в смысл добра еще возвышается надо всеми классовыми и партийными разногласиями моральных, политических и философских учений. Когда завзятый «контр-революционер» де Лантенак спасает из горящей башни трех детей революционерки (Виктор Гюго: «93-й год»), а рабочий коммунист с опасностью для жизни приводит к родителям-аристократам их затерявшегося ребенка (Тургенев), когда апологет *морали господ* Ницше, два года занимается бесплатно обучением одного бедного пастора греческому языку, то чувствуется, что в данных случаях имеет место нечто бо̀льшее, чем счастливая (или несчастная?) непоследовательность.

Скептицизм эстетический представляет еще большие трудности для преодоления, чем скептицизм моральный, а между тем о нем, насколько мне известно, не существует не только отдельной книги, но даже и отдельной философской статьи. Его почти не затрагивают существующие *истории скептицизма*, например, история скептицизма Рауля Рихтера, или история морального скептицизма Крейбига.

В последнее время потребность в освещении предпосылок эстетического скептицизма, думается мне, является особенно сильной в связи с многочисленными писаниями на тему о кризисе искусства, о кризисе театра, об антиискусстве, о конце искусства, конце музыки и т. п. В области эстетических оценок не может быть речи об оценках, которые могли

бы претендовать на *непреходящее* и *универсальное* значение. Сама природа эстетического переживания не имеет безусловного специфического отличия от всяких иных вне эстетических чувственных наслаждений. Даже такой завзятый рационалист, каким был Платон, относил к области эстетического *запахи*, которые оцениваются различными индивидуумами весьма различно. Гюйо («Задачи современной эстетики») настаивает на том, что эстетическое наслаждение вовсе не есть *незаинтересованное*, чисто созерцательное наслаждение (bloss contemplative Lust). Он рассказывает, как однажды, путешествуя в сильную жару по Пиренеям, он зашел в избу пастуха, чтобы утолить сильную жажду. Когда он пил холодное молоко, напоенное ароматом пиренейских трав, он испытывал эстетическое наслаждение, совершенно подобное тому наслаждению, которое мы переживаем, слушая пасторальную симфонию Бетховена. Таким образом, Гюйо дает эстетическое оправдание для идеи маркиза Дезуссента (героя Гюисмансова романа), который изобрел обонятельный «орган» из ряда флаконов духов и вкусовой «орган» из ряда бутылочек со спиртными напитками, где английская горькая играла роль контрабаса.

Итак, нет специфической черты, которая отделяла бы непереходимой гранью сферу наслаждений искусства от области иных чувственных наслаждений, и субъективность этих последних де всецело распространяется на так называемые *суждения вкуса*.

Нам могут заметить по поводу сказанного, что со времени Канта почти никто из эстетиков не претендует, чтобы суждение вкуса могло быть *логически оправдано* в своей общезначимости. Нельзя «доказать» высокую ценность IX симфонии, но она фактически признана всеми или подавляющим большинством ценителей музыки за «кусок неба, упавший на землю», по выражению М. И. Глинки, а Бетховен, подобно Гомеру, Данте, Шекспиру, Гете или Пушкину является *вечным спутником* всякого любителя искусства. Однако, существование подобных *вечных спутников* в истории искусства есть, как, повидимому, убедительно показали Анатоль Франс («Сады Эпикура») и... Лев Толстой (брошюра о Шекспире) иллю-

зия. Нет одного «непреходящего» Шекспира, но каждый век, каждая эпоха *вкладывает* в его творения свой эстетический аспект. Да и подлинно ли эти «вечные спутники» общепризнаны даже в глазах знатоков искусства? Для кн. Одоевского последние квартеты Бетховена — произведения больного духа, бессжизненные и деланные. Для Берлиоза вступление к «Тристану и Изольде» Вагнера — несносный вой. Толстой не признает величия Гете, Шекспира и Пушкина и т. д. Произведения искусств не могут иметь *непреходящего во времени и общезначимого в пространстве* значения. Дело в том, что наша *эстетическая перевоплощаемость ограничена.* Мы не можем, при всем желании, воспринимать *эстетически* «Божественную Комедию» Данте так, как ее воспринимали *современники* и *соплеменники* Данте. Никакой перевод художественного произведения на иностранный язык не может быть адэкватным эстетически оригиналу. Национальная рознь народов и политическая рознь партий еще более усиливает глубоко непримиримое расхождение в эстетических оценках. Поляки никогда не признают эстетической ценности за «Иваном Сусаниным» Глинки, а итальянцы никогда не простят Пушкину клевету, возведенную им на Сальери. Для церковно верующего неприемлемы религиозные картины Ге, а для свободомыслящего неприемлема церковная живопись Васнецова. К этому следует еще добавить, что среди любителей искусства существуют три бросающиеся в глаза типа, непримиримые между собой — *пассеисты, модернисты* и *футуристы.* Первые льнут к «классикам» далекого прошлого, отрицая современное искусство и не возлагая надежд на искусство будущего; вторые стремятся быть в своих вкусах «с веком наравне»; третьи ставят крест на прошлое и настоящее и стремятся порвать с ними всякие традиции, видя в искусстве будущего «новое небо и новую землю». Можно поставить далее вопрос, какие последствия проистекают для искусства, если признать за эстетическими оценками лишь местное и временное, субъективное и преходящее значение?.. Тогда искусство, повидимому, еще не теряет своего *гедонического значения,* в качестве *источника для украшения жизни,* утончения средств к чувственному наслаждению, и как объект преходящей моды, но

оно утрачивает всякое серьезное значение, как особая сфера человеческого творчества, которая, подобно миру знания, беспрерывно приумножает свои ценности, творя новое, но в тоже время сохраняя навсегда свои высшие достижения прошлого. Эстетический скептицизм естественно наводит на мысли о *конце искусства.*

Рассмотрим те аргументы, которые выдвигались в течение XIX века различными мыслителями о *конце искусства.* Нужно сказать, что эта идея не новая... Гегель, Шнавар, Герцен, Лавров, Прудон, Тургенев, Достоевский, Ницше, Клейн, Шпенглер. Я не буду придерживаться хронологического порядка при изложении этих мыслей, а попытаюсь формулировать их в ряде тезисов, не считаясь с исторической перспективой их появления.

I. *Смысл искусства неотделим от религиозного смысла жизни.* И Гегель, и Толстой доказывают, что всякое великое искусство было плотью от плоти и кровью от крови известного религиозного «мирочувствия». Как только такое религиозное отношение к жизни утрачено человеком, так для него теряют смысл и произведения искусства, порожденные данной религией. «Мы восхищаемся изображением Мадонны и Младенца, говорит Гегель, но мы более не преклоняем перед ними колен». Свободомыслящий Фр. А. Ланге находит, что месса Палестрины или Мадонна Рафаеля для него приемлема, ибо она не может погрешать против науки или логики, но для более, повидимому, последовательного Ницше наслаждение IX-й симфонией Бетховена отравлено, ибо *ему чужды религиозные чувства, породившие ее.* Свободный ум, отрекшийся от всякой религиозной метафизики, «при исполнении одного места IX симфонии Бетховена чувствует себя парящим над землей вместе со звездами, с мечтою о *бессмертии* в груди; вокруг него сверкают звезды, и земля уходит от него все дальше и дальше. Если он способен дойти до такого состояния, то он *ощущает глубокую скорбь* в своем сердце, и он страстно хотел бы найти «потерянную им возлюбленную, которую мы называем в этом случае метафизикой. В такие минуты его разум подвергается испытанию и выясняется, насколько сильно он в нем действует» («Человеческое, слишком человеческое», § 153-й). Тур-

генев и Герцен сознают эту глубокую связь искусства с вдохновляющей силой религии... Тургенев в виде предположения высказывает мысль о возможности обновления религиозного начала, оживляющего искусство, в развитии американской индустриальной мощи, а Герцен пишет: «Где тот псалом, который могли бы пропеть все жители пятиэтажного дома от чердака до подвала?..» Его восхищает честность гениального художника А. А. Иванова, который, потеряв церковную веру после знакомства с Д. Штрауссом, отказался в Риме от богатых заказов на иконы. Вместе со смертью религиозного мифа умирает и источник эстетического вдохновения.

II. *Искусство несовместимо с успехами положительных наук* и притом в двояком смысле: и с точки зрения художественного творчества, и с точки зрения художественного восприятия. Вот почему *искусство непримиримо с наукой об искусстве* в виде психофизиологии эстетического творчества и восприятия *).

Прежде всего нужно отметить, что современное понимание природы несовместимо с ее эстетическим одухотворением. Вл. Соловьев в статье о Тютчеве справедливо указывал, что Тютчев не мог бы видеть в природе «душу», «свободу», «любовь» и «язык», если бы он придерживался механической точки зрения на мир. Для Лукреция было, как справедливо замечает Бенар (»L'ésthetique d'Aristote«) вопиющей непоследовательностью класть в основу бытия совершенно мертвые primordia rerum и в то же время усматривать в них творческую силу Афродиты. Мы знаем теперь *доподлинно*, что стихии природы *мертвы* — одухотворять их в поэзии было бы так же глупо, как восхищаться мистическим молчанием ночи и дивным ароматом цветов, стоя в темном корридоре, уткнувши нос в шкап с платьями, пропитанными нафталином, по-

*) П. Л. Лавров в замечательной брошюре «*Кому принадлежит будущее?*» полвека тому назад предрекал умирание искусства. Аргументы по поводу несовместимости научного прогресса с действительным преуспеянием искусства вложены в его философских докладах в уста «*Профессора*». Брошюра переиздана в 1905 году, год ее первого издания мне не известен точно. Сложные отношения между проблемами религии, науки, искусства и практической жизни освещены в этом произведении с большим диалектическим искусством.

добно двум студентам, которые, по словам Гейне, перепившись до зела, пошли в корридор и открыли шкап со старым платьем, желая у окна подышать свежим воздухом.

Затем, чем более нам удается психологически истолковывать процесс художественного восприятия, тем менее возможно для нас непосредственное наслаждение искусством, чем более мы разгадываем *секрет творчества*, чем более его «божественность», «мистический характер» делается выразимым в терминах психофизиологии и социологии, тем более утрачивается в нас способность непосредственно воспринимать художественное произведение. Вот почему у поэтов нередко встречается яркое выражение страха перед грозным наступлением «*проклятой науки*», которая, по убеждению Рёскина, причинила великий вред крупнейшим художникам Ренессанса. Стихотворения, направленные против науки, имеются у Ламартина и у Поэ. Оно начинается словами: »Science! True danghter of old time thou art who alters all things with thy peering pes«.

Наука своим пронзительным взглядом изменяет видимость вещей. Она коршун, она терзает сердце поэта, привнося всюду одни *печальные реальности*. Наука бесжалостная разрушительница всех поэтических мифов.

III. Искусство (не *буржуазное, а всякое)* есть продукт ненормальных условий человеческой жизни (подобно религии), поддерживаемый капиталистическим строем. Фейербах когда-то провозгласил великий *императив: «Довольствуйся данным миром»*. Но большая часть человечества под гнетом экономической нужды, предается религиозным и эстетическим иллюзиям, создавая рядом с неудовлетворяющим его потребностям реальным миром другой мир, потусторонний, преисполненный идеально прекрасными образами. Таким путем, единый мир искусственно *расщепляется на два. Искусство, как и религия, есть функция нужды.* С падением капиталистического строя и водворением нормальных экономических отношений между людьми, *искусство, как особая сфера бытия, сойдет на нет*, так как реальный мир будет вполне удовлетворять потребностям человека. Искусство сведется лишь к украшению жизни, т. е. получит второстепенное, не чисто эстетическое,

кладное значение. Любопытно, что подобные мысли, более четверти века тому назад высказанные Клейном (см. «Научное Обозрение» за первый год издания), находят себе якобы подтверждение в современных опасениях за судьбу искусства. Э. М. Фриче в своих «Очерках по искусству» (1924) приводит декларации современных немцев о надвигающейся гибели искусства — Гаузенштейна и Виктора Аубертина (книга: «Искусство умирает»). По словам Аубертина, все более усиливающаяся организация хозяйства, в которой личность совершенно поглощается коллективом, торжество положительного знания и техники окончательно убивают в современном человечестве наклонность поддаваться художественным иллюзиям. Фриче указывает, что сторонники 2-го Интернационала мечтали о возрождении искусства в будущем социалистическом строе на развалинах буржуазного искусства. Фриче, признавая наличность некоторых благоприятных данных для развития искусства в будущем обществе (единство жизненного идеала), тем не менее опасается, что в психике, насквозь рационализированной под тройным могучим прессом грандиозно развитой организации, техники и науки, в психике, в которой, вероятно, самодержавно будет царить ratio, не мало или места останется для мышления художественными образами или символами, для мышления, которое занимает середину между религиозным и научным и есть переродившееся религиозное и недородившееся научное мышление (стр. 210-я).

IV. Но есть основание опасаться конца искусства, кроющееся в самой сущности современного искусства — *в его технике*. Уже в начале 90-х годов Римский-Корсаков начал выражать опасения по этому поводу. Однажды, играя секвенции из нонаккордов, он, по словам его друга В. В. Ястребцева, пришел к неутешительной мысли, что круг гармоний в современной европейской музыке замкнут, исчерпан. Другой признак вырождения музыки он усматривал в рассудочном философском *символизме*, чуждом творческой непосредственности, символизме, который все более наблюдается в современном музыкальном творчестве. По словам Шнавара, которого цитирует Прудон, смерть музыки наступит позднее других искусств. Но современная отчаянная попытка *расширить поле техниче-*

ских возможностей творчества, то введением *шумов* в музы
наряду с тонами, то стремлением использовать деление тон
на более мелкие единицы (Хаба*), вызывает серьезные опа
ния относительно того, не с *концом* ли мы имеем дело там,
новоявленные революционеры видят *начало?* Муратов в св
интересной статье «Антиискусство» («Совр. Зап.», № 19) у
зывает, что *архитектура*, как подлинное искусство, перест
существовать уже с первой четверти XIX века. Что же
сается других пластических искусств — скульптуры и жи
писи, то в них, повидимому, наблюдается поразительная
ляризация формы и содержания. Масса увлекается безд
ным и варварским натурализмом кинематографа, с другой
стороны, чистый формализм беспредметников увлекает все
деющие группы представителей эстетического снобизма. Мн
о конце живописи читатель найдет в интересной книге С.
Маковского: «Последние итоги живописи», 1922. Тот же
нематограф победоносно вытесняет драму, комедию и опе
Очевидно, и в литературе оказываются совершенно исчерп
ными те *26 драматических ситуаций*, к которым, по мне
одного француза, сводятся все возможные поэтические сюж
для театра. Что касается самой *стихотворной формы*, то од
ми она отвергается, как ненужная искусственность и они
лагают, что она *сведется к прозе* (Толстой, Дюринг), друг
формалисты, подобно таким же художникам, стремятся ус
нить из поэзии всякий смысл и даже всякий образ, тяго
к чистым «экспрессивным», но совершенно бессмыслен
звучаниям.

V. Кроме указанных нами оснований предвидеть с
наступление конца искусства можно, повидимому, при
весьма серьезные *историко-культурные соображения*. Их
находим у Освальда Шпенглера**) в его книге: «Закат запа

*) См. «К новым берегам», 1923 г. «Гармоническая основа четв
тонной системы».

**) Вот что писал задолго до Шпенглера цитируемый Пру
француз Шнавар: «При всякой цивилизации погибает какое-нибудь
кусство. Нет ваяния после Греции, нет живописи после Голла
XVII века. В наше время всякие попытки во всех искусствах кроме
зыки, есть бессильный архаизм. А что такое сама музыка? Материал
развращающее искусство, созданное как нарочно для утешения

Пользуясь своим физиогномическим методом, Шпенглер, отвергая отжившее, крайне искусственное деление историческо-го процесса на периоды древней, средней и новой истории, рас-сматривает ее, как последовательность замкнутых культур, из которых каждая имеет свой основной *первосимвол*, который налагает на все духовные проявления данной культуры осо-бый, ей одной свойственный *стиль*. У каждой культуры не только своя религия и искусство, но и своя логика, матема-тика и физика. Первосимволом для греко-римской культуры является σῶμα — идея ограниченного, тема для фаустовской (европейской) — тяга к бесконечному пространству и т. д. Шпенглер ставит в связь все проявления каждой культуры между собой и все их дедуцирует из единого первосимвола. С другой стороны, он намечает этапы эволюции каждой куль-туры и сопоставляет соответствующие этапы разных культур. Благодаря такому приему является возможность определить *возраст* европейской (фаустовской) культуры и в частности возраст современного европейского искусства. Оказывается, что «пергамское искусство соответствует музыке Берлиоза, Листа и Вагнера» (См. интересную книгу Лазарева: «Шпенг-лер об искусстве», 1922 г., стр. 104). «Все, что Ницше говорил против Вагнера и Байрета, против «Кольца» и «Парсифаля» — все это может быть применено и к эллинистической пла-стике. Эта же театральность, эти же заимствования из старых *возбуждающих более ничьих религиозных чувств мифов*, то же безудержное действие массами на нервы, но также аналогичная мощь, возвышенность, величие, утерявшие, правда, в значительной степени свою внутреннюю силу» (36, 39). Современное же искусство представляет картину полного падения: «все то, что предлагают ныне публике под видом искусства, есть бессилие и ложь: в пленарном собрании акцио-неров или инженеров крупного металлургического предприя-тия проявляется несравненно более интеллигентности, вкуса и характера, чем во всей музыке и живописи современной Европы».

Я не имел в виду в настоящей статье ни подвергать кри-

человечества и для убаюканья его в гробнице». (См. Прудон: «Искусство, его основание и общественное назначение», 1856 г., стр. 196).

тике аргументы в защиту эстетического скептицизма, ни с
суждать, *верен ли прогноз относительно приближающего
или уже наступившего «конца искусства»*. Современн
эстетический скептицизм, конечно, связан с общими скеп
ческими настроениями современности, напоминающими
добное же скептическое поветрие в конце XVI века *). Что
касается пессимистических выводов о конце искусства, то
бопытно то, что *к ним приходят, исходя из различных по
лок, совершенно разнородные писатели* — философы, худ
ники, экономисты. Это обстоятельство еще *отнюдь не дока
вает, само по себе, будто подобные выводы правильны*, но
свидетельствует о том, что популярность подобных идей с
птоматична с социологической точки зрения, и что они
служивают всестороннего философского освещения.

Проф. *И. Лапшин.*

---

*) См. мою книгу «Философия изобретения и т. д.», т. I-ый, п

Анатоль Франс.

Анатоль Франс был современником Гюго и Ламартина. Над его детством еще витала тень Бальзака. Он знал Флобера и Гонкуров. Его первые произведения появились одновременно с романами Зола и рассказами Мопассана. Последний представитель целого героического периода, он в наши дни был точно живым олицетворением эпохи расцвета французской литературы XIX века. Он соединял прошлое с настоящим. Более того: для своих соотечественников воплощал он не только искусство минувшего века. Его псевдонимом было имя его родины — и лучшие традиции французской словесности вшитал он в себя и переработал в своих творениях.

Трудно сказать, чье влияние наиболее явственно в произведениях Ан. Франса. Громкий смех Рабле звучит в вольных шутках его аббата Куаньяра; тонкий скептицизм его философских рассуждений напоминает Монтэня; Вольтер научил его язвительной иронии; от всей философии века просвещения взял он «отраву дерзких отрицаний» и ее пылкую жажду справедливости.

Литературные критики найдут черты сходства между «Таис» Ан. Франса и «Саламбо» Флобера, между скептической философией только что умершего писателя и той безысходной мизантропией, в которую впал автор «Бувар и Пекюше». Они скажут, что Франс во многом близок Ренану или что от парнасцев он унаследовал культ совершенной фразы.

Но было бы несправедливым ограничивать истоки творчества Ан. Франса одной только французской литературой. Конечно, он воплотил в себе лучшие стороны латинского гения и в нем ожила вся классическая традиция Франции — от Рабле до Расина и Шенье. Но его учителями были гораздо

более философы Греции и отцы церкви, гуманисты позднего средневековья и поэты возрождения.

Не по описаниям историков, а по подлинникам изучал он любимую Элладу и Рим. Эрудит, обладавший исключительной памятью и навыками научного исследования, он раскрыл в «Таис», в «На белом камне» и «Саде Эпикура» всю глубину своего знания классиков. Но он был столь же начитан в творениях бл. Августина, как и в Περὶ τέλους Эпикура или сочинениях Диогена Лаэрция. Два тома его исследования о Жанне д'Арк сделали бы честь любому специалисту по истории Франции. Но кроме того Ан. Франс считался одним из лучших знатоков XVIII в.: «Рассказы Жака Турнеброша» и две книги, посвященные аббату Куаньяру, с такой же изумительной отчетливостью воссоздают все подробности быта и жизни середины столетия, с какой «Боги жаждут» рисуют грозные судьбы революции в конце века.

Анатоль Франс презирал легковесный диллетантизм, удерживающий в памяти лишь остовы систем и контуры событий и небрежно путающий факты, места и даты. Он вносил в свои произведения щепетильность ученого, и — как в стиле избегал он всякой туманности — так и из повествования исключал неточность или неопределенность.

Литературные педанты не раз пробовали отрицать оригинальность Ан. Франса, указывая, что он искал вдохновения в книгах. «Его оригинальность того же рода, что оригинальность Виргилия и Расина, Шекспира и Гете», едко отвечает им французский критик Поль Судэй.

Иные, превознося Франса-художника, почти совершенно не считаются с Франсом-эрудитом. А между тем — одна из основных черт Ан. Франса — именно его образованность.

На заре эпохи возрождения ранние гуманисты с жадностью пытались овладеть всей мудростью древности, и считали себя наследниками всех умственных богатств человечества. В них жило ненасытное умственное любопытство. Поэтому тип энциклопедиста, всесторонне образованного человека, одним из родоначальников которого являлся Данте, был так распространен в Европе XV-го столетия.

И в то же время изучение не убивало творчества, а толкало к нему: изучавший Плиния становился натуралистом,

читатель Ливия писал историю своего народа; поклонник Лукана сочинял диалоги и был секретарем республики *).

Ан. Франс — гуманист нашего времени. Подобно тому, как свыше пяти веков тому назад Петрарка или Боккаччио, Полициан или Весп. Бистиччи с любопытством и наслаждением открывали в древних рукописях целый мир мудрости и поэзии и вновь переживали солнечные дни Афин и размеренные месяцы Рима — точно также и Ан. Франс захотел пройти по всем дорогам европейской мысли и овладеть всеми исканиями, победами или причудами воображения и разума.

Если культура человеческая слагается из суммы всего духовного опыта, пережитого и выраженного одареннейшими людьми — философами, поэтами, учеными — то чем дальше, тем труднее становится познать ее богатство. Ан. Франс был одним из немногих людей XIX века, пожелавших и сумевших не только воспринять все плоды этой культуры, но и сделать их предметом своеобразной умственной радости.

В этом еще одна существенная черта Франса. Он не был коллекционером литературных древностей и музейных побрякушек. Знание было для него источником огромного наслаждения и история представлялась ему не книжным перечнем событий, а волнующейся толпой живых образов и борющихся, но недолговечных идей.

Тот, кто умеет проникать в прошлое, чувствовать его дух и воссоздавать его быт — живет умноженной жизнью. Знание дает лишь материал для такого удесятиренного бытия — но только воображение оживляет его, и позволяет оттолкнуться от твердой почвы фактов и отдаться плавному полету творческого преображения.

Аббат Куаньяр, попавши в библиотеку чудака и искателя философского камня д'Астарака, в восторге погружается в разбор рукописи Зосимы Панополитанского. Он переживает «оргию умственного наслаждения» — «ибо мысль — одна из лучших человеческих функций». Ан. Франсу хорошо знакомы подобные радости — но все же выше их он ставит те «пиры воображения», в которых мысль и знание служат лишь яствами и приправой. Этот исследователь и эрудит с острым умом и парадоксальной логикой, этот гуманист, любовно собирающий

*) Bourkhardt, I B. p. 188.

мед во всех изысканных садах безумия и мудрости — прежде всего художник. Он славит сказку и игру воображения: «это оно — со своей ложью — сеет красоту и добродетель в мире. Это оно делает нас великими». Он живет в мире созданных им самим героев, он заставляет их выражать свои собственные мысли и вместе с ними блуждает по каменистым дорогам Иудеи, по улицам Коринфа, по берегам дорийских рек или по площадям королевского Парижа. И к нему самому относится эпиграф из Филопатриса к его книге «На белом камне»:

»Tu sembles avoir dormi sur la pierre blanche au milieu du peuple des songes« (и кажется, будто ты спал на белом камне, и сонм видений окружал тебя).

Лучшие произведения Ан. Франса — соединение интеллектуализма и фантастики. Опытный и искусный рассказчик, увлекает он читателя по затейливым кругам своего повествования; неослабевающая рука плетет нить фабулы в «Харчевне королевы Педок»*) в «Боги жаждут» или «Желаниях Жана Сервиена».

Иной раз сюжет его романов всецело находится в плане сказочного вымысла, как, напр., в «Восстании ангелов» или в рассказах. Но повсюду действие, развертывание событий и внешних изменений в жизни героев имеет чуть ли не второстепенное, и уж во всяком случае равное значение, что и их словесные высказывания. Некоторые произведения Франса — ни что иное, как диалоги, в которых люди разных времен, под разными небесами, рассуждают о религии, о морали и науке. На всем творчестве, Ан. Франса — печать мысли; в своем глубоком единстве и цельности образует оно как бы ту систему идей писателя, в которых раскрываются его воззрения на мир и людей.

Даже в ранних творениях Ан. Франса — «Преступление Сильвестра Бонназа», «Красная Лилия» — и в его книгах о детстве, отрочестве и юности — «Книга моего друга», «Пьер Нозьер», «Маленький Пьер», «Жизнь в цвету» — казалось менее всего зараженных интеллектуализмом, с каждой стр

*) Под таким неправильным заглавием появилась на русском я »La Rôtisserie de la reine Pédauque«. Rôtisserie — лавка, где продаю жареное.

ницы дышит своеобразная ироническая и снисходительная философия Франса.

«Мысль — одна из лучших человеческих функций» — писал он, и все его творчество — подтверждение этой формулы.

Ан. Франс изучал мыслителей всех стран и народов — но и сам он философ; он учился у великих мужей древности — от Платона до Марка Аврелия — но и сам он учит своей тонкой и улыбчивой мудрости.

Эту мудрость обыкновенно определяют как иронический скептицизм, прищедший к благожелательной снисходительности по отношении к людям. Действительно — *манера* творчества Франса — ироническая; *метод* подхода к миру — исследование явлений, проникнутое скептицизмом — но философия его гораздо более сложна, а мудрость более глубока. В ней гармонически сочетаются разные, иной раз противоречивые начала, и быть может именно в соединении противоположностей и в их многообразии — объяснение живой *человечности* Ан. Франса. Он учился у Эпикура и пирронистов; но он также следовал заветам св. Франциска Ассизского и недаром в предисловии к «Взглядам г. аббата Куаньяра» он учителями своего излюбленного героя назвал именно греческого философа и итальянского святого. Его никогда не привлекал тот идеал бесстрастия, который Спиноза называл свободой — свободой от страстей, от чувств и игры воображения, не подчиненных отвлеченной и чистой мысли.

Он любил и прославлял не только холодные и безрадостные итоги разума, но и преходящую красоту мига. И если познание тщеты вещей — мудрость, а очарование вещами — безумие — то был он близок и одному, и другому. А ведь «истинное безумие столь же редко, как и истинная мудрость», заметил когда-то в «Луккских водах» иронический романтик Германии — Гейне.

Мудрость вещает: все тлен и прах. Ничего нового не прибавили мудрецы тридцати столетий к словам Экклезиаста, сына Давидова, царя Иерусалимского: суета сует и всяческая суета. Человек обречен на смерть — и что толку умному, если он сгниет так же, как и глупец. Все равно и все равны пред всепоглощающей бездной. Тщета — бесполезные усилия ничтожных, на миг возникающих, через миг бесследно исчезаю-

щих пылинок. И что все труды, и все усилия, и все ухищрения их пред одной неизбежной правдой гибели. Наслаждения плоти и радости духа — лишь жалкие обманы, покровы лжи на скелете страшной истины. Любовь — игра инстинкта и фантазии; недолговечна дружба, и ничтожны и бренны радости и печали. Нет исхода из тюрьмы неизбежности, и «то, что было — это то, что будет, и то, что свершилось — это то, что совершится, и нет ничего нового под солнцем» (Эккл. 9).

Мудрость копит знание и множит скорбь. Мудрость знает цену вещам — вернее, что нет им никакой цены.

Безумие — возносит каждое мгновение. Пусть смерть придет завтра — да здравствует мое краткое сегодня. Пусть роза вырастает из праха смертного — роза прекрасна. Пусть любовь изменит — сейчас манят уста возлюбленной. Пусть все суета сует и томление духа — но между двух бесконечных ночей — загадки рождения и бездны смерти — в краткий день бытия, на миг загоревшееся сознание хочет восторгаться красотой природы и искусства, очаровываться обманами и взлетами мысли, хочет трепетать в борьбе, в любви, в горестях и вере.

Познать — и все же наслаждаться бытием; на всем увидеть печать уничтожения — и все же воспевать царство красоты; понять цену и меру людей, событий и вещей — и жить их волнующейся жизнью — вот то соединение мудрости и безумия, которое отличало великих философов античного мира, и которого в наши дни достиг Анатоль Франс.

Скептицизм Ан. Франса чужд отчаяния и духа возмущения пред ограниченностью человека. Он далек от той безрадостной философии Пиррона, этого Шопенгауера древности, именем которого называлась школа скептиков. Мягкость и тонкая насмешливость, отличающие Франса-художника, придают особый характер и его философии. Он прежде всего видит смешную сторону вещей, людскую глупость и заблуждения. С умной улыбкой на устах он совлекает пышные одежды, в которые рядятся человеческая суетность или легкомыслие. Он низводит человека на его истинное место, высмеивая чудеса религии или заносчивую гордость мистики.

Бог или боги, создавая людей, несомненно, допустили какую-то ошибку. Трудно придти в восторг от семи дней тво-

ренья. Иегова был искусным, но не слишком совершенным демиургом. Искатель философского камня, друг эльфов и саламандр д'Астарак («Харчевня королевы Педок») думал, что люди были созданы из глины на подобие горшков — и Великий Гончар сам не был вполне доволен делом рук своих. Мы — лишь одушевленная глиняная посуда.

«Если Иегова и считал ее не плохой в пылу работы, то он вскоре признал свою ошибку, и Библия наполнена свидетельствами его недовольства, доходившего часто до дурного настроения, а иногда даже и до гнева. Ни один ремесленник не обращался со своими произведениями с таким отвращением и враждебностью. Сперва он решил уничтожить их, и, действительно, утопил большую часть из них. Этот потоп, воспоминание о котором сохранилось у евреев, греков и китайцев, был причиной последнего разочарования несчастного Демиурга: он понял всю бесполезность и смехотворность этого насилия и впал в отчаяние и апатию, которые непрерывно растут со времен Ноя и в наши дни достигли до крайних пределов» *).

Грек Аполлодор («На белом камне») объясняет противоречия человеческого характера путаницей, произведенной Прометеем, который слаживал различные элементы человеческого тела и души, возвратясь после обильного возлияниями ужина.

Старый садовник в «Восстании ангелов» дает рационалистический рассказ о происхождении человека: он был наг и слаб на враждебной и дикой земле. Природа снабдила его многими достоинствами — но на веки сделала его ограниченным и смертным.

Конечно, замечает Франс, трудно сказать, какая именно ошибка была в плане устроения вселенной, и была ли она — но человек не может особенно гордиться своей судьбой и своим положением в мире.

Он столь же ничтожен и смертен, как и мириады иных существ, некогда населявших землю и превратившихся в тот

*) Образ бога - гончара неоднократно встречается в античной поэзии; в частности любопытно сравнить слова Франса с соответствующим местом о великом Горшечнике у персидского поэта Омара Кайямы в его «Рубайят».

прах, который мы топчем, гуляя и разговаривая о загробной жизни. Защитники веры в бессмертие души постоянно говорят о человеке: но если бессмертен человек, то как быть с лошадью, собакой или волком, и какое бессмертие можно обещать душе муравьиной?

Жизнь, говорит Галлион — это маленький огонек меж двух бесконечных теней: вот наша доля божественного. Человек схож с богами лишь тогда, когда живет.

Но и это сходство не слишком велико. Наш разум мал и тесен. «Наши чувства составлены из тысячи мелочей, которых мы не знаем, а судьбы нашей бессмертной души зависят от дуновения, от которого не пошевельнется и травинка». Мы влечемся к праздным мечтам, а в наших руках остаются тени (nous poursuivons des songes et embrassons des ombres). Мы строим на облаках и прикрываем нашу суетность игрой ума и воображения: так возникают сказки мифов и обманы религий.

Голод и желание правят человеком — и трудно сказать, что из них сильнее. Желание возвеличено до страсти — из грубого металла первичного инстинкта изваяна статуя Любви.

Но, быть может, и любовь — одна из великих человеческих иллюзий.

То, что вызывает желание и создает любовь — это зовущее тело, эти прекрасные черты — все это стареет и уничтожается быстрее, чем предметы, сделанные рукой человека.

Франсу подростку, почти юноше, рассказывают о прекрасной натурщице Кошеле — сводившей с ума Энгра и других знаменитых художников. Он мечтает об ее красоте и обаянии. Он видит пред собою блеск ее смеющихся очей.

Однажды он встречает страшную старуху — бабу-Ягу, с седыми космами всклокоченных волос, крючковатым носом и когтистыми руками. Ее появление устрашает его — но это госпожа Кошеле — предмет его мечтаний, символ любовного безумия.

И все же любовь — самая сильная и самая печальная из человеческих страстей.

Вне нее нет ни творчества, ни радости чувств. Математик Мелантрос говорит Никиасу в «Таис», что без помощи Афродиты он не мог бы определить свойства треугольника.

Прекрасное тело — источник смертной, но пылкой радости. Наша вина, если мы хотим большего, чем чувственности. «Думают, будто обладают женщиной, если имели ее тело»; «Мы вкладываем бесконечность в любовь — не по вине женщин».

В «Красной Лилии», этом описании страсти в рамке вечно-юной Флоренции, в котором, несмотря на прославление чувственной любви, постоянно звучит голос скорбного раздумья, Ан. Франс замечает: «можно разбиться один о другого — смешаться нельзя. Мы хотим, чтоб нас любили, а когда нас любят, нас мучают или нам надоедают».

Нет истинного обладания, любовь умирает, как чувства и как вещи. Ее порыв — тот же, что и все безнадежные попытки человека перейти за предел своих ограниченных возможностей.

И здесь мудрец, познав суть явлений, ищет не бесконечности, а наслаждения — понимая, сколь оно изменчиво и непрочно — как и все, что относится к человеку.

Как ни ограничен и обманчив наш разум — ему принадлежит первое место в душевных силах. Чувства — проводники гораздо больших заблуждений, чем разум.

Люди боятся мысли — ибо мысль всегда беспокойна и разрушает абсолютную правду. Она отказывается от иллюзий и полной мерой оценивает людей и их страсти и деяния.

Она и в истории человечества отличает всю относительность эпох, цивилизаций или тех якобы вечных истин, во имя которых гибли народы и разрушались царства.

«То, что люди называют цивилизацией — это современное состояние нравов, а то, что они называют варварством — предшествующее состояние. Когда нынешние нравы отойдут в прошлое, их будут называть варварскими».

Жестокость, корыстолюбие, гордость и голод были двигателями истории. Убийство было законом и привычкой. Война стала естественным явлением. На развалинах Рима, мечтавшего о всемирном владычестве, варвары четырнадцать веков только и делали, что убивали друг друга: такова была жизнь народов в средние века, так образовались великие европейские монархии. Оне, в свою очередь, гордясь белизною кожи, занялись уничтожением краснокожих, чернокожих и прочих

цветных рас, и в течение трех веков грабили три части света. Это и называется современной цивилизацией.

В этой непрерывной цепи насилия и грабежа, сильные угнетали слабых, богатые — бедных, бездельники — трудящихся. Несправедливость социальная шла об руку с политическим произволом и моральным лицемерием. Общество создавало законы для сильных мира сего. Оно выдумало нравственность, жалкую и случайную.

Природа не знает добра и зла. Кто скажет, что полезно и что вредно для человека? Что такое порок — и не слишком ли часто, уничтожая порок, убивают и добродетель?

То, что люди считают сегодня незыблемым и священным, будет завтра прахом.

Быть может, только это и является утешением при мысли об истории. Живущие должны согласиться, что все меняется. Мы знаем жизнь и смерть религий. Печальный конец римского политеизма позволяет нам предвидеть упадок христианства.

И вообще, поскольку нам известно прошлое человеческого общества — мы можем, хотя бы отчасти, проникать в будущее. Мы знаем, что формы труда меняются, что за рабством последовало крепостное состояние, которое было заменено наемным трудом; что капитализм пришел на место мелкой собственности крестьянско-цехового строя. И капитал, и наемный труд будут заменены новыми формами труда и производства.

Франс уверенно называет эту будущую форму человеческого общежития: социализм. Он верит в приход нового строя, перед которым варварскими покажутся учреждения и нравы современности. В нем исчезнет война — ибо она не является необходимым условием жизни обществ. Перед 1914 годом Ан. Франс писал: «конечно, еще будут войны... Никому из нас не придется дожить до эпохи мира... Но мы предчувствуем эти лучшие времена, которых мы не увидим».

Мир, равно как и усиление человеческой солидарности и разумная организация труда в Соединенных Штатах всего света, осуществятся не потому, что люди станут лучше — на это нечего надеяться — а потому, что этого потребуют новые экономические отношения, новая наука, новый порядок вещей.

Крылатые слова Ан. Франса — »l'union des travailleurs fera la paix du monde« — единение трудящихся принесет мир всему миру — стало ныне лозунгом всех социалистических партий.

Ипполит Дюфрен в «На белом камне» рассказывает свой сон — видение человечества в лето 2270 от Р. Х. В том коллективистическом обществе, которое он вообразил, царствовало одно правило: «человек должен быть уважаем человеком». В этой краткой формуле социальной морали — основа политических взглядов Ан. Франса.

Он знает, что эволюция человеческого рода ограничена человеческой природой. Человек не начало и не конец земной жизни. Быть может он будет заменен иной расой, которая будет владычествовать на земле. «Эти новые гении мира будут презирать нас или не знать о нас. Памятники нашего искусства, если они откроют их следы, не будут иметь для них никакого смысла. А мы не можем вообразить себе их гения, подобно тому, как доисторический человек с гор Сивалика не мог предчувствовать силы мысли Аристотеля или Ньютона».

Это взгляд — sub specie aeternitatis — под знаком вечности. Но в преходящий исторический миг нашей современности еще не осуществились даже те разумные возможности, которые даны человеку.

До сих пор злая глупость и бессмысленная жестокость управляют миром. Под сенью нелепых законов, осуждающих бедняков Крэнкбиллей и покровительствующих хищникам и богачам, царствуют ханжество, ложь и неразумие.

Человек, которого не ослепляют торжественные речи блюстителей порядка и которому глупость не внушает уважения даже если она покрыта сединами и пышными бородами, при спокойной работе разума проникает в относительность и бесполезность социальных идолов и политических привилегий. И здесь, познав истинную цену вещам, мудрец обесценивает их.

Скептицизм Ан. Франса не имеет ничего общего с тем легкомысленным развенчиванием всех ценностей и принципов, который часто становился забавой умственных снобов и насмешливых диллетантов конца века. У одних отрицание

было лишь маской, прикрывавшей духовную пустоту или презрительное равнодушие холодных и ограниченных натур. У других оно являлось следствием растраты душевных сил или результатом пресыщения жизнью.

Скептицизм Ан. Франса проистекает не от бессилия или недостатка, а от духовного избытка. Он — итог знания и размышления. Он рожден бесстрашной мыслью и силой разума.

Быть может, впоследствии историки скажут, что он был типичен для нашей эпохи, для рубежа двух столетий, отметивших высшую точку развития цивилизации, которую суждено было потрясти мировой войне и народным революциям. В наши дни, как и в эпоху падения античной цивилизации, наряду с утончением мысли, разрушались принципы, которыми веками жило и вдохновлялось человечество: религия, право, мораль — все переживало кризис, все теряло абсолютную ценность, превращалось во временное и относительное.

В Ан. Франсе увидят нового александрийца, с иронической усмешкой подводящего итог всем достижениям и всем сомнениям исчерпавшей себя многовековой культуры, лишенной великих общих идей, неспособной зажечь массы и предотвратить собственную гибель. И что, как не скептицизм, пристало веку, поклоняющемуся сомнению, изверившемуся в религиях и социальных утопиях, в возможности мира и благодетельности войны, в дарах науки и в обещаниях мистики?

Но если эту сторону психологии века и выразил Ан. Франс, то ведь в равной мере он воплотил в своих произведениях и другие элементы нашего времени: его жажду нового общественного строя, его беспокойные искания, его стремление к справедливости и борьбу против жестокости и неразумия.

Те окончательные выводы, к которым пришел Ан. Франс — шире и глубже обыкновенного скептицизма. Он достиг не только ясности понимания, но и благости всепрощения и радости бытия.

Как Марк Аврелий, он утверждал, что «философия приводит к милосердию», и вместе с Эпикуром воскликнул: «я всегда думал, что единственная разумная вещь — стремиться к наслаждению».

Для мудреца нет счастья — а есть лишь та душевная

ясность, которая знаменует внутренний мир и свободу (Лермонтовское: «в мире счастья нет, а есть покой и воля»). Мудрец снисходителен к людям, потому что знает человеческую природу. Нельзя от существа, подверженного слепоте или заблуждениям, осужденного на смерть, требовать слишком многого. «Ты человек, а не бог, ты плоть, а не ангел! И как можете вы сохранять всегда добродетель, когда ей изменили сами ангелы в небесах и первый человек в раю». Надо отдавать себе отчет в истинной и скудной мере нашей ограниченности и отказаться от смешной заносчивости. Это не «смирись, гордый человек» Достоевского, в котором скрыто признание божественного промысла и преклонение пред ним. Это попросту желание остаться в правильных пределах, уничтожение самообмана и самовозвеличения.

Но именно потому, что знает Франс слабость и беззащитность человека, выданного с головой природе с ее игрой инстинктов и неумолимым законом уничтожения — он сострадает людям и жалеет их. Не осуждать людей, а помогать им хочет он. «Дайте человечеству в качестве свидетелей и судий — иронию и сострадание», пишет он. Пусть ирония разоблачает ложь, а сострадание облегчает переносить правду.

С бесгневной улыбкой взирает автор «Садов Эпикура» на волнения жизни. Он достиг гармонической ясности духа. Он хочет быть не актером, а зрителем на жизненной сцене. И в то время, как на подмостках суетится пестрая толпа лицедеев, сыпятся удары картонных мечей, светит искусственная луна и нависают намалеванные облака — он спокойным взором следит за комедией и драмой, зная, что все — благо, и все — ничто.

«Я испытал различные способы жизни, говорит один из его героев, и думаю, что лучший из них — отдаваясь науке, спокойно наблюдать за изменчивыми судьбами людей и удлинять кратковременность нашего существования зрелищем веков и царств. Но тут нужны единство и преемственность».

Осуществляя этот идеал созерцательной благости, Франс неоднократно удалялся от него. Он знал страсти, и отдавался и любви, и ненависти.

Крепкой любовью любил он жизнь — в каждом бренном

ее проявлении, и в каждом миге ее, в котором запечатлевалась красота.

Эллинским восторгом наполнены его рассуждения о прекрасном; гармоническая линия храма и женского тела, краски природы или сочетания звуков, музыка стихов и ритм движения — вся пластическая, чувственная красота бытия и творчества была для него источником огромных наслаждений. Он, не задумываясь, ответил, что в выборе между истиной и красотой предпочел бы красоту. Самая смерть казалась ему менее страшной, если ее озаряла улыбка прекрасного. И он утешал себя, что когда земля оледенеет, все же остатки сицилианских храмов, замерзшие цветы и сплетенные тела влюбленных будут носиться вместе с ней в мировом пространстве, участвуя в ритме вечного движения.

Подобно Эпикуру, самым осязательным считал он именно чувственные удовольствия — и прославлял радость слуха, взоры и тела. Если он и не говорил, подобно греческому философу и его ученикам (Метродор), — «начало и корень всякого блага, это — удовольствие чрева» — то потому только, что признавал и более высокие и общие удовольствия — начиная от зрительных и слуховых и кончая эстетическим чувством и мыслью. Но все же именно наслаждение чувств почитал он крепкой основой блага и радости.

И в то же время он не мог остаться бездейственным собирателем наслаждений и гурманом мысли. Утонченный эстет, стремившийся к мудрому покою, не раз спускался в ту самую толпу, которая всегда составляла предмет его наблюдения или забавы, чтобы бороться и действовать. Ибо Франс умел и ненавидеть.

Он глубоко возмущался зрелищем тупой и злой глупости и наглой жестокости. Ирония — сестра справедливости на весах суждения. Во имя справедливости Ан. Франс участвовал в политических и социальных боях своего времени.

Когда дело Дрейфуса разделило всю Францию на два враждебных лагеря, он без колебаний принял в нем самое горячее участие рядом с Зола, который до той поры отнюдь не пользовался его расположением. Когда Зола был осужден за свое знаменитое »J'acc use«, Франс проехал с ним в коляске посреди ревущих толп, а в кулуарах Палаты Депутатов сказал неисто-

вым националистам Леону Додэ и Полю Деруледу: «имена ваши будут неизвестны в то время, когда имя Зола будет светить человечеству».

В последней части «Острова пингвинов» — сатирической истории Франции — Ан. Франс изобразил общий ход дела Дрейфуса; след его политических выступлений можно найти в его сборнике »Discours civiques« (Речи гражданина); четыре романа его «Современной истории» полностью раскрывают его социально-политические взгляды и рисуют картину французского общества третьей республики.

До конца жизни Франс состоял членом французской социалистической партии, неоднократно выступая в защиту достоинства и прав человека, против произвола властителей и преступлений хищничества.

В »Peuple« Вандервельде недавно рассказал, с какой глубокой сердечностью принял Франс его и Рубановича, когда они два года назад обратились к нему с просьбой поднять свой голос в защиту русских социалистов-революционеров. Как известно, Ан. Франс послал тогда советской власти свой протест против готовившегося во время московского процесса убийства членов Ц. К. партии с.-р.

«Пожалуй, одинаково дурно и мыслить, и действовать, говорил Ан. Франс, но в нем самом сила мысли не убила ни воли к деянию, ни любви к жизни. Это сочетание и придает теплую человечность всему облику Ан. Франса и делает столь близким и понятным его творчество.

В иронической философии Франса, несмотря на ее скептицизм, нет бесстрастия; в искусстве его, несмотря на сдержанность, нет холодности.

Друг парнассцев и Леконт де Лиля, Ан. Франс еще в раннем этюде об Альфреде де Виньи писал, что сила поэзии может быть в ясности и даже в покое. Так понимали ее эллины. «Лишь грубые умы, видящие страсть только в судорогах и ужимках, в которых она выражается у слабых, могут принять спокойствие поэта за бесстрастие».

Ан. Франс сдержан в выражении чувств: но до чего насыщены волнующим содержанием его простые и скупые, на вид невозмутимые фразы. Какую полноту переживаний вызывает какая-нибудь короткая фраза его лучших творений. Чита-

тели «Воли России» знакомы по отрывку «Мария Багратион» («В. Р.» 1924, № 1—2), с этим приемом художественной сжатости, составляющей одну из основных черт Франса.

Он рисует переживания своих героев немногими уверенными чертами, строго соблюдая экономию средств воздействия на читателя. Он скорее недоговорит, чем утомит романтическим многословием. То чувство меры и художественного самоограничения, которое господствовало в искусстве античного мира, в высшей степени было присуще французскому писателю. Неутомимый работник, знающий вес и красоту слова, он отделывал каждое выражение, стараясь придать ему возможно большую простоту и точность.

Недаром почитали его лучшим стилистом Франции: изящество и ясность его отточенного слога напоминают строгие линии совершенных созданий искусства. Те, кто читал Франса в подлиннике, знают гибкость его фразы, повинующейся всем оттенкам иронии и чувства, и выразительность ритмического строя его рассказов и новелл.

Он был поистине олицетворением латинского духа: в противоположность «сумрачному германскому гению» выражал он «острый галльский смысл» в форме безупречной, легкой и простой — служа светлой аполлоновой традиции «прекрасной ясности».

Духом ясности и духом свободы веет от творений Франса. Тот, кто блуждает с его вымышленными героями по садам Эпикура, кто следует за ним по лабиринту размышлений и бесед, полных классических цитат или вольных шуток — чувствует просторы бесстрашного разума, разрушающего предрассудки и авторитеты, обманы толп и площадей, идолов религии и фетишей недомыслия.

Творчество Франса — освобождает мысль и укрепляет дух. Оно — источник художественной радости и философской мудрости. Оно учит правде и состраданию. В нем двойная улыбка, — как сказал Пэнлеве, и если одна — ироническая и печальная — обращена к прошлому, то другая приветствует грядущее.

Франс жил и мыслил, как поэты и философы древности. Он — собрат тех мудрецов, которых с беспечальными и безрадостными лицами (faccia nè mesta nè lieta) Дант поместил

в Лимбе, а Рафаэль в Ватиканских фресках «Афинской школы» изобразил под солнечным небом Эллады, в беседе о земном и божественном у мраморных ступеней портиков.

Франс — один из вечных спутников человечества — и в блаженных Елисейских полях, к величавым теням Платона, Марка Аврелия, Эпикура и Сенеки присоединится теперь еще и тень великого французского поэта и художника.

Марк Слоним.

Политические заметки.

Экономисты Коминтерна или революционная астрология.

Несмотря на победные кличи и трубные звуки, которыми, по обыкновению, закончился V-ый «Мировой» Конгресс Коминтерна, всякий посторонний зритель, одолевший стенограммы бесконечных докладов и речей, тезисы революции, манифесты, не может не придти к следующим выводам:

1. «Мировая революция» окончательно проовалилась. Все «гениальные» прозрения Ленина бесжалостно опровергнуты действительностью.

2. Все до одной коммунистические партии, несмотря на непрерывную «чистку», обнаружили свое полное бессилие, полное непонимание поставленных им Москвой задач и одна за другой впали в оппортунистический грех.

3. Преемники Ленина на посту «вождей», севшие на мель «мировой революции», тщетно пытаются заново обосновать ее неизбежность в неопределенном будущем.

4. Ревизия ленинизма идет фактически по всей линии, вернее, по всем зигзагообразным линиям, по которым делится разношерный Коминтерн — от Зиновьева до Бухарина, от Бухарина до Радека, от Бордига до Шмераля и т. д.

5. Все, что осталось от Ленина в арсенале Коминтерна — это теория и практика диктатуры (непрерывно существующей), карманный кодекс несложных военных хитростей и — лучшее его творение — Зиновьев.

6. Все что осталось от Троцкого это — сочинение «Устава гражданской войны» и звонких манифестов для Коминтерна.

1. В поисках «осторожной» формулировки.

Обосновать неизбежность мировой революции «по Ленину» взялись Варга и Бухарин. Троцкого от этой задачи отстранили, за что пришлось расплачиваться ни в чем неповинным библиотекарям, санитарным врачам и прочим подневольным слушателям его заготовленных для другой аудитории докладов.

Уже на третьем Конгрессе Коминтерна была найдена каучу-

ковая формула, дающая возможность откладывать с года на год торжество коммунизма в Европе, Америке и Азии: «Капиталистическое общество переживает в настоящее время *период кризиса,* внутри которого, однако, продолжаются фазисы, характеризующие *обычный ход* капиталистического хозяйства, а именно смена высокой и низкой коньюнктуры».

Варга пытается теперь определить, что же такое этот «период кризиса». Чем собственнно он отличается от того периода, когда общего кризиса капитализма еще не было, а был лишь «обычный ход» капиталистического развития с его обычными кризисами, депрессиями и подъемами?

«Дать соответствующее определение нелегко» — признает Варга. Нужно подыскать «более осторожную формулировку процесса капиталистического распада», советует Бухарин, ибо «картина более пестрая, чем мы полагали раньше».

Вот эта «осторожная формулировка» Варги: «Периодом кризиса мы называем тот период в истории капитализма, когда противоречия капиталистического общества обостряются до того, что нарушается единство мирового капиталистического хозяйства, что производство перестает расти или же размер его понижается, что вследствие этого буржуазия не в состоянии повышать жизненный уровень пролетариата и благодаря этому создаются объективные условия для победоносной борьбы пролетариата за власть». (Доклад Варги на V съезде).

В настоящее время, признает Варга, вот уже около трех лет наблюдается некоторое улучшение мирового хозяйства. «Мы находимся в периоде «высокой коньюнктуры», но за ним наступит неизбежное ухудшение, и кризис вновь примет острые формы «по всей вероятности уже в текущем 1924 году».

Бухарин и Варга очень настаивают на том, что их определение теперешней стадии мирового капиталистического развития резко отличается от социалистической точки зрения, что оно составляет даже один из основных пунктов разногласий между Коминтерном и «предательским» вторым Интернационалом.

Это им нужно для того, чтобы маскировать свою собственную теоретическую капитуляцию.

В самом деле, разве спор идет о том, создаются или не создаются в настоящее время благоприятные условия для борьбы рабочего класса за власть?

Наследники Ленина должны доказать, что послевоенный хозяйственный кризис должен неизбежно привести к революционным потрясениям в «мировом масштабе», что в главнейших капиталистических государствах становятся неизбежными, необходимыми или хотя бы только возможными вооруженные восстания, гражданская война и переворот под руководством мировой коммунистической партии.

Дело совсем не в том, что положение «оказалось более пестрым» и «темп — более медленными», чем большевики полагали в 1917—1918 годах. Тогдашние ленинские фантазии, несмотря на их полную нелепость, несмотря на поистине чудовищное незнание и непонимание европейской действительности, все же имели некоторую видимость оснований. Ленин надеялся на «превращение империалистической войны в войну гражданскую»; ему казалось, что миллионы людей, вооруженные для взаимного истребления, не могут не воспользоваться столь благоприятным случаем для того, чтобы перкратить войну, «свергнуть» и «подавить» буржуазию. Это убеждение было связано с его чрезвычайно упрощенным взглядом на «государство и революцию», согласно которому для торжества социализма достаточно «разоружить буржуазию и вооружить пролетариат», при условии, что этот последний знаком с четырьмя правилами арифметики, необходимыми для организации «учета и контроля».

Оно покоилось также на вере в заразительность примера, в магическую силу декретов «советского правительства» и его разоблачений «измены» европейских рабочих вождей.

Видя, с какой легкостью деморализованные солдатские толпы переходят к большевикам в России, Ленин вообразил, что то же самое возможно в Европе. По свидетельству Зиновьева и Троцкого, он был искренне(?) уверен в торжестве социализма «через шесть месяцев».

Но европейская война нигде, за исключением России, не превратилась в войну гражданскую; миллионы солдат сдали оружие и разошлись по домам; новые сотни тысяч стали под знамена и несут обычную службу, согласно законам своих стран, коституции и мирным договорам. «Благоприятный случай» был упущен повсюду. Коммунистические «путчи» в Германии были без труда ликвидированы, как и венгерская «советская республика».

Теперь, через семь лет, смешно говорить, что «ошибочка вышла» лишь в *темпе* революции, развивающейся «не так быстро», как предполагал Ленин. Еще смешнее утешаться, подобно Зиновьеву, тем, что революция, как никак, свергла трех императоров (как будто бы речь шла об *этой* революции) и укрепилась» на одной шестой земного шара».

Никто не сомневается в том, что положение Европы и всего мира в настоящее время глубоко ненормально. Но все же оно коренным образом отличается от 1917 года и теперь необходимо *заново* обосновать неизбежность «мировой революции», т. е. гражданской войны и захвата власти коммунистами.

Удалось ли это сделать Бухарину и Варге?

2. О том, как Варга похоронил капитализм.

Прежде всего Варга делает одну важную оговорку. «Современное мировое хозяйство, говорит он, распадается на две, во многом отличные части. С одной стороны, Америка и английские колонии, *где капитализм еще развивается,* с другой стороны, Европа, капитализм которой переживает кризис».

Отсюда следует, по меньшей мере, что говорить о «*мировой* революции» пока преждевременно. Посмотрим, в каком положении европейская революция.

На положение Европы Варга и Бухарин смотрят, разумеется, чрезвычайно мрачно. Они приводят в своих докладах (Бухарин еще на 13-м партийном съезде) колонки цифр, долженствующих показать, что производство «перестает расти или понижается», что положение пролетариата ухудшается или не улучшается, что, одним словом, буржуазно-капиталистические отношения окончательно затормозили развитие производительных сил и социальный прогресс.

В сельском хозяйстве — обрабатываемая площадь в мировом масштабе «все еще ниже уровня 1913 года». По данным 1922 г. она была ниже на 17 процентов (пшеница).

Добыча угля «едва достигает довоенного уровня». Производство железа и стали «отстает от довоенного». В Англии из 457 доменных печей «в начале текущего года работали лишь 194», а в Соединенных Штатах из 425 в мае работало 230 и т. д.

Однако, эти цифры сами по себе ничего не говорят. Нужно знать, растет производство или стоит на месте и каковы причины, препятствующие его росту или замедляющие его.

Присмотримся поближе к цифрам.

Мировое производство чугуна

в тысячах английских тонн.*)

1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
77.182	34.700	51.938	54.580

Мировое производство стали.

1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
75.019	42.487	63.098	72.573

Мы видим, что после кризиса 1920 - 1921 годов мировое производство быстро вновь поднялось и значительно приблизилось к до-военному.

*) См. »The Economist« февраль 1924 г. стр. 349.

При этом нужно иметь в виду, что мировое производство железа и стали к концу войны (1917) повысилось приблизительно на 10% по сравнению с 1913 г. и что после временной заминки, последовавшей за окончанием военных действий, когда оно упало до 80 процентов, в 1920 году, в начале кризиса оно вновь достигло (как и призводство угля) почти тех же размеров, что в 1913 году (95% приблизительно) *).

Проследим развитие производства из года в год в различных государствах.

Среднее месячное производство стали в главнейших государствах

(в тысячах метрических тонн)**)

Год	Англия	Бельгия	Франция	Саарский округ	Германия	Люксембург	Швеция	Канада	Соед. Штаты
1913	649	205	396	172	1,412	101	62	88	2,564
1918	812	1	151	—	1,176	73	53	142	3,645
1920	768	104	246	—	643	50	41	94	3,461
1921	314	66	255	—	750	63	19	57	1,628
1922	494	130	373	105	762	116	29	41	2,927
1923	719	190	415	83	417	100	25	75	3,682
1924									
январ	701	231	541	117	—	147	49	42	3,692
феврал	780	226	555	114	—	151	48	72	3,870
март	838	241	573	138	—	156	46	96	4,255
апрѣл	723	241	567	—	—	157	48	106	3,387
май	823	251	599	—	—	152	—	110	2,670
июнь	663	—	—	—	—	—	—	—	2,075
июль	704	—	—	—	—	—	—	—	1,890

Мы видим, что месячная выработка, упав в год кризиса (после предшествовавшего ему подъема 1919 г.) вновь непрерывно растет.

Всего было произведено в Англии в 1913 году 7.660.000 тонн стали, в 1923 г. — 8.488.900, тогда как производство чугуна упало с 10 миллионов тонн до 7.438.500.

Соединенные Штаты за это же десятилетие подняли свое производство стали с 31 миллиона тонн до 44.

Производство Германии пало, но за его счет выросло производство Франции, вследствие присиоединения к ней Эльзаса и Лотарингии. Франция в настоящее время производит столько же, сколько до войны, но когда будут закончены все восстановительные работы, она сможет, по свидетельству г. Роберта Пино, глав-

*) См. L'Enquete sur la production Международное Бюро Труда т. II. стр. 911.

**) »The Economist«, август 1924.

ного деятеля Comité des forges производить вдвое больше, т. е. около 10 миллионов тонн чугуна и столько же стали *).

В таком же положении находится добыча каменного угля!

Среднее месячное производство каменного угля
(в тысячах метрических тонн)**)

Год	Англия	Бельгия	Чехо-словакия	Франция	Германия	Соед. Штаты
1913	24,336	1,904	1,189	3,404	15,842	43,087
1918	19,383	1,158	—	2.188	13,376	51,272
1920	19,434	1,866	928	2,890	8,960	48,811
1921	13,822	1,816	971	3,213	9,491	38,282
1922	21,133	1,770	826	3,596	9,929	34,821
1923	23,450	1,910	969	3,981	2,341	49,268
1924						
январ	23,787	2,183	1,399	4,928	3,300	53,628
феврал	24,283	2,112	1,366	4,807	3,356	48,394
март	24,617	2,108	1,372	5,017	3,571	43,566
апрел	22,960	2,049	1.215	4,765	2,369	32,956
май	24,313	1,999	1,190	4,865	1,312	35,363
июнь	19,636	—	962	—	1,775	34,610
июль	19,693	1.748	—	—	—	—

Г. Варга признает, конечно, наличность «улучшения» и «консолидации». Но он отмахивается от этих цифр довольно наивным способом. Он говорит:

В *1923* году, считающемся справедливо *лучшим послевоенным годом* мировое производство *все еще не достигло* уровня 1913 года. Сравнивать же 1922—23 годы с 1920—21 годами и заключить отсюда об оздоровлении мирового хозяйства вообще *неправильно*. Дело в том, что 1920—21 годы представляют собою фазис низкой конюнктуры в общем периоде кризиса в то время, как 1922 и в особенности 1923 год — фазис высокой коньюнктуры. Сравнивать же можно лишь одинаковые фазисы.

Но, во-первых, с равным правом можно сказать, что «низкая коньюнктура» не означает ухудшения, ибо нельзя сравнивать ее с предшествующей высокой. Во-вторых, согласно этой теории, каждый последующий «фазис» должен отличаться от предыдущего равнозначущего фазиса резким понижением: высокий фазис № 2 должен быть ниже высокого фазиса № 1, низкий № 4 ниже низкого № 3 и т. д. Этим, повидимому, «период кризиса» и должен отличаться от периода «нормального развития» капитализма и от сопровождающих его обычных кризисов и депрессий.

*) Gaetan Pirou. La physionomie economique de la France d'apres guerre. Revue des Etudes cooperatives стр. 131.

**) »The Economist«, август 1924.

Но, ведь это основное отличие, самый факт непрерывного падения, «регрессивного развития» капиталистического общества, («ползучий кризис», по выражению Бухарина) еще лишь требуется доказать. Варга просто постулирует его, не доказывая, да и не может доказать по той простой причине, что у него нет еще в распоряжении достаточного количества «фазисов» для сравнения. А те, которые есть, не говорят в его пользу, ибо, если, например, мировое производство железа и стали (которым он оперирует) в 1923 году отстает еще от 1913 года, то оно приблизительно равно выработке — 1919—1920 года, т. е. года предыдущей «высокой коньюнктуры», высокого фазиса № 1.

Замечательнее всего, что Варга и Бухарин приговаривают к смерти капиталистический строй на том основании, что производство стали на каких нибудь 10% отстает от довоенного, в то время, как в России за те же семь лет металлическая промышленность с трудом достигла одной пятой довоенной выработки, а вся промышленность вообще — приблизительно одной трети.

* * *

Как было сказано выше, необходимо знать *причины*, препятствующие росту производства или замедляющие его. Нужно знать, в частности, в состоянии ли человечество поглотить в настоящий момент большее количество товаров, чем накануне войны. Я, конечно, не имею в виду исследовать здесь этот вопрос.

Но вот два - три примера.

Бухарин для доказательства приближающейся гибели капитализма приводит, между прочим, тот факт, что в настоящее время строят меньше кораблей, чем до войны. Верно, меньше. Но в 1914 тонаж мирового торгового флота (морские пароходы, сделанные из железа и стали) равнялся 23.637.000 тоннам, а в 1924 г., согласно данных британского Ллойда, он достиг 57.530.000 тонн. Английский флот увеличился на 40.000 тонн, флот английских колоний на 800 тысяч, а американских на 9 миллионов! Понятно, что судостроение несколько замедлилось после того, как флот в течение десяти лет почти удвоился.

Другой пример. Россия ввозила до войны на три с половиной миллиарда франков в год товаров. В 1919 г. она ввезла всего на 605 тысяч рублей, т. е. 1/2273 часть своего нормального ввоза, в 1920 — одну пятидесятую, а в 1922 — одну пятую, а если принимать во внимание не стоимость, а количество ввезенных товаров, то 13 процентов*). Самой крупной сотсавной частью ее ввоза являлись металлы и металлические изделия, каменный уголь и

*) L'enquète sur la Production. Изд.Международ. Бюро Труда т. III р: 469;

производные. В 1913 г. Россия ввезла на 942 миллиона франков металлов и металлических изделий (55 миллионов пудов).

Европейская и американская металлургическая промышленность, снабжавшая Россию, была бы, разумеется, в состоянии снабжать ее и теперь ясно, что соответствующее отсутствию русского рынка, сокращение производства нельзя ни в коем случае относить на счет «кризиса капиталистической системы».

Возобновление торговых сношений с Россией должно, конечно, отразиться на росте европейского производства. Мы не верим в возможность восстановления русской внешней торговли в прежнем объеме при господстве теперешнего режима, но, ведь, Варга и Бухарин обязаны верить. А Красин и Раковский прямо говорят англичанам, что русские заказы сократят безработицу в Англии и, следовательно, помогут английскому капитализму преодолеть кризис.

Но экономисты коминтерна на такие пустячные противоречия не обращают внимания. Варга утверждает, например, что в Европе не происходит накопление капиталов. Где искать данных? Разумеется, в статистике сберегательных касс, банковских вкладов, выпуска ценных бумаг. Но, зная, что эти данные опровергают его тезис, Варга заявляет, что «в настоящее время метод этот вряд ли применим, вследствие обесценения денег».

Конечно, в странах с низкой валютой это соображение имеет силу, хотя и там теперь считают на золото. Но, в странах высокой валюты? В Англии, например, за 6 месяцев 1924 г. было выпущено ценных бумаг на 105½ миллионов фунтов стерлингов; в 1923 — на 181 миллион, а в 1913 — на 120 миллионов. Из тех капиталов, которые дал в текущем году лондонский рынок, 44 миллиона осталось в Англии, 83 пошло в колонии и 23 заграницу *).

Когда нужно доказать русским или европейским рабочим, что капиталисты должны обязательно дать денег советскому правительству, все большевики от Красина до Зиновьева уверяют, что в Европе капиталов девать некуда, и данные о сбережениях и выпуске ценных бумаг оказываются тогда вполне пригодными.

Когда же Варге нужно доказать, что в беднейшей и разоряющейся Европе капиталы не накапливаются, то он в поисках аргументов обращается к строительной промышленности.

«Все вы знаете, говорит он в своем докладе, что во всех европейских странах существует острый жилищный кризис и что капитализм до сих пор не был в состоянии устранить его. Это показывает, что капитализм не в состоянии накопить достаточных для этого капиталов». (Доклад Варги, «Правда» 21 июня).

«Это показывает» только то, что Варга ничего не знает о

*) Данные взяты в »The Economist« и в »Moniteur des interêts materiels«.

причинах жилищного кризиса и рассуждает о вещах, о которых не имеет понятия. Чем объясняется недостаток домов в Европе? Во-первых, во время войны строили очень мало, не говоря уже о том, что во Франции было уничтожено 280 тысяч домов и повреждено 400 тысяч, в Бельгии около 180 тысяч, а в Польше около полумиллиона и т. д. Далее, число браков после войны значительно увеличилось, как это всегда бывает, во всех странах. Кроме того территориальные изменения привели к образованию новых столиц и крупных городских центров.

На ряду с этим почти во всех странах до сих пор еще действуют, с теми или иными изменениями, законы, охраняющие квартиронанимателей, благодаря которым квартирная плата осталась приблизительно на уровне довоенного времени. Капитал долгое время не шел и до сих пор в некоторых странах идет с трудом в строительную промышленность, ибо *это ему не выгодно.* Ограничения, действующие для старых домов, отражаются и на новых постройках, ибо большинство квартиронанимателей — служащих и рабочих — не в состоянии платить повышенную плату, которая окупила бы затраты собственника.

Капитал, обычно направлявшийся в строительство, ищет себе другого применения*).

А Варга и Бухарин воображают, что причина застоя в строительной промышленности — отсутствие капиталов, прекращение капиталистического накопления! Они указывают при этом на Соединенные Штаты, где, как вынужден признать это и Варга, капитализм еще развивается и где действительно строительная деятельность, в противоположность Европе, сильно развилась после войны. Но, нисколько не умаляя значения общего промышленного подъема в Соединенных Штатах, необходимо отметить, что там как раз *отсутствуют законы об охране квартиронанимателей.*

Известное оживление в этой области начинается уже, впрочем, и в некоторых европейских странах. Частный капитал кое где начинает проникать в строительную промышленность, и, с другой стороны, борьба с жилищным кризисом уже ведется по всему фронту государством, муниципалитетом и самим населением. Всем известен грандиозный строительный план английского рабочего правительства, согласно которому городские самоуправления с помощью государства должны будут выстроить два с половиной миллиона домов и обеспечить, таким образом, каждой рабочей семье здоровое, достаточно просторное, комфортабельное и дешевое жилище. В других странах, в Бельгии, например, государство поощряет общественную самодеятельность, поддерживая строительные кооперативы.

---

*) См. Les problemes du logement en Europe depuis la guerre. Изд. Международного Труда 1924 г. стр: 534.

Если человечество все еще беднее, чем до войны (поскольку понизилась покупательная способность России, Германии и некоторых других стран, где население вынуждено сокращать свое потребление), если мировое производство растет еще не достаточно быстро, то во всяком случае можно считать доказанным на основании шестилетнего опыта, что оно может расти и без коммунистических переворотов и гражданской войны.

Капиталистическое накопление происходит сравнительно медленно. Оно отстает даже от потребностей производства и в упомянутой уже выше анкете Международного Бюро Труда можно найти ряд жалоб представителей промышленности различных европейских стран на недостаток и на дороговизну капиталов*). Тем не менее, оно совершается гораздо быстрее, чем «коммунистическое накопление» г-на Рыкова, и большевики лишь подтверждают эту истину, пытаясь заключить заем у европейских капиталистов.

* * *

На пятом конгрессе выяснилось, что кое кто из приверженцев Коминтерна начинает уже относиться критически к экономическим и революционным фантазиям московских вождей.

Так, Бухарин в своей речи на съезде чрезвычайно возмущался какими-то французскими и немецкими коммунистами, которые осмелились утверждать, что производительные силы капиталистической Европы не только не разрушаются, но растут и что они особенно выросли за время войны. Как, патетически восклицает Бухарин, а миллионы убитых, а колоссальные разрушения и т. д.?

Однако, как это ни звучит парадоксально для людей, незнакомых с предметом, война действительно наряду с разрушениями сильно двинула вперед в ряде стран дело технического и промышленного прогресса, который продолжается и в настоящее время. Возьмем, например, наиболее пострадавшую от непосредственных разрушений страну — Францию. Война разрушила северные, наиболее промышленные провинции Франции, где производилось 64% французского чугуна, 60% стали , 63% паровозов, около 70% текстиля. Ко дню перемирия 22.900 промышленных предприятий были совершенно уничтожены. Однако, уже к концу 1922 года было восстановлено 80% этих предприятий, а к концу текущего года будут, по всей вероятности, восстановлены все сто процентов**).

При этом нужно иметь в виду, что при восстановлении фабрик, заводов, угольных копей вводятся все самые последние тех-

*) Enquète sur la production, том III, глава III. La crise des capitaux.
**) См. Gaetan Pirou. »La physionomie economique de la France après guerre.

нические усовершенствования, вместо старых разрушенных и испорченных машин приобретаются новейшие модели. Уже во время войны в английской горной промышленности были введены чрезвычайно важные технические улучшения, давшие возможность значительно поднять производство. Подобные же усовершенствования вводятся после окончания войны повсюду в Бельгии и Франции (механическое бурение, применение взрывчатых веществ и т. д.) и уже теперь выработка некоторых шахт выше, чем до войны, несмотря на сокращенный рабочий день.

В Анкете о производстве приводится ряд интереснейших данных о росте машинизма и повышении производительности труда в Англии, Голландии, Швеции, Южной Африке *). Что касается Соединенных Штатов, то известно заявление Гувера (8 мая 1923 г.), что американская промышленность, благодаря применению новых машин, в состоянии «обеспечить каждому гражданину то же количество продуктов, что и перед войной, сократив на 2 миллиона число занятых их изготовлением рабочих» **).

Электрификация Европы и Америки подвигается вперед тоже гораздо быстрее, чем ленинская электро-мистификация России. Электрические силовые станции (использующие «белый уголь» — водную энергию), установленные с 1919 по 1922 год, дали Франции 600 тысяч лошадиных сил а к началу 1925 года закончатся постройки новых станций, которые даудт еще 300 тысяч, доведя до пяти миллионов лошадиных сил водно-электрическую энергию страны (из потенциальных 8 миллионов)***). В Германии наблюдается то же явление: в 1913 году ее электрическая энергия равнялась 1.444.158 киловатам, а в 1922-ом г. уже 2.978.589†)

В Германии фабрики и заводы не пострадали непосредственно от военных действий. Но техническое оборудование их сильно износилось вследствие напряженной работы на оборону. Однако за последние шесть лет были произведены государством и промышленниками значительные работы по расширению, обновлению и усовершенствованию технического аппарата страны. Интересно что бумажная инфляция благоприятствовала этому по крайней мере первое время, побуждая капиталистов помещать свои деньги в постройки и затрачивать большие суммы на расширение постоянного капитала в земледелии и промышленности. Она освобождала вместе с тем, их недвижимую собственность от ипотечной задолженности, а в течении некоторого времени фактически освобождала их и от платежа налогов, так как налоговые ставки не поспевали за падением курса марки. Расширение и улучшение портов, громадные гидро-электрические сооружения, вроде, станций Inn

*) L'Enquète. том III, гл. 2, стр. 114—116.
**) Там же.
***) La Phisionomie économique etc.
†) »The Economist» № от 7 июня.

и Schwarzenbach для электрофикации баварских и баденских железных дорог; развитие речной сети, проведение новых каналов, как, например, каналы Рейн—Майн—Дунай или Некар—Дунай; значительные железнодорожные работы (расширение станций и постройка новых вокзалов) — таковы до сих пор результаты восстановительной деятельности германского государства. Их констатирует, между прочим, доклад Комиссии Экспертов ген. Даусса*).

В 1913 г. Германия имела 27.940 локомотивов, 62.050 пассажирских вагонов и 657.150 товарных. В 1924 г. она имеет 30.850 локомотивов, 69.253 пассажирских и 745.753 товарных вагонов. И это несмотря на то, что ее территория сократилась с 540 до 480 тысяч квадратных километров и после того, как по условиям перемирия она вынуждена была отдать победителю громадное количество железнодорожного материала.

Уже эти примеры показывают, что французские и немецкие коммунисты не так уже не правы, говоря, что производительные силы капиталистичской Европы выросли и растут . . .

«Развращенный» пролетариат и трягедия Бухарина.

Но, ведь, говорят нам Варга и Бухарин, в Европе свирепствует безработица, в Англии миллион безработных, в Германии 300 тысяч, в Америке тоже снова «начинается». Кроме того, уровень жизни рабочих понижается; в капиталистической каторге, не в пример российскому комраю, рабочие подвергаются чудовищной эксплоатации и, поэтому, близок час, когда доведенные до отчаяния ребочие массы подымутся, разнесут вдребезги капиталистическое хозяйство и посадят себе на шею верных последователей Зиновьева.

Безработица, конечно, в Европе, как и в Советской России, — факт. Правда, есть ряд стран, которые ее почти не знают. Такова, например, Франция, где, наоборот, не хватает рабочих рук и где работают два миллиона иностранцев; такова Бельгия; таковой была до начала 1923 года Германия. Но в Англии, Швеции, Дании, Голландии, Италии, Чехословакии безработица в большем или меньшем размере не прекращается с 1921-го года.

Однако, и тут для того, чтобы решить, является ли она революционным, в коммунистическом смысле, фактором, нужно посмотреть 1) растет безработица или уменьшается; 2) каковы ее причины; 3) что делает государство для поддержки безработных.

Для коммунистов безработица, конечно, клад. Радек на конгрессе Коминтерна прямо заявил: «там, где сокращается безрабо-

*) См. также анкету, произведенную в Германии известным и хорошо осведомленным итальянским журналистом Luciano Magrini в »Corrière della Sera« 26 августа и след.

тица, там уменьшаются наши голоса». («Правда» 24 июня). Однако, там, где она растет, могут ли они рассчитывать на что либо иное, кроме увеличения числа голосов, подаваемых на выборах за коммунистических депутатов? Пример Германии показывает, что не могут.

Весь фантастический план германского коммунистического переворота в октябре прошлого года покоился на росте националистических настроений и на колоссальном росте безработицы, начавшемся весной в результате рурской оккупации, политики кабинета Куно и валютной катастрофы. Летом 1922 года число безработных в Германии составляло всего шесть десятых процента всего организованного в профессиональные союзы пролетариата. В марте 1923 г. их было уже 340 тысяч (5.6 процента), а в декабре — 1.304.000 (28%). Но начиная с января, положение начинает улучшаться и в мае 1924 г. число безработных снова упало до 317.425 (8.6%)*). За четыре месяца оно сократилось в четыре раза. Коммунистический переворот, как известно, в Германии не произошел, а совершающаяся теперь «консолидация», по собственному признанию «вождей» грозит лишить их голосов на ближайших выборах.

В других странах сами коммунисты еще ни разу не думали серьезно о переворотах, несмотря на безработицу. В Дании и Швеции, например, она захватывала одно время до 20% организованного пролетариата, в Голландии до 17%. Из речей голландских и шведских делегатов (датских, если не ошибаюсь, совсем не было) на съезде Коминтерна видно, какую жалкую роль играет в этих странах коммунистическое движение, если можно назвать этим именем численно ничтожные секты, разъедаемые внутренними раздорами.

В Англии длительная и упорная безработица сокращается чрезвычайно медленно и является одним из труднейших вопросов всей английской политики. Однако, и она сокращается. С 17% в 1921 г. число безработных упало до 12% в 1922, до 11% в 1923 г., а с января 1924 г. (рабочее правительство) по июнь она вновь сократилась с 11,9% до 9.4%**). Все же безработных в Англии около одного миллиона. Но бухаринской «мировой революции» от этого не легче. Государство тратит громадные суммы на их поддержку и положение их несравненно лучше, чем положение русских безработных и, пожалуй, некоторых категорий, занятых в промышленности рабочих. Если под давлением безработицы англичане хотят теперь сближения с Россией, *то отнюдь не для того, чтобы заимствовать у большевиков их способы борьбы с капитализмом, а для того, чтобы найти рынок для английских изделий,*

*) La Revue Internationale du travail. Август 1924 г.
**) »The Economist«, август 1924.

дать возможность английским капиталистам пустить в ход свои фабрики и сократить безработицу. Английские рабочие прекрасно понимают, что коммунистический переворот (самая мысль о котором в Англии может вызвать только улыбку), диктатура и гражданская война не могут открыть новые рынки для английской промышленности, что они повлекли бы за собой, наоборот, (как это признает и Бухарин) разрушение производительных сил, сокращение производства, а следовательно и рост безработицы. Английский и вообще европейский промышленный пролетариат достаточно сознателен и рассудителен, чтобы избегнуть этих бухаринских «издержек революции», достаточно организован, чтобы парализовать авантюры коммунистического меньшинства, поскольку эти авантюры вообще возможны, что представляется все более и более сомнительным, как увидим ниже.

Нужно, наконец, иметь в виду, что хотя безработица является серьезным симптомом хозяйственного положения страны и, в частности, положения пролетариата, она все таки его не исчерпывает. Ведь наряду с девятью процентами безработных в английской промышленности заняты остальные 91% рабочих, настроения и сознательная воля которых являются решающими.

То же и в других странах. Каково же положение этой основной многомиллионной массы — подавляющего большинства фабричного пролетариата? Таково ли оно, что можно ожидать с часу на час вспышек отчаяния, бунтов, революционных потрясений, которыми могли бы воспользоваться коммунисты?

Русские читатели бухаринских и зиновьевских писаний и русские рабочие должны прежде всего дать себе отчет в том, что когда русский и англичанин (француз, немец и т. д.) говорят одно и то же, это совсем не всегда — одно и то же. Г. Преображенский, побывав в Англии, понял это. В своих статьях, напечатанных в «Правде», он вынужден был признать, что оффициальное агентство «Роста» и присяжные информаторы большевистских казенных газет бесжалостно лгут о положении в Англии. Достаточно было кратковременного, поверхностного, но *непосредственного* наблюдения жизни английских рабочих, чтобы убедить советского делегата, что все ходячие большевистские формулы и схемы совершенно неприложимы к английской действительности и что совершенно напрасно в каждой стачке видеть революционное, в российском смысле, событие, а в демонстрациях — начало гражданской войны.

Как это ни странно, но несмотря на громадную политическую эмиграцию, знание и, в особенности, *понимание* европейского рабочего движения было мало распространено в русских революционных кругах и в прошлом, т. е. — до 1917 года. Его знали по книжкам, по полемическим статьям, смотрели на него сквозь призму российского подполья. И не раз российские «революцион-

ные пролетарии» по большей части — выходцы из дворянской, буржуазной или мещанской среды, интеллигенты, привыкшие к тюремной и нелегальной жизни, испытывали — задолго до Преображенского — чувство недоумения, сталкиваясь с чуждым им рабочим миром Западной Европы (а тем более Америки) с повседневной жизнью, с «бытом» и методами борьбы подлинного пролетариата передовых промышленных стран.

Им эта жизнь и эта борьба казалась верхом «мелко-буржуазности», жалким земным прозябанием, без революционного вдохновения, без бурь. Подумать только, что немецкий или английский рабочий мог тратить время и энергию на украшение своего жилища на возделывание садика, на спорт, вместо того, чтобы каждую минуту двигать вперед «мировую революцию»! У большевиков это отчуждение «профессиональных революционеров» от европейского рабочего движения приняло чудовищные, уродливые формы. Отсюда их курьезные поиски «подлинных» рабочих — в наиболее отсталых слоях пролетариата. Русский рабочий, со своей стороны, невольно склонен судить о жизни и борьбе европейского пролетариата по своему собственному недавнему прошлому. Слова — «эксплоатация», «гнет», «капиатлистическая каторга», «революционная стачка», «уличная манифестцаия» вызывают в его воображении картины поистине *каторжной* жизни и подлинно *кровавых* битв при царе: тяжелый, изнурительный труд, нищенская плата, полное бесправие, самодержавная хозяйская власть, свирепые подавления стачек . . .

Но ведь ничего подобного европейский рабочий класс не знает уже более полустолетия. Нужно твердо запомнить, что условия жизни и труда в капиталистических странах Запада уже *до войны* были несравненно лучше, чем в России. А в настоящее время они повсюду, вне сомнения, значительно лучше, чем до войны.

Завоевания рабочего класса, которые на зиновьевско-бухаринский масштаб не стоят медного гроша, призвели за последнее десятилетие подлинную *революцию* в быте, в уровне жизни, в условиях труда европейского пролетариата. Это факт неоспоримый, и все, кто имел возможность наблюдать жизнь европейских рабочих, его подтверждают. Статистические таблицы не дают об этом никакого понятия. Таблицы движения заработной платы говорят, например, о том, что в большинстве европейских стран *реальная заработная плата* держится приблизительно на том же уровне, что и до войны: одно время она несколько превышала его в той или другой стране, а в Германии упала теперь ниже этого уровня. Однако, в действительности, и если исключить Германию, где рабочий класс не успел еще оправиться от голодных лет блокады, громадное большинство рабочих зарабатывает больше и живет лучше, чем перед войной. Во-первых, повсюду, как

общее правило, введен 8-часовый рабочий день. Во-вторых, больше всего поднялась реальная заработная плата *неквалифицированных и мало квалифицированных,* что отмечает и статистика: их уровень жизни приблизился к уровню жизни квалифицированных рабочих. В третьих, серьезно повысилась зарплата женщин и подростков. В четвертых, квартирная плата осталась на старом, довоенном уровне и составляет теперь гораздо меньшую относительно часть рабочего бюджета, чем раньше.

В уже цитированной выше книге о жилищном вопросе мы находим следующую таблицу, показывающую, насколько сократилась эта статья расходов рабочей семьи*).

Процентное отношение квартирной платы в рабочем бюджете.

	До войны	1920 г.	1923 г.
Соед. Штаты	18.10%	—	18·05%
Англия	16.—%	7.40%	13.07%
Франция	12.—%	3.52%	7.20%
Италия	11.—%	2.79%	4.94 %
Германия	18.—%	—	0.34%
Австрия	14.—%	—	0.66%

В пятых нужно принимать во внимание, заработок *семьи,* а не индивидуальный заработок рабочего и в этом отношении положение лучше потому, что заработок женщин и подростков повысился. Наконец, нельзя игнорировать роль кооперативов и других способов рабочей «самообороны» против дороговизны.

Мне приходилось довольно близко наблюдать условия жизни рабочих в Италии, Франции, Англии, Бельгии и отчасти Германии, а также подробно расспрашивать представителей профессионального движения этих и других стран. Все, независимо от политических убеждений, социалисты и коммунисты, признают факт громадного улучшения. Возьмем, например, Бельгию. Здесь шахтеры зарабатывают при 8 часовом рабочем дне от 25 до 35 (чернорабочие) и 40 (бурильщики, плотники, ставящие в шахтах деревянные крепы и т. д.) франков в день, т. е. от 800 до 1000 франков в месяц. За квартиру (большей частью отдельный домик) они платят около 50 франков в месяц. Рабочая семья в 4 человека каждый день употребляет в пищу один килограмм мяса, овощи с собственного огорода, 1 килограмм (а то и больше) хлеба, 3—4 литра пива и т. д. Бельгийские шахтеры имеют возможность при этом откладывать на черный день, строить на сбереженные деньги собственные домики.

Я не говорю уже о мощи профессиональных союзов, о громадном развитии касс взаимопомощи и кооперативов, о рабочем

*) Le Problème du logement en Europe depuis la guerre.

страховании жизни (La prevoyance sociale) и от от несчастных случаев, о государственном страховании.

Я не говорю о спортивных и музыкальных обществах, о прекрасных больницах и домах отдыха (морские купания и собственный замок в Арденнах), принадлежащих рабочим кассам взаимопомощи, о великолепных народных дворцах, выстроенных на взносы рабочих и на доходы от рабочих кооперативов. Вряд ли что либо подобное снилось шахтерам Донбасса, несмотря на «экспроприацию» буржуазии и конфискацию барских особняков.

Прядильщики и ткачи округа Вервье или Гента зарабатывают от 600 до 800 фр. в месяц, металлисты приблизительно столько же. Нужно видеть, как они одеваются и как живут, нужно посетить рабочие квартиры, чтобы понять, какую цену имеют для них завоевания истекшего десятилетия, завоевания, которыми они обязаны исключительно своим союзам и своей партии, «желтым», по идиотскому определению большевиков, союзам и «предательской» партии. Известный бельгийский социалист Девинн — в подготовленной им к печати книге об индустрии города Гента приводит интереснейшие данные, частью опубликованные в »Le Peuple« показывающие рост реальной зарплаты прядильщиков и ткачей по сравнению с 1914 годом и общее улучшение их положения.

Таково же положение французских рабочих. Таково было положение итальянских рабочих до захвата власти фашистами. Таково положение в Англии. Что касается Америки, то там в некоторых категориях и «по статистике» реальная заработная плата выше до-военной. За последние два года заработная плата так поднялась, что вызвала усиленное бегство фермеров в города*), так как, вследствие аграрного кризиса, выгоднее наняться на работу в городе, чем арендовать участок земли.

Простой (неквалифицированный) рабочий на автомобильной фабрике Форда получает 6 долларов в день. В Нью-Йорке хороший каменщик зарабатывает в текущем году от 12 до 18 долларов в день**), маляр 15 долларов. В 1914 году 6.896.190 рабочих заработали 4 миллиарда 87 миллионов долларов, а в 1921 — 6.946.564 рабочих (т. е. почти то же число) заработали вдвое больше — 8 миллиардов 200 миллинов.

В общем, нужно сказать, что уровень жизни европейского пролетариата приблизился к уровню жизни так называемых промежу-

*) Бухарин и Варга видят в этом бегстве чрезвычайно тревожный для Америки признак и совершенно серьезно надеются, что аграрный кризис толкнет американских фермеров на путь коммунистической революции и гражданской войны. Об аграрном кризисе мы будем еще говорить особо. Пока отметим лишь что «миллион» фермеров, ушедший по подсчету Бухарина, в города, нашел там работу и не взбунтовался.

**) Revue du Travail, издание Бельгийского Министерства Труда Август.

точных, средних слоев общества — служащих, чиновников, мелкой буржуазии, мелких рантье, интеллигенции. Правда, промежуточные слои, в свою очередь, пролетаризируются, главным образом вследствие обесценения денег, и в странах низкой валюты эта пролетаризация приняла размеры настоящей катастрофы. Но, во-первых, повышение уровня жизни промышленного пролетариата, по крайней мере, в странах высокой валюты, более значительно, чем обеднение средних слоев. Во-вторых, чиновники и служащие тоже успели уже организоваться и добиться значительных улучшений. В третьих, на ряду с разорением старых мелко-буржуазных слоев растет новая мелкая буржуазия. Социальные последствия этой революции в условиях жизни, и быте рабочих Западной Европы громадны и разнообразны. Сближение между работниками физического и умственного труда, повышение общественной значимости труда рабочего (одновременно с ростом политического влияния организованного труда) — вот два крупных явления нового времени, непосредственно с ней связанные.

Европейский рабочий класс занят в настоящее время укреплением, защитой и использованием всех этих завоеваний, он, так сказать, устраивается на новых позициях и готовится к дальнейшему продвижению вперед, создавая для этого нужные органы, воспитывая необходимые кадры.

Бухарин и Варга кое что знают, разумеется, об этой бытовой революции. Она им чрезвычайно не нравится. Бухарин называет ее «развращением» рабочей «аристократии», «подкупленной» хитрыми капиталистами.

Неприятные для него явления он объясняет тем, что буржуазия *империалистических* государств, получающая «*сверхприбыль*» от эксплоатации колоний, в состоянии платить «верхушкам» рабочего класса более высокую заработную плату. Рабочая аристократия, высоко-квалифицированные рабочие, согласно этой теории, добились лучших условий жизни за счет эксплоатации труда негров, малайцев или китайских кули. Бухарин обрушивается со всей силой своего негодования на одного немецкого коммуниста — некоего «Бориса» за то, что он позволил себе усомниться (в журнале (Die Interuationale) в правильности этого объяснения.

«Одно из наиболее важных различий между II и III Интернационалами, говорит Бухарин, состоит в учении об империализме, в учении о том, что ряд крупных государств эксплоатируют колонии, получают из этих колоний сверхприбыль и с помощью этой сверхприбыли развращают некоторые слои рабочего класса. На эти подкупленные слои рабочего класса и опирается в своей политике социал-демократия. До сих пор мы полагали, что это учение составляет наиболее важное различие, отделяющее нас от II Интрнационала. Это учение давало нам в руки сильное оружие против империалистической политики буржуазии. С помо-

щью этого оружия мы создаем связь между Западной Европой и Азией, между промышленным пролетариатом и отсталыми колониальными народами. В этом учении мы находим увязку между революцией промышленного пролетариата и колониальными восстаниями, которые в данной исторической обстановке являются не чем иным, как составными частями мировой революции. Против этих положений борется со всей силой как теоретически, так и практически социал-демократия.»

(«Правда» 29 июня).

Г. «Борис» назвал это замечательное учение «примиряющей классы галиматьей», и взбешеный теоретик Коминтерна уличает его в «полнейшем возвращении ко 2-му Интернационалу».

«Второй Интернационал», по всей вероятности и не подозревал о существовании этого «наиболее важного различия», и во всяком случае, с удивлением узнает, что он «со всей силой борется против этих положений. Однако, отсюда вовсе не следует, что бухаринское ученье не является «галиматьей».

В самом деле, страна с наиболее высокой заработной платой— Северо-Американские Соединенные Штаты — никаких колоний не имеет. Бельгийские шахтеры добились своих «аристократических привиллегий» отнюдь не за счет африканских негров, ибо Бельгия не только не извлекает ниоткуда «сверх прибыли», но, наоборот, ее колония — Конго — приносила ей до сих пор одни убытки. Италия тоже до сих пор «доплачивала» за удовольствие обладать Триполитанией. Согласно теории Бухарина, Дания должна была быть ультра-империалистичсекой страной: датский пролетариат совершенно игнорирует существование Коминтерна и единодушно поддерживает социал-демократию, в настоящий момент управляющую страной. Неужели г. Бухарин серьезно думает, что Гренландия дает достаточную «сверх прибыль», для того, чтобы «подкупить» датский пролетариат? Я не говорю уже о том, что в России, несмотря на ее громадные азиатские владения, заработная плата всегда была ниже, чем где бы то ни было, хотя и выше, чем теперь при большевикех.

Далее, совсем не верно, будто только квалифицированные «верхушки», рабочая «аристократия» — добились высокой заработной платы. *Верно как раз обратное:* как я уже указывал выше, характернейшей чертой истекшего десятилетия является поднятие заработной платы чернорабочих, улучшение положения не квалифицированного труда, его приближение к положению квалифицированных рабочих. Заработная плата этих последних поднялась далеко не в той же степени, хотя фактически квалифицированные рабочие, обладающие лучшими и наиболее сильными союзами руководили борьбой всего пролетариата.

Бухарин заявляет, что без теории «сверх-прибыли» положение 3-го Интернационала было бы трагическим:

«Без этих предпосылок мы не можем вести борьбы с рабочей аристократией, с развращением рабочего класса, с империалистической политикой, и мы не в состоянии разъяснить теоретически все эти в высшей степени важные явления».

Мы можем только выразить ему наше искреннее соболезнование.

О том, что известные слои пролетариата подпадают под влияние буржуазии, что возможно известное «сращивание» их с капиталистическим обществом, русские эсэры писали задолго до Бухарина и, в частности, В. М. Чернов объяснял этим в начале войны патриотическое грехопадение германского пролетариата, — в противоположность Ленину, объяснявшему все чрезвычайно упрощенно — «изменой» вождей.

Но, насколько мне известно, никто (кроме анархистов) непроповедывал до сих пор борьбы против квалифицированных слоев рабочих, т. е. классовой борьбы внутри пролетариата. Лишь тесный союз всех слоев рабочего класса мог обеспечить им успех в их борьбе до сих пор и сможет им обеспечить победу в будущем.

Бухарину необходимо изобразить достигнутые упорной борьбой рабочие завоевания — 8-часовый рабочий день, высокую плату, государственное страхование, всеобщее избирательное право и т. д. — как «подкуп», как «развращение», за счет эксплоатации колониальных рабочих, ибо, отчаявшись в европейской революции, он склонен все свои надежды возлагать на колониальные восстания. Преображенский в уже цитированных статьях своих в «Правде» тоже говорит, что ничего путного в Англии не будет до тех пор, пока не начнутся серьезные потрясения в колониях, пока не рухнет здание британской колониальной империи: лишь когда это случится, можно будет ждать революционных событий и в Соединенном Королевстве.

Боюсь, что эти деятели «мировой революции» имеют о национальных движениях в Азии и Африки столь же фантастические представления, как и о рабочих движениях Европы. Я не могу здесь останавливаться на этом вопросе. Замечу лишь, что утверждение Бухарина, будто европейское *социалистическое* движение (2-ой Интернационал) ничего не знающее о несравненном теоретическом оружии Коминтерна, не в состоянии связаться с рабочим движением колоний, что это утверждение, говорю я, чистейший вздор. Конечно, социаисты не станут натравливать нацоиналистическую *буржуазию,* скажем Турции или Персии или Китая на английский *пролетариат,* хотя бы и высоко-квалифицированный, но путь к справедливому и мирному разрешению национальных конфликтов и конфликтов между колониями и метрополиями они найдут и без помощи Бухарина.

Фантазии и действительность.

«Что же, скажут нам слушатели Варги и Бухарина, вы хотите доказать, что капиталистическая Европа процветает, что буржуазия на высоте положения и скоро, благополучно преодолев кризис, обеспечит человечеству благоденствие и мирное житье? Это нас нисколько не удивляет: ничего другого мы и не ждем от социал-предателей и лакеев мирового капитализма».

Варга и Бухарин категорически заявляют, что 2-ой Интернационал отрицает наличность общего кризиса капителизма и всю свою политику строит на убеждении в том, что буржуазия в состоянии сама справиться со всеми последствиями войны.

Это, конечно, не верно. Все, что мы хотели показать, это нелепость экономико-революционных выкладок господ Бухарина и Варги, которые на основании данных о производстве стали, числа работающих или потушенных доменных печей хотят отгадать момент наступления «мировой революции». Мы хотим показать, что, несмотря на весьма тяжелое и запутанное положение, несмотря на все еще длящийся кризис, дающий право ряду европейских политических деятелей, отнюдь не коммунистов и даже не социалистов, говорить о «Закате Европы», несмотря на все это, положение отнюдь не таково, чтобы можно было с часу на час ждать взрыва, да еще обязательно коммунистического.

Конечно, капитал, как принято выражаться, «перешел в наступление» уже три или четыре года тому назад. Захват власти в Италии фашистами, рост реакционных настроений в Германии, покушения на 8-часовой рабочий день, борьба за понижение заработной платы — побудили некоторых впечатлительных людей говорить о поражении «рабочей революции» и победе «мировой реакции». И слов нет, пролетариату приходится повсюду отстаивать в тяжелой борьбе свои завоевания. Однако, пророки реакции черезчур поторопились, как и пророки «мировой» коммунистической революции. Сам Зиновьев вынужден признать, что наступает «демократическая и пацифистская эра». Не важно, что он выливает на нее ушаты своего специфически пахучего «краснореченья». Не важно, что он ее «предвидел» еще на третьем съезде Коминтерна. Важно то, что не сбылось, не сбывается, не может сбыться главное предсказание его «гениального» учителя, то самое ради которого он захватил власть, опираясь на взбунтовавшихся солдат, и разнуздал стихию сословной и социальной мести: «мировая революция» безнадежно сидит на мели. Она существовала лишь в воображении Ленина, который просмотрел подлинные социальные сдвиги, серьезные изменения в положении рабочего класса, колоссальную работу проделанную его организациями.

А его ученики до сих пор не могут понять, что все их попытки распределить по статистическим таблицам, хотя бы приблизи-

тельно ход «мировой революции» или определить ее «темп» — не более и не менее, как пустая революционная астрология.

Впрочем, мы не справедливы к г. Варге. Во-первых, его, приведенная нами в начале статьи, формула действительно очень осторожна и эластична: при желании ее можно растянуть так, что она подойдет к любому периоду капиталистического развития. И мы нисколько не будем удивлены, если через десять и через двадцать лет Варга или его ученики будут все еще толковать о высоких и низких «фазисах» — вплоть до того момента, когда действительно кореннное социальное преобразование станет неизбежным и возможным. Некоторые ораторы на пятом конгрессе именно зе это упрекали Варгу, находя, что «намечнные им перспективы недостаточно революционны». Во-вторых, признавая, что капитализм «политически, государственно укрепился» (хотя «оздоровление» его и невозможно), Варга приходит к тому выводу, что успех коммунистической революции теперь зависит от «воли пролетариата к борьбе», т. е. от его готовности стать под руководство Коминтерна. «Существует, говорит он, полная возможность одержать путем революционной борьбы частичный (?) или полный успех в целом ряде стран. Для этого коммунистическим партиям необходимо объединить под своим руководством массы и склонить на сторону революции массы крестян, являющихся решающим фактором в большинстве стран».

Это, конечно, легче сказать особенно о крестьянах, о которых будет речь в другой раз, чем выполнить и, выступавшие на съезде делегаты далеко не разделяют уверенности Варги на этот счет.

Его, обвинили даже — и вполне основательно, в полном забвении научной «марксистской» точки зрения и в своеобразном революционном «субъективизме».

Но у нашего ученого коммуниста имеется и другая «перспектива»:

«Нет ничего невозможного, говорит он, в том, что победа пролетариета может быть отсрочена до *новой мировой войны*.. Нет ничего антимарксистского в предположении, что какая либо одна империалистическая держава или объединенный англо-американский империализм овладеет миром». Иными словами, нет ничего анти-марксистского в том, что капитализм не «распадается» а, наоборот, объединяется и зиновьевская революция будет отсрочена на несколько десятилетий.

Какие практические выводы могут сделать — и делают московские режиссеры мировой революции из яко бы «научных» выкладок и гаданий господина Варги? Путь заговорщических авантюр вроде немецкой и болгарской и путь военно-дипломатических интриг, главным образом, на Востоке — вот все, что остается от «гениального» ленинского прогноза, от головокружительных пер-

спектив мировой диктатуры. Тут есть, конечно, где развернуться и Зиновьеву и Троцкому. Беда лишь в том, что их европейские партнеры, как мы увидим, никак не хотят взять в толк, что собственно от них требуется и не оправдывают делаемых на них затрат. Мы увидим в следующей статье, что представляют собой эти «живые силы» мировой революции.

2-ой Интернационал и кризис капитализма.

Несколько слов о разногласии по вопросу о кризисе капитализма между «третьим» и «вторым» Интернационалами.

Мысль о том, что послевоенный кризис есть глубокий органический кризис всей капиталистической системы и что нет из него другого выхода, кроме коренного преобразования мирового капиталистического хозяйства на основах социализма, мысль эта отнюдь не является изобретением и привиллегией коммунистов, как уверяет Бухарин.

Уже Женевский съезд 2-го Интернационала (до его объединения с более левым «венским») принял в августе 1920 года резолюцию, в которой говорит: «Прогрессирующее разложение капитализма, толчек которому дала война и которое продолжается в годы мира, делает все более необходимым переход власти к классу трудящихся».

Вандервельде — несомненный «социал-предатель» — следующим образом характеризует послевоенный кризис:

«Рост нетрудовых элементов и непроизводительных рабочих: лихорадочное ускорение капиталистической концентрации; отчаянные усилия господствующих классов вернуть трудящихся к довоенному уровню жизни или ниже этого уровня; крушение или пауперизация (обеднение) промежуточных классов; увеличивающийся антагонизм относительно немногочисленного класса очень богатых, чудовищно богатых людей и растущего пролетариата — таковы характерные черты *кризиса капиталистической системы производства*».

Вандервельде прибавляет при этом, что во всех этих отношениях «война лишь обострила и ускорила раньше существовавшие тенденции. Новым является то, что мир обеднел, что его производственная способность ослабела, что в большинстве стран капиталистическое накопление задержано социальной и политической анархией, являющейся следствием войны»*).

Каков же вывод из этого кризиса по мнению Вандервельде?

«В том положении, в котором мир находится после войны, кажется, что кризис капитализма может быть разрешен, избегнут или, по крайней мере, смягчен лишь при условии громадного роста производства и что, с другой стороны, достигнуть этого

*) E. Vandervelde. Faut il changer notre programme? стр. 75.

увеличения производства невозможно, не ломая рамок капиталистического общества» (стр. 79).

Такой умеренный фабианец, как Сидней Вебб, посвятил, со своей стороны, целую книгу «закату капиталистической цивилизации» (The Decay of Capitalist civilisation), в которой он впервые высказывается за необходимость коренного преобразования всей современной экономической системы в духе социализма.

Действительное различие между коммунистами и социалистами вовсе не в этом, а в разном понимании *переходного периода* между капитализмом и социализмом, *методов борьбы рабочего класса* за власть и *методов социального строительства,* а также в разной оценке остроты кризиса, его влияния на коллективную психологию масс, которые являются двигательной силой грядущего социального переворота. Само понятие «рабочий класс» не одинаково у социалистов и коммунистов: в то время, как первые имеют в виду подлинные, реальные трудящиеся классы с их свободными самоуправляющимися организациями, для 3-го Интернационала, как это с похвальной откровенностью признал Зиновьев во время дебатов о рабочем правительстве, рабочий класс есть ни более и ни менее, как «псевдоним» коммунистической партии.

Наконец, для большевиков «мировая революция» является вопросом существования, вопросом укрепления и сохранения их власти, в России, вопросом их *правительственной* политики, ибо они действительно все поставили на эту карту и, не удивительно, что они так торопят своих агентов, хватаются за что и за кого угодно, за Кемаля Пашу, за Радича, за графа Ревентлова, лишь бы наконец «началось».

Этот мотив отсутствует у европейского рабочего класса; его политические и экономические организации могут спокойнее взвешивать шансы борьбы и, как говорил Филипп Сноуден в Палате Общин, «продвигаться вперед лишь по мере укрепления уже занятых позиций».

Внутри социалистического движения существуют — и это вполне законно — разные мнения относительно границ возможных социально-экономических преобразований.

Но почти нет разногласий относительно методов. Можно, например, оспаривать мнение Вандервельде, согласно которому капитализм *уже теперь* не в состоянии обеспечить нормальный ход производства. Устранение тех международных конфликтов, которые в настоящее время являются главной причиной неустойчивого положения Европы и кризисов, в частности, разрешение репарационного вопроса, теоретически возможны и без замены капиталистического строя социалистическим.

Нам лично кажется, что Гильфердинг в своей статье «Проблемы Современности» более объективно, чем Вандервельде,

оценивает положение и вернее подмечает основные тенденции совершающейся на наших глазах хозяйственной эволюции*), поскольку их можно определить, находясь в хаосе событий. По его мнению, капитализм еще не разваливается, а переходит в новую, высшую стадию своего развития, в стадию иерархически организованного народного хозяйства. Капитализм, по его мнению, пытается собственными силами преодолеть хозяйственную анархию и подчинить ее планомерному, сознательному руководству. Однако, он не в состоянии устранить свои внутренние противоречия, и на этой высшей стадии они вновь возникают с новой силой: «Антагонистические, противоречивые основания этой хозяйственной организации, говорит Гильфердинг, делают неизбежной борьбу. Чем прогрессивнее организация, чем сознательнее управление народным хозяйством, тем непереносимее для массы производителей присвоение общественного продукта собственниками... Сознательное регулирование хозяйства вступает в открытое противоречие с унаследованными от эпохи неорганизованного капитализма отношениями собственности. Это противоречие должно быть устранено преобразованием иерархически организованного народного хозяйства в хозяйстве, организованное демократически».

Из этой цитаты видно, что Гильфердинг вовсе не замазывает капиталистических противоречий, как это облыжно утверждает Варга и Бухарин. Он не проповедует пассивности, а, наоборот, ставит перед рабочим классом во весь рост проблему завоевания государственной власти и проблему *подготовки,* организационной, технической, административной, к управлению народным хозяйством.

И в этом отношении он сходится вполне с Вандервельде, Сноуденом и Макдональдом.

В. В. Сухомлин.

---

*) Rudolf Hilferding. Probleme der Zeit. »Die Gesellschaft« N 1.

Мания самоограничения.

I.

Журнал «Современные Записки» пером члена своей редакции М. Вишняка «самым решительным образом осудил» тактику, проводимую в последнее время «Волей Россией» и «Революционной Россией». Но осудил мало сказать. Автор, охваченный священным негодованием, не остановился перед тем, чтобы бросить публично со страниц печати по адреу названных органов, выражающих взгляды идейно-политического течения с которым он считает себя связанным, самые тяжкие обвинения. Тактику, усвоенную «Волей Россией» и «Рев. Россией», М. Вишняк объявляет «легкомыслием, граничащим с преступлением против родины и демократии», граничащим с преступлением еще и «против лучших заветов гуманитарного социализма». Не более и не менее.

Какие же элементы преступности усмотрел М. Вишняк в тактике столь решительно и столь гневно заклейменных им журналов? Вот какие.

«Воля России» и «Рев. России» с особенным азартом и упорством обрушиваются на П. ~~Н.~~ Милюкова за его неоднократные попытки республиканско-демократического объединения в эмиграции, попытки, по Вишняку, «лишь делающие честь его политическому мужеству и настойчивости». Они искусственно (!) раздвигают пределы расхождений между ним и эсэрами. Они, вопреки всякому политическому смыслу, силятся доказать, что ни о каком объединении с Милюковым не может быть и речи в виду полного отсутствия почвы для соглашения. Но и этого еще мало. Полемическому обстрелу подвергался не один Милюков, «но и все те, кто разделяют ряд общих с Милюковым идей». Обстреливаются — horribile dictu — группа «Крестьянской России», «Беззаглавцы». Вот это то и есть, по мнению Вишняка, граница преступления. Вот, по какому поводу, провозгласил он родину и демократию в опасности и даже приплел совсем уже ни к селу, ни к городу «гуманитарный социализм».

«Последние Новости», на страницах которых, надо думать, гуманитарный социализм находит свое наивысшее выражение, не

замедлили, конечно, всецело присоединиться «к этим заслуженным упрекам». Орган бывшего лидера покойной кадетской партии с удовлетворением констатировал, что «в нашей борьбе с левыми социалистами М. Вишняк уже не может сохранять нейтралитет». Какой уж тут в самом деле нейтралитет, когда М. Вишняк с таким азартом обрушивается на тех, кто осмеливается «с азартом обрушиваться на П. Н. Милюкова».

Но не считает ли запальчивый автор, что он чуточку хватил через край, выступив с таким пафосом, воистину уж меньше всего соответствующим сюжету, на защиту «обиженного» Милюкова и милюковщины. Легкомыслие может иногда граничить с преступлением, но бывают и такое легкомыслие, которое переходит границу смешного . . .

Впрочем, М. Вишняк признается, что он осудил атакованные им журналы со *своей* точки зрения. Она же действительно не разделяется не только «Волей России» и «Револ. Россией», но и категорически отвергается и самым решительным образом осуждается всеми активно работающими в России социалистами.

Эта точка зрения может быть охарактеризована кратко одним словом «самоограничение».

Група «Совр. Записок», главным теоретиком которой является М. Вишняк, исходит из убеждения, что именно теперь, после огромных перемен, произошедших в Европе и величайшей революции, пережитой Россией, русские социалисты должны «самоограничиться». И самоограничиться до такой степени, чтобы из слов «демократия и социализм», написанных на их знамени, осталось только одно слово «демократия».

Справедливость требует сказать, что названная группа настаивает на временном отказе от социализма, считая, что в процессе восстановления России и пока он будет длиться — период времени не малый — социалисты должны участвовать в нем не как социалисты, а только как республиканские демократы, отказавшись заранее от попыток влияния в какой бы то ни было мере в духе своих идеалов на социально-экономическое строительство страны и только делая сознательно «своими руками чужое дело».

То направление в эсэровской эмиграции, органом которого являются «Совр. Записки», утеряло веру не только в силу своей партии (мы имеем в виду ее потенциональную силу), но и в потенциональную силу всей русской социалистической демократии и весьма низко расценивает способности к государственному творчеству широких трудовых слоев, на которые она может опираться. Деревья большевизма закрывают для нее весь лес российский. Россия в ее представлении «земля моховая». И символ ее тот же. Вишняк, например, видит в мужике «с луковишным носом» (взято из «Известий»), который на предложение учительницы учить грамоте

его сына, потребовал с нее «три рубли» — «Тебе интерес учить его — и ты и плати. А мне интересу нет никакого». Вот, ведь, какова по Вишняку Россия, вышедшая из горнила революции. Вот ведь до чего он договаривается, вторя всем хулителям русской революции... Отсюда, от всего этого у группы «Соврем. Записок» утрата равновесия, непозволяющая ей твердо держаться на собственных ногах без подпорки. И подпорку эту упорно, не смущаясь никакими неудачами, ищет она направо от социализма, где по «Совр. Запискам» сосредоточена чуть ли не вся русская культура, чуть ли не все культурные идейно-организованные силы, там на необозримых полях родины, там, конечно, «луковишные носы». Отсюда и проповедь самоограничения — рассматриваемого, как единственное средство получить подпорку справа. Самоограничиться, чтобы сократить расстояние между собою и правее стоящими элементами несоциалистической эмигрантской общественности и быть допущенными в их салоны. Самоограничиться, затаить в себе без остатка свой социализм, ни в чем его не проявляя, тщательно причесаться под строгий буржуазный демократизм и умильно улыбаться всякому, кому только вдумается назвать себя республиканским демократом, хотя бы он вчера еще усердно работал в лагере монархической реставрации. Все стоящие на почве демократии равно призваны строить ее и бороться за нее, — поучает Вишняк. А посему требует, чтобы все отвечающие этому признаку немедленно бросились друг другу в объятия, даже тогда, когда их разделяет пропасть как в самом понимании демократии, так и в вопросе о способах, при помощи которых она может быть создана. Мы всегда признавали необходимость самоограничения добровольного и сознательного — уверяет автор.

Это верно. Самоограничение, выражаясь языком Вишняка, действительно моноидея руководителей «Совр. Записок», ее идеологический стержень.

Они, впрочем, начали самоограничиваться еще до появления их журнала и в весьма не малых размерах.

Самоограничение толкало их на отказ подчиняться постановлениям и указаниям партийных советов, собиравшихся в России, и руководящих центров русской партии. Оно побудило их сочувствовать белому движению и называть преступлением борьбу против Колчака и Деникина, как теперь преступлением объявляют они идейную полемику против Милюкова. Оно доходило до одобрения блокады России (несомненно, во имя лучших заветов гуманитарного социализма!) и порицания тех, кто требовал ее снятия.

Эта группа правых эсэров, не допускала ни одного случая, чтобы под каким угодно флагом очутиться непременно в такой комбинации, где можно было бы сидеть по левую руку бывших российских кадет, совершенно не желая считаться с тем, как их поведение отразится на борьбе эсэров в России.

В основе этого лежало коренное разногласие между эсэрами партийцами и названной группой. Первые переносят центр тяжести на работу в России, считая ее единственным средством для восстановления и упрочения силы партии. Последние же, наоборот, придают исключительное значение заграницe и в сложении сил» т. е. в объединении с другими эмигрантскими группировками видят залог успеха. Те и другие смотрят в разные стороны. Отсюда все остальное. Отсюда и столь быстрое линяние социализма у группы «Совр. Записок».

Члены этой группы, по уверению «Последних Новостей», принимали участие и в предварительных совещаниях по созданию республиканского демократического объединения. В него они все же не вошли, но, судя по статье М. Вишняка, все их симпатии на стороне его.

Статьи «Воли России» и «Революционной России», конечно, создали впечатление об отрицательном отношении социалистической общественности к этому «объединению». Статья М. Вишняка, повидимому, иначе трудно объяснить ее появление, попытка разбить это впечатление и показать, что есть заграницей и такие эсэры, которые пламенно сочувствуют «объединительным» усилиям г. Милюкова, в свое время безуспешно пытавшегося объединить генерала Алексеева с германским командованием на Юге.

Для этого не стоило и огород городить. Роман между г. Милюковым и группой «Совр. Записк» длится уже не первый день и ни для кого решительно не является тайной. И если статья М. Вишняка и представляет интерес, то только в том смысле, что, формулируя идеологические основы самоограничения, она выявляет всю убогость этой идеологии.

* * *

М. Вишняк начинает самоограничение с миросозерцания. В социалистических программах, декретирует он, не должно быть никаких миросозерцательных элементов. Прежние программы были полны таких элементов, но не следует за это, по мнению великодушного Вишняка, обвинять их авторов. То было не вина, а беда социалистических партий. Это, т. е. наличность миросозерцания в программах, совершенно неожиданно заявляет Вишиняк, было одно из следствий самодержавного строя! Программы будто бы проектировались для неопределенного будущего, заготовлялись впрок из прекрасного эмигрантского далека и потому грешили отвлеченностью. Но теперь, после революции, социалисты могут уж быть рельными политиками, реализм же должен выразиться в изгнании из программ миросозерцания.

При самодержавии, по Вишняку, еще куда ни шло, можно было мириться с миросозерцательными элементами, но при больше-

визме надо их решительно вытравить. Ибо все, что пахнет миросозерцанием, для М. Вишняка уже есть отвлеченность, и он во что бы то ни стало желает быть реалистом. Отвлеченность, говорит в программе о социализме, отвлеченность дать с социалистической точки зрения оценку основных тенденций переживаемой эпохи, отвлеченность — произвести с этой же точки зрения анализ общего направления социальной борьбы и сталкивающихся в ней сил, отвлеченность связать со всем этим программные требования преобразований и реформ. Все, что в той или иной мере позволяет выявить идейный лик партии, есть отвлеченность, все это «традиции прошлого», консерватизм, не соответствующий темпу жизни.

Ведь, дело в том, что, подвергая остракизму миросозерцание, наш стремительный автор имеет в виду не только схему партийной идеологии, но даже и всякую общую предпосланную точку зрения. Программа должна состоять из одних только непосредственных требований. В ней, поучает он, нужно привести лишь конкретные цели, цели, диктуемые действительностью сегодняшнего дня, которые, хотя бы мысленно, представлялись осуществимыми в случае успеха.

М. Вишняк ссылается на практику з.-европейских социалистических партий, обнаруживая, увы, весьма поверхностное знакомство с нею. На Западе, если ему верить, социалисты «не ощущают серьезной неудовлетворенности от отсутствия миросозерцания в системе мер и оценок текущей социально-политической действительности. Доказательства? — Германская социал-демократия уже два года без оффициальной программы, старая упразднена, проект новой еще не представлен.

Доводим до сведения М. Вишняка, что в 1921 году, как раз германские мажоритарные социал-демократы (правые) приняли на своем съезде в Герлице программу, в которой нет недостатка в «миросозерцательных элементах». Доводим до его сведения, что К. Каутский в виде проекта программы, написал целый объемистый том, уже изданный на нескольких европейских языках и где миросозерцанию уделяется не мало места. Доводим до его сведения, что Эмиль Вандервельде, по поручению своей партии (Бельгийской рабочей партии) в свою очередь написал проект пересмотра программы, представляющий книжку в 300 страниц (»Faut-il changer notre programme«), значительная часть которой посвящена вопросам идеологии. И в своей книге лидер бельгийских социалистов как раз предлагает предпослать выработанной им новой программе »déclaration des principes«, т. е. общую предпосланную точку зрения *старой программы*.

Напомним еще, что французская социалистическая партия на своем Страсбургском Конгрессе в 1919 году приняла программу, которой также предпослана принципиальная декларация.

Как видим, М. Вишняк облыжно приписывает собственные на-

строения з.-европейским социалистам. Но этого ему мало. Он не ограничивается требованием подвергнуть остракизму миросозерцание, а готовит еще гильотину и для конечной цели. И ее не нужно, и в ней нет надобности. В программе не должно говориться ни о максимальных стремлениях партии, ни об ее социальном идеале. М. Вишняк буквально издевается над старыми социалистическими программами, «определявших предвидения не только ближайших исторических перспектив, но и конечных итогов мировой истории» (а всего лишь в них речь шла о социалистическом строе, приходящем на смену капитализму). Вообще, уверяет М. Вишняк, сейчас нет места для целесознательных усилий». Для чего мы боремся, к какому будущему в конечном счете мы стремимся, — Вишняк не знает и твердо убежден, что и другие не знают, больше того, он считает, что и в знании этого нет большой необходимости.

М. Вишняк — здесь совершает несознательный, конечно, плагиат у теоретика французского радикализма Ф. Бюисона, который именно это самое утверждает в своей книге »Le programme radical«. Но Ф. Бюисон, невозможностью, по его мнению, заранее предвидеть куда идет социальное развитие, обосновывает радикализм в противовес социализму. Если логически продолжить мысль Вишняка, то, ведь, выходит то же самое. Может быть, и настанет когда нибудь социализм, а, может быть, и никогда не настанет. Известно ли, однако, Вишняку, почему он в таком случае считает себя социалистом?

Дело здесь, конечно, вовсе не в том, что лучше программа или платформа. Бывают иногда такие обстоятельства, когда *временно* удобнее выдвинуть только платформу. Но может ведь быть программа без миросозерцения и конечной цели, как и платформа, с тем и другим, — пример тому хотя бы платформа меньшевиков на которую ссылается и Вишняк. Дело здесь не в этом, а в том, что наш автор рекомендует в сущности заменить социализм каким-то . . . платформизмом!

Понятно, что если ампутировать у программы, миросозерцание и конечную цель, если ограничиться одними конкретными требованиями, и запереть в ящик до лучших времен свои социалистические одежды, то дело сближения с Милюковым и разделяющими ряд общих с ним идей значительно облегчится.

Правда, программа или даже платформа преследуют не одни лишь практические цели, она есть орудие социалистической пропаганды, орудие воспитания масс. Поэтому то социалисты и предпосылают ей всегда «общую точку зрения» и провозглашают свою конечную цель. Но это для М. Вишняка »Les derniers des esoucis« (наименьшая из его забот). Мы, ведь, знаем, что взгляды его устремлены не в сторону масс, а в совершенно обратном направлении. И поэтому он в своем самоограничительном порыве не мо-

жет удовлетвориться и одним отсечением миросозерцания и конечной цели. Ему нужно большого.

Чтобы сократить расстояние между собою и теми, к кому лежит его сердце, нужно еще, чтобы и конкретные программные требования как можно меньше отличались от таких же требований другой стороны. Нужно еще сбросить значительное количество «ненужного социалистического баланса».

* * *

М. Вишняк и сбрасывает его, становясь сразу на ту точку зрения, которая считает русскую революцию буржуазной. И, став победоносно на эту точку зрения, идущую вразрез со всей традицией русского народнического социализма, противоречащую всей его сущности, как и идейному духу эсэрства, М. Вишняк начинает уличать В. Чернова и Е. Сталинского, такого взгляда не разделяющих, в сворачивании с партийного пути. И совершенно не замечает всей комичности такого своего выступления. Но уже не веселое, а печальное чувство вызывает его аргументации по существу. Ведь, эсэровское грехопадение критикуемых им авторов видит он не более и не менее в том, что они позволяют себе говорить о «трудовом государстве» и о том, что «трудовые классы являются единственными силами демократии». Это обыкновенно говорили не эсэры — вопиет М. Вишняк, а максималисты. Настоящие-же эсэры «всегда защищали принципы так называемой формальной демократии».

Положим, что это не совсем так. Положим, что эсэры упорно защищали не формальную а последовательную демократию, могущую получить свое целостное воплощение как раз при перестройке всех общественных отношений на началах труда. Но и не в этом даже дело. М. Вишняк, юрист по образованию, изучивший чуть ли не все конституции мира, никак неспособен, вместить той, казалось бы, весьма простой истины, что возможно трудовое государство, не исключающее самого свободного демократического строя и даже как раз наоборот.

В голове нашего ученого юриста, понятия — трудократии и трудового государства безнадежно спутались и он упорно одно принимает за другое.

Приходится прибегнуть к популярно-разъяснительному методу. Да будет ведомо отныне М. Вишняку, что трудовое государство в понимании сторонников демократического социализма не означает лишения политических прав буржуазной части населения, а свободу и равенство для всех. Да будет ему ведомо, что оно означает режим широкого, ничем неограниченного народовластия, в котором партии трудовых классов, придя к власти *через свободное всеобщее голосование*, проводят в соответствии с историческими

возможностями меры социального преобразования, диктуемые интересами труда и своей государственной политикой интересы эти охраняют. Только и всего. Трудовое государство, наконец, означает такой строй широкой демократии, в котором еще нет социализма, где еще существуют капиталистические отношения, но где уже власть находится в руках трудящихся, накладывающих свою печать на хозяйственную эволюцию страны.

Поспешим и еще успокоить М. Вишняка. Утверждение, что единственными силами демократии в России являются пролетариат и крестьянство, тоже ни в какой мере не угрожает демократическим принципам.

Хотя, признаемся, чрезвычайно трудно понять, чем собственно оно могло и угрожать им.

Когда говорят, что такие то классы единственная *сила демократии,* т. е., что они одни могут составить опору для нее, то где же здесь отрицание демократии. Как будто наоборот. Здесь во всяком случае простое констатирование факта, к принципам никакого отношения не имеющее. Неужели и этого М. Вишняк не понимает? Или тут опасность для демократии померещилась его испуганному воображению только потому, что единственной силой провозглашаются трудовые классы? Если бы единственной силой названа была буржуазия, тогда, надо полагать, М. Вишняк, судя по его настроениям, был бы спокоен за судьбы демократии в России. Получается какая то новая и весьма своеобразная теория государственного права, согласно которой любое отрицание демократической роли буржуазного класса автоматически приравнивается к отрицанию самой демократии. Без буржуазии нет демократии — вот, до чего, ведь, в сущности договаривается М. Вишняк, вот, до чего он «самоограничился». Ибо ведь Вишняк не протестовал против старой программы с. р., принятой в 1905 году, в которой черным по белому написано, что «более реакционный, чем где либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в союзе с монархией против пролетариата» и что «вся тяжесть борьбы с царизмом . . . падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционную интеллигенцию». Ведь это та же формула «единственной силы».

К чему только не обязывает самоограничение! Но когда с еще большей горячностью М. Вишняк нападает на упомянутых выше авторов, обвиняя их в измене партийной идеологии за то, что они осмеливаются считать союз пролетариата и крестьянства «якобы (!!!) главным историческим raison d'être партии с. р.» и верят в революционность («провиденциональную», язвит Вишняк) русского крестьянства, когда он в этом видит нечто иное, как беспомощное повторение некоторых большевистских задов и его шаблонов, то, действительно, остается лишь беспомощно развести руками и отступить в недоумении. Уж если союз пролетариата и крестьян-

ства и вера в революционность крестьянства коммунистическая ересь, грязнящая чистоту эсэровской доктрины, то поистине спорить более не о чем. До чего страсть к самоограничению довела человека — до полного забвения азбуки своей собственной идеологии, до полной атрофии памяти. М. Вишняк оказывается, все позабыл. Идеологическую историю народнического социализма и долголетнюю идейную борьбу его с марксизмом во имя защиты тех самых положений, которые теперь для него являются большевистскими задами и даже программу партии с. р. Это уже не самоограничение, а самоотречение. Самоограничиваться Вишняку уже нет никакой необходимости. Он дошел до точки. Его эсэровство осталось за границей его нынешних убеждений.

* * *

«Расчистив таким образом почву», как писали «Посл. Новости», М. Вишняк намечает «элементы грядущей программы», давая новые изумительные образцы самоограничения.

Социализацию земли он упраздняет категорически и бесповоротно. И отвергает не на основании выводов изучения соответствующего материала и данных о результатах землеустройства в России, о настроении крестьянских масс, о процессах, происходящих в деревне, а так просто — без всяких доказательств.

Община объявляется им под сомнением.

Убеждение в жизненности русской общины, в превосходстве этой формы землепользования над индивидуалистической формой его, составляло всегда один из основных элементов символа веры эсэров.

Теперь Вишняк и здесь объявляет себя незнайкой. Он не знает, что лучше. Предоставим, говорит он, жизни вырешить окончательно, какой из этих двух форм принадлежит будущее. Предоставим жизни... Жизнь, конечно, все окончательно вырешит. Она вырешит, принадлежит ли будущее капитализму или социализму, экономическому индивидуализму или коллективистическим формам собственности и труда, демократии или диктатуре и т. п. Но если усвоить такой упрощенный метод подхода к сложнейшим вопросам общественности, то социальным политикам не придется сильно напрягать своих умственных способностей. До сих пор, по крайней мере, считалось, что у них должно быть свое собственное мнение по таким вопросам, т. е. *убеждения,* по признаку которых и определяются идейные направления.

Предоставляя жизни окончательно вырешить, заняв такую сверхобъективную позицию, М. Вишняк требует поэтому «создания одинаковых условий для тяготеющих к участковому землепользованию и для общинников». В чем смысл этих требований —

понять трудно. В большевистской России, как известно, общинники не пользуются какими то специальными льготами в сравнении с выделившимися из общины. Мы позволим себе предположить, что в данном случае речь также идет о жертве, приносимой на алтарь самоограничения.

До требования частной собственности на землю М. Вишняк еще не дошел. Он все же высказывается за сохранение за государством верховных прав на землю, конечно, признавая при этом и необходимость, чтобы земледелец получил уверенность в прочности свого обладания землей (община, значит, выкидывается) и твердого наследственного владения и всячески оправдываясь ссылками на государства Средней Европы, где аграрное законодательство ограничивает хозяйское усмотрение и т. д.

Но всего этого еще недостаточно, чтобы приблизиться к аграрной программе милюковских республиканцев демократов, решительно отстаивающих собственность на землю. И вот тезис М. Вишняка на счет общины и является шагом навстречу последним. Если не индивидуальное владение, то индивидуальное пользование с твердым наследственным правом, с прочным обладанием землей и т. п. Община «ограничивается» во имя «самоограничения».

* * *

Никаких элементов программы для других областей вопреки своему обещанию М. Вишняк не намечает. Он лишь восстает против точки зрения «Воли России» и «Рев. России», считающих, что в России при раскрепощении частной хозяйственной инициативы не должен быть восстановлен чистый «беспримесный» капитализм, захватывающий всю без исключения хозяйственную жизнь страны. М. Вишняк пытается разбить эту точку зрения путем ряда столь же патетических, сколь и риторических вопросов. Они, в свою очередь, увы, обнаруживают поверхностное знакомство автора не только с социалистической практикой, но и с самой теорией социализма.

До октябрьского переворота, утверждает М. Вишняк, «социализация промышленности отвергалась и социалистами-революционерами и соц.-демократами». В первый раз слышим, чтобы социалисты когда либо отвергали социализацию промышленности. М. Вишняк, вероятно, хочет сказать, что в программах минимум русских социалистических партий, выработанных около двадцати лет назад, когда нельзя было представить себе ни международной, ни внутренней обстановки, в которой произойдет революция, России, не фигурировали требования социализации тех или иных отдельных отраслей промышленности. Что касается партии с. р., то и это неверно. Правда, в ее программе, помимо социализации

земли не значатся другие конкретные социализаторские меры. Но в ней все таки, напомним крайне забывчивому М. Вишняку, написано следующее:

«Ко всем мероприятиям, имеющим целью обобществление *еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства,* П. С. Р. проявляет положительное отношение постольку, поскольку *демократизация политического строя* и соотношение общественных сил, равно и самый характер соответствующих предприятий будет давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии».

«Воля России» и «Рев. Россия» — да успокоится М. Вишняк — не считают, что Россия вступила в стадию социализма и никогда не требовали, социализации всего производства, а лишь перехода в руки государства, некоторых отраслей добывающей промышленности, являющихся в России «ключевыми». Они требуют этого для будущего демократического трудового русского государства, которое, по их мнению, имеет шансы создаться в виду огромного численного преобладания трудовых классов над другими слоями населения, трудового характера русской революции, слабости буржуазии, особенностей социальной структуры новой России и отсутствия для нее иного выхода—из ее нынешнего тупика, кроме широкого демократического пути. Они требуют этого для такого строя, где само собой подразумевается и демократизация и благоприятное для трудящихся соотношение сил (условия, формулированные в программе). В ином строе, что опять таки само собой подразумевается, их требования и не смогут осуществиться. Где же тут противоречия с программой, почему М. Вишняк делает на нее поклеп и почему он злоупотребляет страшными словами «максималисты», «левые эсэры» и т. п.

И когда М. Вишняк со слезой в голосе вопрошает, по каким таким основаниям можно отстаивать обобществление хотя бы ключевой промышленности после потрясений, пережитых Россией, когда до большевистской разрухи хозяйственная и культурная отсталость России исключала такие требования из социалистических программ, то мы видим воочию, как он блуждает между тремя соснами. М. Вишняк приходит в ужас от того, что находятся люди, именующие себя эсэрами и позволяющие себе говорить о создании более совершенных форм организации производства. Это уже несомненно преступление против лучших заветов гуманитарного социализма! Как, восклицает он, ведь, предпосылкой к такому созданию повсюду является подъем производительных сил, а в России- ведь, резкое падение производства и культуры.

Часы М. Вишняка, несомненно, сильно отстают, и по крайней мере, лет на десять. Он и не догадывается, что проблема создания

более совершенных форм организации производства после огромных хозяйственных опустошений, произведенных мировой войной, оказалась совершенно перевернутой. Падение производства и культуры, хотя и не в таких размерах, как в России, имело место повсюду. Но именно теперь в виду создавшегося нового положения, когда благодаря утере былого экономического равновесия, капитализм, менее подвергающийся влиянию его регулирующих законов, проявил в максимальных размерах свои темные разрушительные стороны, пугающие М. Вишняка «социализации» и является в глазах всех социалистов и не только социалистов единственным средством для действительного подъема производства и культуры. То, что раньше рассматривалось, как возможный результат хозяйственного и культурного полнокровия, теперь властно диктуется, как лекарство от малокровия национально-хозяйственных организмов. Огромное численное увеличение социалистических сил после войны и является политическим выражением этой объективной необходимости.

«То состояние, в котором мир очутился после войны, свидетельствует о том, что кризис капитализма не сможет быть разрешен избегнут или хотя бы смягчен без огромного подъема производства. Но, с другой стороны, этот необходимый подъем *не сможет осуществиться без ломки рамок современного капиталистического общества*». Так пишет несомненный «максималист» и «левый эсэр» Эмиль Вандервельде. Разъясним еще М. Вишняку, что раньше программы-минимум предназначались для периода предшествующего завоеванию власти социалистами, когда еще политически господствующей буржуазии, поэтому в них отсутствовали меры, выходящие из рамок капитализма. Теперь эти программы предназначаются для проведения в жизнь социалистическими правительствами, берущими в свои руки бразды правления, и потому в них фигурируют требования, выходящие за эти рамки.

У М. Вишняка имеются и другие ещ более сногшибательные вопросы.

Почему социалисты, приходя к власти в странах полноправного экономического развития, еще нигде, ни в Англии, ни в Германии не рискнули провести даже в частичном виде обобществление хотя бы одной отрасли промышленности.

Столь ученый автор должен был знать, что в Англии социалистическое правительство не имело собственного большинства в парламенте и потому и не могло приступить к осуществлению своей программы. Он должен был знать, что в Германии социалисты были у власти всего несколько месяцев в самом начале Германской революции и за такое короткое время в момент демобилизации колоссальной армии еще до заключения мира не могло

провести таких серьезных мероприятий, как социализация или национализация. Но он, во всяком случае, раз уже взялся писать о таких вопросах, должен был бы, по крайней мере, знать, что в программах минимум тех же англичан, германцев, как и французов и ряда других социалистических партий фигурируют требования обобществления не одной, а нескольких отраслей промышленности и что например в проекте программы минимум, составленной Вандервельде для бельгийской партии, значится «национализация уже достаточно сконцентрированных отраслей промышленности и торговли, в первую голову транспорта, банков, страхового дела, лесов и угольных копей».

Смеем к тому же уверить М. Вишняка, что совершенно напрасно он иронизирует насчет социалистической морали, будто запрещающей восстановление капитализма в ключевой промышленности и разрешающей его восстанавливать во всех других ее отраслях. Социалистическая мораль здесь совершенно не причем. Но она кое что действительно запрещает. Например, повторять по адресу вождей международного социализма демагогические басни большевиков, что они якобы собственными руками укрепляют «и без того солидный» капиталистический строй, как это делает М. Вишняк. Она запрещает также пользоваться методами желтой прессы «Руля», «Нового Времени», в полемике против своих идейных противников. Ведь, для всех своих риторических «почему» у М. Вишняка есть замечательное остроумное, но уже вовсе не делающее ему чести объяснение. Ларчик для него открывается очень просто. В редакции «Воли России» и «Революционной России» сидят полубольшевики, чуть ли не сочувствующие Зиновьеву и Троцкому. Они (эти полубольшевики) считают, что «несмотря ни на что, в нем (большевистском строе) имеются и положительные, облегчающие дело социализма достижения, что большевики все таки власть трудящихся, «низовая плебейская власть» и т. п. Считают, но вслух этого не говорят, про себя держат и публику морочат. Оттого то они и не хотят самоограничиться, отсюда все зло. Сказано недурно. І.Гессен и Б. Суворин лучше не скажут. Неужели краска стыда не бросилась в лицо редактору «культурного» журнала, когда он писал эти жалкие пасквильные строки.

* * *

Есть люди, «ушибленные» на всю жизнь какой нибудь одной идеей. Члены редакции «Современных Записок» ушиблены идеей коалиции. Без нее они не могут себе представить демократию. Коалиция и демократия для них почти что синонимы.

Казалось бы, что сейчас, когда Россия придавлена пятой большевистской диктатуры, для русских социалистических партий, загнанных в подполье, вопрос о коалиции менее всего стоит

в порядке дня. Коалиция с нашей точки зрения есть не вопрос принципа, а исключительно вопрос соотношения сил. Всякая социалистическая партия стремится и обязана стремиться к завоеванию всей власти.

Но могут создаться и такие положения, когда она оказывается вынужденной во имя защиты интересов того дела, которому она служит, итти и во временные коалиции и с несоциалистическими партиями. Все это зависит исключительно от двух условий: имеет ли партия большинство, тогда она берет всю власть, и если не имеет, то что полезнее для защищаемых ею интересов — оставаться в оппозиции или итти в коалицию.

На Западе, например, социалисты за небольшими исключениями, отвергают теперь участие в правительственной коалиции, все более переходя к тактике однородных социалистических правительств без парламентского большинства. Таким было правительство Макдональда в Англии, таковыми являются кабинеты Брантинга в Швеции, Стоунинга в Дании. И Макдональд и Брантинг и Стоунинг категорически отвергали коалицию и согласились принять власть лишь при условии однородно-социалистического состава правительства. Для Бельгии Вандервельде считает коалицию тоже «выжатым лимоном».

Необходимость или бесполезность коалиции в России, естественно, выяснится лишь тогда, когда она станет свободной демократией, и определится удельный вес партий, действующих на ее арене. Теперь же пока демократический строй в России есть еще музыка будущего, перед русскими социалистами и, в частности, перед эсэрами стоит совершенно иная задача: укреплять свои организации, действующие в России, проникать через их посредство в массы, теснее связываться с жизнью, восстанавливать и собирать таким образом свои силы, чтобы приобрести способность к обороне и нападению и не очутиться в положении евангельских дев — без масла в светильниках, когда пришел жених.

Коалиция, может быть, нужна будет, а, может, и не будет нужне. Она, во всяком случае, а не дело сегодняшнего дня. Но в высшей степени характерно, что Вишняк, выкидывающий лозунг «довлеет дневи злоба его» и желающий ограничиться одними лишь конкретными целями, когда речь идет о социализме забывает свою собственную теорию и требует коалиции «в предвидении грядущего». Наконец, помимо всего, есть совершенно непреоборимый аргумент против увлечения идеей коалиции и заключается он в том факте, что просто коалировать не с кем, даже при желании, ибо в России, кроме нелегально работающих социалистов, и легально монополизирующих власть большевиков, других политических партий в природе не имеется. На нет и суда нет.

Группа «Совр. Записок», конечно, это сознает. Но «идея»

так сильно владеет ее умами, что она во что бы то ни стало стремится создать коалицию, если не в России, где не с кем коалировать, то хоть заграницей, где имеются «республиканские демократические» группы.

При решении вопроса о коалиции даже в нормальных политических условиях в своей стране, а не на чужбине, всегда встают два основных вопроса: *для чего коалировать и с кем коалировать.* Так вот, раньше всего, для чего.

В предвидение грядущего, пишет М. Вишняк, (вот когда, наконец, он обрел способность предвидеть и делать целисознательные усилия), мы расцениваем положительно попытки привести общественное политическое самосознание к такому же всеобщему признанию и освоению ряда основных исторически неизбежных и политически приемлемых положений, какое имело место накануне общенациональных движений 1905 и 1917 годов». Даже «Посл. Нвости» не выдержали и указали Вишняку, что он «переборщил», говоря об общенациональных движениях 1905 и 1917 годах. «Увы, довольно не полно и не прочно, в 1905 году» и «быстро переставшие быть общенеиональными в 1917 году», осторожно поправила Вишняка милюковская газета. Но когда М. Вишняк заговаривает о коалиции, он окончательно теряет чувство меры.

И все же ответа на вопрос — для чего? — мы у него не находим. Он приветствует попытки к самоограничению ради сговора выработки общей платформы и т. д. Но, а дальше что? Какие практические, конкретные цели могут стать перед созданной заграницей, вопреки воле социалистов, работающих в России, коалицией? Об этом автор наш молчит.

Получается какое то искусство ради искусства, самоограничение ради самоограничения. И какое самограничение! Самоограничиться без остатка, выпотрошить из себя весь свой социализм, совершить над собой какое то настоящее социалистическое харакири! Трудно придумать нечто более нелепое, чем самоограничительная тактика, приводящая к добровольному искажению партийного лика и к забвению и отрицанию всего того, что составляло величие народнического социализма в прошлом и на чем зиждутся надежды на его большую роль в будущем . . . ради неизвестно чего. Можно ли придумать нечто более нелепое этого самоограничения, не оправдываемого никакими реальными целями, которые неизбежно «самоограничило» бы работу эсэров в России, успехи их пропаганды в массах и уронило бы их престиж в глазах этих масс.

Всякая партия, а в особенности социалистическая, может собирать вокруг себя силы, лишь выступая с открытым лицом, со всей своей идеологией, со всей своей программой. Исказить свою сущность, закрыть свое лицо коалиционной вуалью в период, когда еще только начинается или возобновляется процесс собирания сил, более чем самоограничение. Это — самоубийство.

А теперь, второй вопрос: с кем коалировать? — Ради кого призывает самоограничиться М. Вишняк. Он говорит нам об Эррио и Асквитах. Но где же они эти русские Эррио и Асквиты? Мы что то их не видим. А Вишняк ведь видит всего только г. Милюкова. Не станем касаться недавнего прошлого нынешнего идеолога буржуазного республиканизма, не станем вспоминать его подвигов в передней фельдмаршала Эйохгорна, ни его острого рецидива монархизма в 1918 году, ни его знаменитых писем ген. Алексееву. Г. Милюков теперь республиканец. Не хотим сомневаться в искренности его республиканских убеждений. Но и нынешний его республиканизм, все же не высокого качества. По европейским меркам, он в лучшем случае подошел бы, скажем, к правому крылу французских консервативных республиканцев. Разве на страницах «Последних Новостей» не воспевается чернорубашечный »duce« Муссолини? не поется хвала македоно-фашистскому правительству Цанкова, которого заклеймили все мало-мальски демократические партии Европы? Разве газета г. Милюкова не отстаивала с жаром политики Пуанкарэ и национального блока. А его ортодоксальнейший экономический индивидуализм, от которого давным давно отрекся передовой радикализм или либерализм на Западе. Где уже тут до Эррио и Асквитов!

И что такое вообще представляют пресловутые республикан-ско- демократические группы Милюкова, с коими так страстно желает объединиться Вишняк? Предетвляют ли они действительно сколько нибудь серьезную политическую силу, ради которой стоило бы поднимать такой шум и ломать столько копий. Они существуют только в эмиграции, в России еще не родились, в русской почве корней не пустили, да и за рубежом численность их далеко не исчисляется сотнями . . .

Мы понимаем, что г. Милюкову важно создать легенду о сильной республиканско-демократической русской общественности за границей, в которой не участвуют лишь «левые» «сектантские» социалисты и которой он является вдохновителем и вождем.

Но мы абсолютно не понимаем, почему нам нужно ему в этом помогать. В действительности ведь даже не республиканско-демократическое объединение стремится создать тот же г. Милюков, а всего лишь на всего под этим флагом свою собственную партию, зародышем каковой фактически является организация, носящая это имя.

Пусть «Воля России» и «Рев. Россия» не присоединились к этой милюковской затее в силу своего злостного «полубольшевизма», но не только, ведь, они, и меньшевики не присоединились, даже самые правые из них и народные социалисты, хотя и участвовали в переговорах о его создании все же не вошли в него. Вошла только одна «Крестьянская Россия», да Вишняку хочется войти. И хочется и колется . . . Так в чем же, наконец, дело? Вишняк до-

шел до того, что считает преступлением идейную борьбу против Милюкова и милюковщины. За идейно-полемические статьи направленные против него и «Крестьянской России», кстати сказать, с первого момента своего возникновения обрушившейся «с азартом» на эсэров (а в обстреле «Беззаглабцев» мы совсем уж неповинны — никогда их не обстреливали и даже о существовании такой *группы* ничего не знали), М. Вишняк называет нас еще и «разрушителями». Благо, М. Вишняку — он в основном и в главном согласен с Милюковым и разделяет ряд общих с ним положений. Но что же делать тем, кто не разделяет ряда милюковских положений, — наложить на себя обет молчания? Во истину не следовало бы ему употреблять по сему случаю всуе слов «родина», «демократия» и «гуманитарный социализм». А что касается гуманитарного социализма, то не лишнее все таки знать, что сие обозначает и не тревожить напрасно костей его великих основоположников.

* * *

«Посл. Новости» и 3 статья М. Вишняка сделали на наш взгляд правильный логический вывод.

«Мы были бы очень рады, если-бы эта группа («Совр. Записки»), проведя решительную черту между собой и господами разрушителями, нашла в себе готовность и желание вступить в открытое сотрудничество с культурными, идейно организованными силами республиканско-демократического объединения».

В действительности, в течение последних лет по всем возникавшим основным русским политическим вопросам группа «Совр. Записок» всегда одинаково мыслила с милюковцами и разномыслила с своей собственной партией. Она всегда за эти годы оказывалась идейно ближе к первым, чем к последней. Статья М. Вишняка показывает, что она и сейчас ближе к ним, чем когда бы то ни было. Не даром он громит органы эсэровского направления за то, что те мешают ему объединиться с Милюковым. В этом и заключается, в сущности, весь короткий смысл его длинной статьи. Такое систематическое явление трудно объяснить чисто случайными причинами. А если это так . . . из всякого положения должен быть сделан вывод. «Посл. Новости» правы. Логика на их стороне.

Ну что ж?

Совет да любовь . . .

Е. Сталинский.

Белая „наука".

I.

Множество представителей русской интеллигенции укрылось в эмиграции. Среди интеллигенции — не мало ученых. Что и как они делают в обстановке беженства для сохранения и дальнейшего развития науки, оставалось неизвестным стороннему наблюдателю. Научных трудов эмигрантских ученых за рубежом почти не публиковалось. В те аудитории, в которых профессора преподавали эмигрантской молодежи, мало кто, кроме студентов, заглядывал.

Первой, в сущности, попыткой вынести свою работу на суд общественного мнения был заседавший с 25 сентября по 2 октября III съезд Русских ученых в Праге, съезд, образовавший ряд научных секций, тогда как первые два съезда занимались преимущественно внутренними организационными и административными вопросами. На сумеречном фоне беженского быта съезд явился значительным событием и должен был бы стать торжеством русской мысли. Но не будем поддаваться исконному запросу человеческого сердца искать радостных, бодрящих впечатлений, не будем закрывать глаза на печальные, теневые стороны жизни. Во имя светлого будущего русской науки, попытаемся быть объективными. Меньше всего, конечно, хотели бы мы унижать еще молодую русскую науку и корпорацию русских ученых в целом, хотя ученые и наука не одно и то же. И наука только выиграет, если установлено будет, что компрометирующие ее болтуны ничего общего с ней не имеют.

«Лежачего не бьют» — скажут другие. Но лежат не только пораженные в единоборстве, но и от него укрывающиеся. Лежат и загораживают дорогу тем, кто борьбы не боится, но иначе понимает цели и законы борьбы. К тому же правая эмигрантская интеллигенция, сердцевину которой составляют некоторые малочисленные, но захватившие дирижерскую палочку академические кружки, вовсе не хочет признать себя побежденной. И, несмотря на свое лежачее положение, она ждет того дня, когда восстанет и понесет русскому народу свои

скрижали завета. То, что на этих скрижалях начертано, и приоткрыл Пражский Съезд Ученых, во многом напомнивший по лозунгам Карловицкий Собор, но теперь под очередными лозунгами подписи действующих «по доверенности» русской науки. Действия этих «доверенных» кажутся нам не менее опасными, чем большевистский погром русской культуры. Те громят извне, эти пытаются устроить самопогром. Подменить науку дешевым политиканством — не значит ли пытаться ее упразднить? Есть действия, за которые не может быть прощения.

Когда в 1894 году гордость русской науки и любимец молодежи Вас. Осип. Ключевский произнес свой известный панегирик только что умершему Александру III, даже Ключевскому этого не простили — ни молодежь, ни общество, и он оказался под моральным бойкотом. Но если вы перечтете поминальное слово его царю, вы убедитесь, что Ключевский осторожно ограничился в своей речи лишь оценкой отношения царя к русским историкам и подробно остановился на международной политике его правительства. Внутреннюю политику царя он обошел молчанием. Чувство гражданского достоинства и сознание ответственности ученого за слова, произносимые с кафедры, ему не изменили и в этой неудавшейся речи. Среди членов Пражского Съезда Ключевских не было, но это не значит, что его вдохновителям можно не вменять в обязанность понимать значение некоторых элементарных правил...

Прежде чем, однако, вскрыть лозунги Съезда, ознакомимся с ним самим, с его, так сказать, физиономией. Это любопытно и само по себе и подведет нас непосредственно к намеченной задаче.

II.

В III Съезде Русских ученых участвовали не только профессора, пользующиеся гостеприимством чехословацкого правительства, но и приезжие из других стран. Правда, даже из особо приглашенных не было ни П. Г. Виноградова, ни М. И. Ростовцева, ни А. А. Чупрова. Не было и ряда *особо не приглашенных* видных ученых, проживающих за рубежом, начиная с П. Н. Милюкова*). Не выступали на съезде и некоторые ученые, проживающие в Праге: Н. П. Кондаков, С. В. Завадский, С. Н. Прокопович и пр. Причин этой неполноты съезда, вероятно, не мало. Конечно, лишь для некоторых из ученых могла сыграть роль несколько специфическая репута-

*) Отсутствовали: Е. А. Ляцкий, Ф. Ф. Зелинский, М. В. Бернацкий, Л. И. Петражицкий, С. К. Гогель, П. П. Чубинский, Л. П. Карсавин, Л. С. Таубер и многие другие.

ция, которой пользуется господствующее направление в Пражской группе русских ученых *)...

Съезд, «по старому русскому обычаю», был открыт молебствием, причем, как уверял корреспондент газеты «Руль», для многих членов съезда было прискорбно, что, в виду отделения в Чехословацкой республике церкви от государства, молебен пришлось служить не в помещении, предоставленном съезду Карловым Университетом, а в церкви, куда, однако, пожаловало большинство собравшихся на съезд. После молебна произнесено было одним из первых русских марксистов, уже нескольких лет назад, облачившимся в рясу православного священника, слово о «лженауке», к которой он относит науки, враждебные или индифферентные к религии. На самом съезде можно было наблюдать только трогательное зрелище подходивших под благословение и лобызавших благословляющую руку мужей науки. К сожалению, дальше этого христански настроенные члены съезда не пошли. Вопросы индивидуальной и социальной этики не были поставлены прямо в программу занятий, попутные же разрешения некоторых этических вопросов чужды были духа альтруизма.

Самый съезд организован был весьма неудовлетворительно. Обилие докладов (около 170 в течение одной недели), хотя и распределенных по отдельным секциям, мешало развертывать прения по ним. Тезисов по многим докладам не раздавалось вовсе, а когда они раздавались, то совпадало это с моментом произнесения соответствующего сообщения. Повестка часто менялась. Один не попавший в предварительное расписание доклад, для которого известный ученый специально приехал из Парижа, оповещен был лишь в заседании секции по другой специальности — и на него пришел только один слушатель — и сообщение не состоялось. Бюллетеней съезда не выходило, общих собраний съезда было всего два и они посвящены были чествованию юбиляров и памяти усопших.

Секции работали сравнительно обособленно и объединенных заседаний было недостаточно, хотя одним из главных назначений научных съездов является сближение между учеными различных специальностей для совместного обсуждения общих вопросов. Так, основные вопросы о природе общества, государства, хозяйства, права рассматривалось без привлечения историков и философов. Заседания секций, доклады которых должны были, во всяком случае, заинтересовать членов

*) Одним из показателей течений в этой группе могло служить не утверждение общим собранием факультетов единогласно избранного в свои сочлены истор.-филол. факультетом довольно известного философа. Мотивы противников его кандидатуры сводились к еврейской фамилии и к пользованию им новой орфографией.

других, родственных секций, назначались в одни и те же часы, что разбивало аудиторию. Главным же пороком организации съезда была перегрузка его программы множеством сообщений, при вопиющей слабости многих из них.

Вообще, цель научная съезда, повидимому, неясна была и его устроителям, во всяком случае, формулирована она не была. Чего мог бы достигнуть подобный съезд? Он мог бы показать, что делают русские ученые за рубежом. Однако, не только отчетных, обзорных докладов не было вовсе, но отдельные доклады не редко, как оговаривались сами докладчики, написаны были еще на родине.

Съезд мог бы помочь ознакомлению с тем, что делается в научных областях в тех странах, по которым русские ученые теперь рассеяны. Ни одного доклада на эту тему не было.

Съезд мог бы остановиться на состоянии науки в современной России, подвергнув критике то, что есть неправильного в направлении там чисто научной работы и отметить ее положительные достижения. Имелось всего два соответствующих доклада: о музейном и архивном деле в России, да еще стоял на повестке доклад об изучении производительных сил России за последние 10 лет, но докладчик, вместо того, чтобы коснуться работы КЕПСА, Географ. о-ва, многочисленных местных обществ краеведения, теперь возникших в России, остановился на оценке одних угольных запасов России не с научной, а с «евразийской точки зрения», что вызвало лишь веселое настроение секции.

Съезд мог бы, наконец, показать ученый молодняк эмиграции, но как раз в этом отношении он показал обратное. Большинство молодых ученых, выступавших на съезде, оказалось с подготовкой мало удовлетворительной. Легкомысленное отношение к науке одних, заведомая непригодность к научной работе других, отсутствие «багажа» у третьих лишает возможности назвать хотя бы одно новое имя, выдвинувшееся на съезде. В экономической секции молодой доцент, выступавший по весьма сложному вопросу, не смог дать толковые ответы на случайно предложенные ему оппонентами вопросы, ответ на которые обязателен и для студента. Хорошо, что других не экзаменовали.

Конечно, трудно рассчитывать на выделение из студенческой массы лиц, серьезно посвящающих себя научной работе, когда большинство молодежи — греха таить нечего — не умеет грамотно писать по русски ни по какой орфографии, не говоря уже о логической стороне их сочинений.

Прения были даже не на высоте докладов, отличаясь малой содержательностью. Были оппоненты, бравшие слово, чтобы сказать, что им по докладу нечего сказать. Без конца звучали стереотипы: «Я с большим интересом выслушал содержательный доклад», «поблагодарим за весьма ценное сообщение». Несмотря на стремительность, с которой проводилась повестка съезда, прения шли без надлежащего руководства и при обсуждении, например, одного из немногих объективных докладов в юридической секции, было заслушано совершенно митинговое выступление одного лица из публики, поведавшего анекдоты из области советской юстиции.

Были и исключения. На одном из сообщений выступил почтеный ученый, сознавшийся, что литература новая, о которой говорил докладчик, ему неизвестна, а за содержанием доклада ему было трудно следить по обилию специальных терминов. Однако, и термины общеизвестные для него оказались трудными: он не мог отличить Возрождения от Гуманизма. Впрочем, откровенное слово этого ученого, кстати сказать, несомненно очень талантливого исследователя, по свей прямоте произвело освежающее впечатление в натянутой атмосфере съезда... Особенно утомляло стремление некоторых во все время поддерживать престиж науки, держась на высоких ходулях. Слушая одного из таких ученых, отличающегося неспособностью додумывать свои мысли до их логического конца и потому легко переходящего от одной системы мыслей к другой — ей противоположной приходилось повторять фразу, вложенную Э. Ростаном в его пьесе Chanteclaire одному из представителей птичьего царства по адресу своего пернатого «коллеги»: »il s'occupe à n'avoir d'être dupe — c'est un métier très dur«. (он все старается не показаться «простаком»: это трудное занятие).

Практические же навыки у этих белых профессоров, повидимому, достойны лучшего применения. Им, несомненно, удалось превратить ученый съезд в политический, обезличить не разделяющих их лозунгов членов съезда. А ведь среди последних было много настоящих, не белых ученых, не малого калибра. И среди массы заслушанных съездом докладов было изрядное количество чисто научных в полном смысле слова. Укажем, например, на сообщения Н. О. Лосского («Принцип наибольшей полноты бытия») или С. И. Метальникова («Иммунитет насекомых в связи с общим вопросом об иммунитете»). В секциях наук естественных и медицинских таких докладов было больше, чем в исторической секции, еще больше их было в секциях чистой и прикладной математики и технических знаний, особенно же слабы были секции экономическая и юри-

дическая*). Но эти довольно многочисленные научные доклады были на съезде словно случайны, непрошены — они меньше привлекали к себе внимание, а, главное, не они определяли физиономию съезда, который превратился по указке «практичных» дирижеров из научного в квази-политический**). Политическая ложка «белого» деятеля испортила бы и кадку научного меда...

Объективно съезд не удался, но не в этом горе. «Первый блин всегда бывает комом». «Молодняк» не блистателен. Его плохо заправили — окрепнет, встанет на свои ноги и выпрямится, хотя бы и не все... Кое-кто из стариков отвык от научной работы, но условия, в которых многие из них находились эти годы, были тяжелы: материальная нужда, нахождение вдали от нужных библиотек, переутомление и надлом, вызванное участием в белом движении — весьма и весьма смягчающую вину обстоятельства. Скажем им спасибо и за то, что они ранее дали науке. Еще большее спасибо тем, кто и по сейчас научную работу продолжает с честью. Печально то, что настоящие ученые не съумели показать, как это потребовалось, свое общественное лицо. Получилось впечатление, что участников съезда объединило мировоззрение, делающее их силой, враждебной родному народу, стремящемуся в муках революции найти себе новые пути к свободе, довольству, счастью, благу.

III.

Идеология эмигрантских ученых особенно выявилась при обсуждении экономических, юридических, исторических докладов. Дикая ненависть к социализму, пренебрежение даже идеей социальной политики, идеей известного регулирования хозяйственной жизни государством — приобретала прямо догматический характер. Пусть более умеренные последователи господствующего течения напоминали, что, пожалуй, вопросы социальной политики еще встанут во всей их остроте в России

*) Отметим с положительной стороной доклады И. И. Лапшина, С. И. Гессена, В. А. Францева, Е. В. Аничкова, А. А. Кизеветтера, В. А. Мякотина, А. В. Флоровского, Е. Ф. Шмурко, П. М. Бицилли, В. А. Косинского, А. Н. Анцыферова, С. С. Кона, Ф. В. Тарновского, Н. С. Тимашева, М. М. Новикова, В. В. Лепешкина, И. Е. Осипова, А. С. Ломшакова, Ант. Д. Билимовича, Д. Ф. Селиванова.

**) Следует отметить, что широкого внимания публики к себе съезд не привлек. Его научными докладами мало интересовались чешские и немецкие профессора, проживающие в Праге: бывало на съезде всего четыре профессора — чеха. Здешнюю русскую колонию не заманила и политическая сторона съезда. Родственники членов съезда, несколько студентов, да два-три журналиста — вот и вся обычная аудитория съездовских заседаний.

лишь после ухода большевиков и что наука должна только определить дозы (!), в которых вмешательство в свободную деятельность предпринимателей может быть терпима... Что только экономическая свобода может обеспечить развитие производительных сил даже, в сущности, не доказывалось, принималось за аксиому. Провозглашая ее, эмигрантские ученые, как всегда, конечно, не открывали Америки. Это излюбленное положение в так называемых деловых кругах... Было время, когда этим положением увлекались и представители экономической науки. С особым блеском развивал его во Франции в эпоху Империи и Реставрации смитианец Ж. Б. Сей, а позже вульгаризировал Бастиа и его последователи. Почти целое столетие твердила французская университетская экономика набившие аскомину «зады» и лишь под влиянием Ш. Жида родилась во Франции «социальная экономия». Новейшие работы, хотя бы недавно вышедший на французском языке блестящий курс политической экономии бельгийского ученого М. Ansiaux*), указывают на дальнейшее отступление от доктрин манчестерства. Для укрепления частно-хозяйственных позиций съезду пришлось даже выслушать доклад бывшего тов. министра торговли и промышленности профессора одной из технических специальностей Н. Н. Саввина, который пропел гимн «машине» и создаваемой ею жесткой дисциплине. Рассказав довольно поверхностно о формах нормализации производств, он не отказал поделиться своими воспоминаниями о службе в Deutsche Bank и Всеобщей Компании Электричества и предложил съезду целую социологическую теорию прогресса, устанавливающую неизбежность социального отбора экономических сверхчеловеков, хотя бы за счет все равно неизбежного увеличивающегося принижения масс. Сам П. Б. Струве готов для рабочих предоставить некоторое участие в прибылях предприятия, уверенный, что этим можно достичь солидарности интересов предпринимателя и рабочего. Такие пошлые банальности из программы желтых профессиональных синдикатов повторяет известный ученый, когда то принимавший столь видное участие в русском рабочем движении, но рабочего, судя по подобным заявлениям, так и не узнавший.

Увлечение П. Б. Струве идеей экономической свободы носят несколько маниакальный характер. В своем докладе «Опыт истолкования литературных текстов с точки зрения экономической истории» он не без остроумия доказывал, что впервые определенно высказана эта идея в притче Христовой — о хозяине дома, нанимавшем работников для виноградника: «Разве я не властен в своем делать, что хочу» (от Матфея, 20, стихи 1—16).

*) Traité d'économie politique. Paris. T. I.—1020, t. II.—1923.

О том, какие же цели имеют развитие производственных сил и создание экономических сверх-человеков, никто не докладывал. Такими вопросами «христианская наука», по крайней мере, православная, не интересуется в отличие от католической и протестанской «науки», как известно, уделяющей социальному вопросу большое внимание.

Косвенным ответом явился, впрочем, доклад К. О. Зайцева. Задачей государства, объявил он, является защита хозяйственного самоопределения лица, т. е. его собственности. Ради осуществления столь важной, прямо религиозного порядка задачи, утверждали съездовские юристы, можно отказываться, хотя бы на время, и от публично-правовых свобод.

В исторической секции Г. В. Вернадский пытался идеализировать крепостное право, доказывая, что объекты оного, в некоторых отношениях, и сами могли быть как бы собственниками. Впрочем, за восстановление крепостного права он не высказывался и даже пытался восстановить репутацию ген. Аракчеева, в котором он видит гуманиста, а в его военных поселениях — первый реальный шаг со стороны государственной власти к отмене крепостного права. Некоторые недоразумения этих сообщений черезчур уж перестаравшегося докладчика вскрыл А. А. Кизеветтер.

М. В. Шахматов в докладах об «Единовластии в политической идеологии XI—XII в. в.» и «об идеале многодержавия в политических учениях русских летописей» той же эпохи возродил славянофильскую квазиидеализацию нашей старины. Нежное отношение к ней аудитории, повидимому, заставило Ф. В. Тарновского при выяснении историко-юридической конструкции руской государственности Московского периода подыскивать «самые деликатные выражения».

В философской секции на докладе профессора прав. священника С. Н. Булгакова «К философии имени» выступил священник православного обряда католической церкви В. Абрикосов с доводами чисто богословскими (о божественном и ангельском....) и докладчик подчеркнул, что доводы этого порядка для него, как философа, самые важные, ибо они не от науки, а от религии.

Религия; хозяйственная свобода; собственность; сильная государственная власть; идеализация капиталистического строя, применившего машину и сумевшего установить высшие формы дисциплины труда; идеализация милого доброго старого времени. Вот те заповеди, над разработкой которых толчется, топчась на месте, руководящая группа эмигрантских ученых. И все-же верят, что «сим победят»...

Некоторый пессимизм в отношении будущего промелькнул только в докладе Е. В. Спекторского о «Современности и средне-

вековьи». Несмотря на «солидные» политические взгляды, побудившие его на съезде в своей речи памяти П. И. Новгородцева, остановиться более не на его научных заслугах, а на его причастности к белому движению (вопреки правила: de mortuis aut nihil aut bene) в своем докладе о современности и средневековьи он не скрыл мыслей об опасностях, грозящих цивилизации, и осудил легкомыслие тех, кто не понимает серьезной остроты положения. Доклад его вызвал суровый отвод П. Б. Струве, признавшего его лишь чисто художественным произведением.

Конечно, не все могут, как Архимед, в трагический момент русской истории заниматься чистой наукой. «Полнота человеческого бытия» требует от каждого исполнения гражданского долга. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Но не все могут быть учеными, не все могут быть и политиками. Гражданский долг требует от каждого сознания своих способностей и отказа от занятия тем, к чему непригоден.

Эмигрантские ученые, пытающиеся сказать родине свое «вещее слово» только компрометируют этим доброе имя русской науки и осложняют положение тех, кто действительно работает для науки в самой России. По счастью, монополизировать пользование именем русской науки эмигрантские ученые, объединившиеся на съезде, не могут, но было бы еще лучше, если бы они вообще не говорили от имени науки. Лженауку они называют «Христианской наукой».

«Не призывайте имя божие всуе». В Ремизовских Николиных притчах есть сказ «Свеча воровская» — для вас поучительный *).

«Жил был один человек, а время было трудное, вот он и задумал себе промыслить добро, да недобрым делом. Что у кого плохо лежит — не обойдет, припрячет, а то накупит дряни какой, выйдет купцом на базар и так заговорит ловко, так выкрутит, совсем тебя с толку собьет и в три дорога сбудет — одно слово, — вор. — И всякий раз дело свое обделав, Николе свечку несет. Понаставил он в церкви свечей, только его свечи и видно. И пошла молва про Ипата, что по усердию своему первый он человек — и в делах его Никола ему помогает. Да и сам Игнат то уверился, что никто, как Никола.

И однажды хапнул он у соседа, да скорей наутек для безопаски. А там, как на грех, схватились, да следом за ним в догонку. Попадается ему навстречу старичок, так, нищий старичок, побиральщик. Ложись, говорит старик, вон в эту канаву.

---

*) А. Ремизов. Звенигород окликанный. Изд. «Алатас». Париж. 1924 г.

Ипат в качаву. А там лошадь дохлая. Он под лошадь, в брюхо то ей и закопался. Бегут по дороге люди и прямо по воровскому следу. А никому и не вдомек, да и мудрено догадаться: канавка хоть и небольно глубока, да дохлятину то разнесло, что гора.

Так и пробежали. Ипат и вышел. И старичок тут же на дороге стоит. Что, Ипат, хорошо тебе было в сырости лежать? — Ой, дедушка, хорошо — чуть не захлебнулся.

Ну, вот, видишь, захлебнулся, — сказал старик и стал такой строгий. — А мне, как думаешь, от твоих свечей слаще? Да свечи твои, слышишь, мне, как эта падаль.»

И «белая» наука — (также, как и «красная», впрочем) — воровская...

Истинная наука, конечно, не может быть ни черной, ни белой, ни красной. Для вступающего на трудный, но ведущий к великим радостям путь научного познания — наука становится самоцелью. Amicus Plato, sed magis amica veritas! Подруга, во имя которой и перед лицом инквизиторов Галилей воскликнул Eppur si muove; во имя которой другие сгорали на кострах, как Д. Бруно; гибли при производстве опытов, гибли в путешествиях; гонимы были, как древние пророки, толпой. Но овладевшие истиной, в силу опять таки особенной психологии научного умонастроения, имеют потребность истину эту употреблять на благо ближним и всему человечеству.

Достижения науки громадны. Ее культурно-творческая роль в современном обществе велика. Теперь, после всего достигнутого ею, она ведет человечество на царскую дорогу свободы и солидарности, равенства и довольства. И в то время, когда лже-наука тщетно атакует идеи гуманизма и социализма, истинная наука в союзе с лучшими представителями человечества, с передовой частью его разрешает и разрешит великую задачу гармонизации человеческих отношений. На этот путь должна выйти и молодая, уже многострадальная русская наука. На этом пути ждет ее «нечаянная радость».

Ф. Репейников.

Среди книг и журналов.

Молодежь.

Ее творчество представлено в сборнике «Перевал» (№ 1), изданном в Москве, в августе настоящего года, при редакции «Красная Новь». Журнал этот старейший и потому можно было бы думать, что материал сборника более квалифицированный, чем множества других альманахов и сборников, выпускаемых различными кружками и цехами, ассоциациями и прочими организациями молодых писателей. В редакцию входят кроме Артема Веселаго и Михаила Голодного, еще и Воронский (редактор «Красной Нови») и Казин, талантливый поэт. Основное ядро «молодых» связано с коммунистической партией и Комсомолом, но прочая «часть» — беспартийна и лишь близка к коммунистам.

Советская печать расхваливает сборник за «коммунистичность», за живость и свежесть и весьма поощрительно похлопывает каждого автора по его «писательскому» плечу . . .

Язык? — Да, язык интересный, новый в литературе, живой. Но это «завоевание» не новость. Все стали уже так писать. Пожалуй другие даже пошли дальше, связав ритм фразы с ритмом слова и звука. Ведь у каждого человека «свой» ритм. И у других русских писателей уже определенно ясно, что герои их произведений не *все* говорят одинаково.

Фон? — Да, фон рассказов есть интересный. Есть пейзажи, наброски, но в карандаше, не в красках. Только вот уж очень часто повторяется сибирская тайга и все — там, за Уралом . . . После Вс. Иванова (хотя его и упрекают советские органы, что не точен в изображении действительности сибирской) и Сейфуллиной — опять «про Сибирь», несколько однообразно.

Сюжет? — Вот на этом и хотелось бы остановиться. Не буду касаться стихов , которых довольно много в сборнике, а только скажу о прозе. Кажется, после уже многолетних споров о «сюжетности» в литературе, не приходится выяснять, в чем важность и необходимость сюжета для того, кто выступает в качестве писателя на открытой арене российской словесности. Не за чем объяснять и то, почему рассказ без сюжета не есть рассказ, а только «частный разговор».

Пересмотрим рассказы. В. Герасимов: «Не дорогие ковры». Он — артист. Она — аристократка. Голодают. Она сошлась с Нэпманом, а он пошел учить играть на рояли комсомольцев. Вот — и все.

Еще. Н. Каратыгина: «Через борозды». Рабочий сошелся с интеллигенткой. Не поладили. Она ушла к белым, а он поступил в коммунистическую партию.

Вл. Ветров: «Кедровый дух». Крестьяне-сибиряки убили агента по сбору скота для соввласти. Расправа, пострадал и техник-землеустроитель, влюбившийся в местную девушку. Она ушла с техником, а отвергнутый ею односельчанин — Василий, ушел к коммунистам.

Здесь как будто бы намечался какой то узор, но у автбра так ничего и не вышло. Его погубили описания сибирских болот, вышло длинно и не интересно. Да и об этом уж столько раз писали, писали.

Л. Логинов: «Город в овраге». Автор рассказывает, что в овраге был какой то провинциальный городишко. И жил там предисполком. Скучно ему стало, чуть не женился на кабатчице. Приехал сын из столицы. И тому скучно стало. С учительницей связался, довел ее до самоубийства. А потом оба ушли в столицу «творить коммунизм». Охотно берусь найти в «М. Правде» в отделе «партийная жизнь» не одно такое сообщение из провинциальной жизни.

Артем Веселый: «Реки огненные». Резким, крепким языком переданы эпизоды, собственно даже не эпизоды, а разговоры одного бесшабашного матроса. И даже не из периода полыхания революции, а в момент приспособления матросских команд к дисциплине.

Последняя вещь — Н. Юдина: «Крутель». Голодно в местечке. Отец посылает дочь в соседнюю губернию выменять, на барахло разное, соли. Вагоны. Давят один другого. Ценою жизни вырывают кусок хлеба. Мучилась дочка, а всетаки привезла. Отец стал продавать соль на базаре, а «Любушкина кровь болезнью срамной заржавела». Эта вещь не похожа на прочие, но разве мало о том же писал и Пильняк, и Семенов и многие другие? У Юдина нет обычного конца, как у других: «торжество коммунизма», но ведь это все уже мы много раз читали.

Я и спрашиваю: в чем же, как формулируется сюжет вышеименованных рассказов? Когда говорят: утром солнце взошло, а вечером зашло, то я утверждаю, что здесь никакого сюжета нет, а есть обыкновенное, каждодневное явление обыденной жизни. Ни занимательного, ни выдающегося в этом ничего нет. Точно так же как и тогда, когда утверждают, что «лошади едят сено». Хотя если бы лошади не поели сена, то результат бы получился известный.

Мне скажут: сюжет может быть «скелетно-прост». Хорошо, но при всяких условиях рассказ должен быть занимателен. Должна быть какая то, хотя бы самая примитивная «динамика»; как то, хотя бы самым неуклюжим способом, но сюжет должен развернуться или хотя бы «свернуться». А ведь то, что мы прочли в «Перевале», это же все будни из хроники любой газеты. В лучшем случае, это — фельетоны. То что мы прочли в «Перевале», это серо, это всем уже не только известно, но надоело. Пережевывание косточек «колчаковщины», «интеллигентщины», «аристократщины» ... Кому это интересно?

Ну, согласен, может пролют слезу «бывшие люди» ... Но для новых то, пореволюционных читателей, да еще из рабочих и крестьян, делавших революцию, неужели это может быть интересным, занимательным, захватывающим?

Скажут: это быт. Хорошо, но ведь это все «перфектум», а то и «плюсквамперфектум».

Согласен. И это еще не беда. Но беда в том, что это все картинки, которые наклеены уже во всех альбомчиках, их все знают ...

Пусть «бывшее». Но тогда оно должно быть *рассказано*, именно *сказано*, так чтобы было *что* послушать. А именно — *сказа* то и нет.

Ведь авторы претендуют на «художественные» ордена и привиллегии. Так уж разрешите и требования предъявлять «соответственно».

Каков бы ни был «быт», как бы не обволакивала его «серость», но рассказ, если это действительно сюжетный рассказ, а не газетная хроника, должен включать в себя или «комическое» или «драматическое», или то и другое вместе. А когда нет ни «того» ни «другого», то получается или серое или «пустое» место.

Пусть — «быт». Но современный российский писатель может писать только о каком быте? Революционном или пореволюционном? Но, именно, революционный быт ставит четко и обнаженно, без контрастов и «смешное» и «трагическое». Об этом ведь так много писалось и в советской печати. О том же мы слышали так много и от лиц, делавших революцию и принимавших участие в гражданской войне.

Это понятно. Когда жизнь несется вскачь, когда нет замедлений «хода», тогда нет и замедляющих «переходов», нет чего то промежуточного. Но зато, если уж смешно — так «до упаду», а если грустно — так «до слез». А вот та тепленькая водица, которой потчуют читателя авторы сборника «Перевал» ... какая же это революция? ...

Возьмите Леонова: он чувствует эту контрастность. У него есть и «белое», от которого так смешно, а есть и «черное», от которого «мороз по коже». »Blanc et noir«... Возьмите того же

Пильняка, Аросева, даже Либединского, расхваленного и Бухариным и Воронским за его «Неделю»... Разве у них не чувствуется именно революционный быт? И далее: разве в России современным писателям, молодым, не хватает «материалов»? И вот то, что пробует делать с молодежью редакция «Красной Нови», выпуская их в читательские массы, это (для тех кто следит за русской литературой) *не* непонятно.

Цитируем резолюцию XIII съезда Компартии: «необходимо сосредоточить главное усилие на разъяснении основных вопросов жизни и быта миллионов рабочих и крестьян... Основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян» (Резолюция о печати). Вот в соответствии с этим постановлнеием и «поведена» определенная линия: давать *быт* и при том так, как это было в старину, с «поучениями» и моралью.

Из молодежи, часто и талантливой, хотят сделать подражателей тем художникам, которые в старое время создали школу «передвижников». Но, всему свое время. Передвижники и в живописи, и в литературе сделали свое дело. Они уже —прошлое и довольно далекое в русском искусстве. И сейчас, когда революция еще не кончилась, поощрять, публикованием произведений, серенькую «мораль», это — даже не сводить на иные рельсы пореволюционную литературу. Это — гасить огни свободного искусства. Пусть в недавнем прошлом этим занимался Пролеткульт. Но ведь его «уплотнили». И сейчас, поощрять бездарные словоплетения, только потому, что «герой» от несчастной любви находит удовлетворение своим «страстям» в коммунистической партии, можно только «с больной головы». А ведь «Красная Новь» всетаки — «толстый» и при том литературный журнал!

Дело совсем не в «тематизме» и «направленчестве», дело даже не в «коммунизме», это все частности. Ряд блестящих призведений Толстого, по тончайшей сюжетности, были «тематичны». Чем не «направленческий», рассказ Горького, любой рассказ того периода, когда писалась «Старуха Изергиль»; помните, про Данко, который вырвал свое пылающее сердце? Но читался этот рассказ с захватывающим интересом, ибо это — произведение искусства, это вещь, написанная художником. И всетаки *сейчас* к новым произведеним художественного слова мы предъявляем уже *иные* требования. Я позволю себе привести слова того же Троцкого из его книги «Литература и революция»: «Искусства революции еще нет, но есть элементы этого искусства, есть намеки, попытки и, главное, есть революционный человек, который по образу своему формирует новое поколение и которому это искусство все более нужно» (стр. 170). Троцкий — критик, прав. Именно, есть «революционный человек».

Мы знаем: есть люди делавшие революцию и не делавшие революции, люди пережившие революцию и не пережившие революции, есть, наконец, невыдержавшие революцию и сбежавшие от нее. Вот пять категорий людей эпохи революции, о которых будет говорить не только историк, но которых и мы, сейчас знаем и видим.

Давайте их в ваших произведениях! Можно конечно и пейзажи рисовать. Но главное *люди*. Пусть это будут только портреты. Но эти ваши портреты и составят ту галлерею, которая будет именоваться «романом из эпохи великой русской революции».

Совершенно верно: сейчас написать роман — безнадежно. То же было и во время французской революции. Дюсси так и отвечал на вопрос, почему французские писатели перестали писать крупные драмы: «к чему, выйдите на улицу и вы там увидите такие драмы, каких не придумает ни один гениальный писатель». И мы знаем, что крупные романы из эпохи французской революции появились лишь через десятки лет.

Да, портреты, увражи... Трудно синтезировать, трудно провести «идею», когда для массы часто остается неясным, где настоящая «правда». А нередко выдвигается на поверхность сознания «несколько правд»... Вот почему так безнадежно пробовать в революционную эпоху давать «морализирующую» *беллетристику*. Ничего не выйдет! И мы имеем прекрасный опыт, из сборника «Перевал» ничего и не вышло. Но это — предупреждение. И не редакции «Красной Нови», которая будет очевидно считаться не с свободным искусством, а с постановлениями «такого то съезда Компартии». Это — предупреждение тем молодым писателям российским, которых «выдвижением и материальной помощью» (цитирую — из той же резолюции) хотят лишить свободы творчества, увести с путей революционных достижений в литературе российской. В частности, касаясь авторов сборника, с некоторыми талантами, хотелось бы им сказать: если хотите писать рассказы, берите человека, одного и двух, и трех, но пусть это будут люди, которые и станут говорить, «рассказывать» за вас. А если будут люди, то будет и сама собой обстановка, условия. Описания природы, так сказать, аксаковского тона, устарели.

Настаиваю: если молодежь писательскую будут заставлять писать «современный серенький опыт», да еще крыловскую мораль пристегивать — определенное количество талантливых людей будет загублено. Еще не успели они претворить «революционера», а их уже заставляют «идти на службу» по письменной части в «моральный» департамент. А ведь революция перевернула не только жизнь, но и литературные формы... Мы это уже знаем и можем доказать... И когда сейчас, в 1924 году, тащут литературную молодежь, в прошлое, в шестидесятые годы, к пере-

движникам... хочется крикнуть этой молодежи: не слушайте, будьте революционерами!

Мне скажут, что там, в шестидесятых годах был реализм, потому и сейчас возврат к прошлому реалистическому. Нет, это не верно, это школьная, предвзятая точка зрения. Тогда, не было реализма в подлинном значении, а был чистейшей воды идеализм, переходивший не редко в самую откровенную мистику экстаза. И это совсем не трудно доказать. Но суть дела не в «реализме» и «идеализме», а в том, что в России, сейчас, тащат писательскую молодежь в прошлое, вот это — недопустимо! Недопустимо с чисто литературной точки зрения, недопустимо и с революционной точки зрения, ибо мы имеем уже определенные завоевания в литературе, как в части касающейся формы, так и содержания, и отдавать этих завоеваний нельзя. Но я уверен, что они и не будут отданы.

Удивляться тому, что при диктатуре пролетариата, подвергается «давлению» определенная часть молодежи в их творческих исканиях — не приходится. И если бы «Перевал» был издан не при «Красной Нови» — о нем бы не стоило и говорить.

Для будущего же историка литературы революционной поры, благодаря изданиям, подобным «Перевалу», легче будет разобраться в том, кто из писателей был в числе «попутчиков», как окрестила советская критика писателей независимых, а кто в числе «сопутчиков», как назовем мы — писателей *зависимых*.

Вл. Тукалевский.

Заметки о русской поэзии.

(**Тэффи.** — Passiflora. Берлин. Изд. Журнала «Театр». **Сергей Рафалович.** — Август. Стихотворения. — Изд. Л. Д. Френкеля. Берлин 1924.).

Писатели комические, юмористы и сатирики, редко бывают крупными поэтами. Юмор убивает поэзию, если она сама добровольно не идет на службу к нему. Поэзии нужна известная наивность и самозабвение, которых обыкновенно чужд юморист, умный, более, чем мудрый, насмешливый к своему собственному чувству и увлечению, осторожный и здравомыслящий в кажущейся дерзости.

Н. А. Тэффи не составляет исключения из этого правила: поэтический ее дар меньше комического. Но, может быть, ее популярность, как автора юмористических очерков, рассказов из народного быта и различных песенок и пьесок, даже слишком затемняет другой лик ее творчества, излишне и не по заслугам скрывает в ней от читателей поэта.

Перелистываем небольшой сборник ее в разное время написанных стихов. Многие воскрешают в памяти символистов, встречаются напевы, родственные Федору Сологубу, Анне Ахматовой, пожалуй, даже Игорю Северянину (кто из них раньше написал то или иное стихотворение — не станем сейчас доискиваться); есть отголоски декадентства и демонизма: глаза «как черный костер», любовь — «смертельный яд», распаленный зной льет в небе «рубинности», фламинго «стремят огнекрылый взлет»; аллитерации, привычные началу XX века — «земных страстей заклятой суеты» — все подобные черты, являющиеся сейчас почти недостатками, не могли бы остановить ничье внимание. Но за ними есть другие, которые вызывают иное отношение, и среди различных мало оригинальных или интересных стихотворений находим несколько отличных вещей, которые говорят о подлинном поэтическом даровании.

Выпишем полностью одну такую пьесу, в которой явственно видны особенности стихотворческой манеры Н. А. Тэффи, слышен ее собственный голос:

Благословение Божьей денницы
Над тем, кто грешил, обманул и убил,
И стоит у ложа каждой блудницы
С белой лилией Архангел Гавриил.

И сколько знамений и сколько знаков,
Что находим и видим их не искав:
Славен во век обманувший Иаков
И, обиженный, уничтожен Исав.

Гибель кротких, радость низко порочных —
Оправдан Варавва и распят Христос...
А мы на весах аптекарски точных
Делим добра и зла единый хаос.

И чтоб было ровно и вышло гладко,
Обещаем награду в загробный срок...
Господи! Вервие разума кратко.
Господи! Кладезь твой так глубок.

Умираю... Гасну мыслью усталой...
И как все уйду, и как все не пойму...
И, плача, стараюсь свечою малой
Озарить великую Божью тьму.

Здесь острая мысль сочетается с необычайно человеческим чувством, которое сообщает стихотворению трогательную, жалостливую теплоту, лишает его холодной рассудочности.

Но здесь же мы видим тот основной прием, из которого Н. А. Тэффи извлекает наиболее удачные эффекты, которому она обязана своими самыми совершенными вещами: это — дуализм: настроения ли, тона или образов. В данном стихотворении, доброе и злое, пусть слитное в своем хаосе, вызывают ряд противоположений между человеческим разумом и мудростью божьей, которые счастливо оттеняются размеренными прозаизмами, перебивающими общий поэтический тон пьесы. В другом стихотворении мы найдем другой ряд антитез, достигающих, однако, столь же сильного впечатления.

«Ты меня, мое солнце, — Все равно не согреешь, — Ты горишь слишком тихо, — Я хочу слишком знойно». — так начинается эта пьеса, ведущаяся на простом разговорном языке, поддерживающем драматичность темы, и доходящая через ряд все усиливающихся противоположений до заключительного аккорда:

— «Ты меня, мой любимый, — Все равно не полюбишь, — Я горю слишком ярко, — Ты возьмешь слишком просто».

Наконец, в лучшей, может быть, вещи всего сборника «Ангелика», эта же черта находит выражение в противоположении старой, горбатой и худорожей Федосьи ее душе — синеокой и златокудрой красавице, которую ангелы называли Ангеликою. И когда умерла Федосья, ее «зарыли, забыли» под забором, а за душой ее сам Христос из чертога горнего вышел к ней навстречу с Богоматерью и в небе ударили «в солнце колокол». И опять два строя речи употребляет поэт, говоря о земном, слишком земном, и о небесном.

И тут мы опять находим тот же мотив, который заключал первое приведенное нами стихотворение:

Пожалей нас, детей твоих, Господи,
Что слепы мы до смерти от младости,
Что, слепые, не видим мы, Господи,
Пресветлой Твоей Божьей радости.

Так, в поэтическом творчестве, в проникновении в духовную сущность людей, явлений и мира ищет Н. А. Тэффи спасения от того внешнего постижения их, которое дает разум, от той людской и рассудочно насмешливой оценки их, которую ей нашептывает ее ирония и юмор.

Какой смысл писать стихи? — спрашивает Сергей Рафалович, — какой смысл бросать их в мир, «как в решето, где звук и речь бесследно тают?» — и сам отвечает:

«Глупей занятия, чем то,
Игры бессмысленней не знаю».

В другом месте он задает себе другой вопрос:

«К чему глядеть на зыбкую волну
Иль челноку свое доверить тело?
Вчера тошнило, завтра утону,
Сегодня мне все это надоело».

Надо удивляться, что человек такой глубокой культуры, таких глубоких умственных запросов, как Сергей Рафалович не чувствует всей бесвкусицы этих строк, не видит своей технической беспомощности в обработке таких тем, не сознает, наконец, того, что юмор совершенно чужд ему. Но, к счастью, таких мест в его последнем сборнике немного, и они являются исключениями, которые, однако, то и дело сторожат его.

Стихи его полная противоположность поэзии Н. А. Тэффи: в них именно нет человеческой теплоты, которая является достоинством лучших ее вещей. У него, если чувство, то непременно страсть. «Плоть моя напряжена, как лук»; его тоска может спалить «белые стены до тла», и т. д. И в них есть именно та разнузданность, которой так счастливо избегает Тэффи. У последней, поэзия — отдых от привычного юмора, у С. Рафаловича — стихи продолжают обычный ход его мыслей, и не всегда кажется для последних необходимой та стихотворная форма, в которую оне заключены.

Вероятно, именно поэтому его стихотворения часто не кажутся оригинальными или новыми, кажется, что эти мысли уже встречал, слышал с разных сторон. «В нас проснулись темные монголы, — И рты оскалил гортанный зык», по России — «прошел с повязкой красной на челе — Двойник Христов, мертвящий и растленный»; «В земле не корни — провода, — Не крылья в небе — гул моторов» (конец строфы — срыв в уже отмеченную бесвкусицу: «А город хрюкает, как боров, — И не уходит никогда»); торжество механики заставляет поэта задать реторический вопрос: «Но чей, но чей во всех словах — Все явственней злорадный хохот?» — разве все это не знакомые рассуждения, не слишком обыкновенные для поэзии мысли? И когда автор, рассказав об ужасах России, возмущенно восклицает о невозможности попрежнему жить и любить, это звучит — так банально, что предпочитаешь оптимизм Н. А. Тэффи, которая в моменты

самого большого горя не соглашается признавать себя несчастной на том основании, что где-нибудь, может быть, хорошо и что, может быть, и к ней вернется ее возлюбленный.

Необязательность стихотворной формы проявляется, между прочим, и в том, что редко она достигает нужной чеканки, когда мысль полностью и отчетливо укладывается в фразе, когда рождаются меткие эпитеты, яркие характеристики. Забавный бег различных размеров в стихотворении «Люби — приказанье», значительно испорчен этим; удачная мысль: «а завтра — это дальний край, — Кусок совсем иного мира, — откуда ни один трамвай — Не возвращает пассажира», — не обрела краткой формулы в двух неудавшихся стихах: «А завтра — это вечера, когда грустишь о том, что было». Также испорчена заключительной строчкой звонкость «родословной»: «И горжусь своею родословной, — С большим правом, чем из вас любой».

Но, несмотря на эти недостатки, стихи Сергея Рафаловича, рассудочные и интеллектуальные, как все его творчество, представляют интерес именно тем, что они насыщены мыслями. Однако, больше всего нам понравилось во всем сборнике самое беспритязательное стихотворение о том, как миллиардер Герберт Пирс, проигравшийся в карты, сам обокрал свою квартиру и попал, наконец, под суд, как «грабитель собственного дома»:

Всякий суд не плох и не хорош,
Лишь бы судьи честно рассуждали:
Герберта за кражу оправдали,
Но оштрафовали за дебош.

И автор делает заключение, которое любопытно сопоставить с приведенными выше стихами Н. А. Тэффи: разница между поэтами здесь особенно ощутительна:

Господи, — опустошить свои
Дом иль душу всякий Герберт может.
Не суди ни праведней, ни строже
Темного нью-йоркского судьи.

Выскажем надежду, что поэт не откажет и нам в признании того, что в оценке его стихов мы были столь же справедливы, как полюбившийся ему новый Соломон из Нью-Йорка...

Евг. А. Зноско-Боровский.

Естественные производительные силы России.

В 1915 году в «Известиях Академии Наук», академик В. И. Вернадский писал: «Мы сейчас находимся в таком положении, что по отношению к целому ряду естественных продуктов мы не знаем, есть ли они у нас или нет, а если есть, то в каком количестве, так как мы привыкли получать их извне и отвыкли искать их у себя» (стр. 682). Во время войны вопрос о естественных богатствах России по многим соображениям интересовал русское общество и в Москве, во главе с А. И. Коноваловым был создан даже специальный журнал «Производительные силы России». (Первый № вышел в ноябре 1916 года). Активное участие и энергию в этом вопросе проявила Академия Наук. В 1915 году же состоялось специальное заседание Физико - математического отделения Академии, которое и составило записку о необходимости образования Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Такая комиссия образовалась при Академии и под наименованием «КЕПС» широко развила свою деятельность. Было решено собрать все материалы, рассыпанные в различных изданиях, журналах и сборниках, пересмотреть всевозможные отчеты об исследованиях и описаниях районов России и из всего этого материала выбрать все — что раскрыло бы те богатства природные, которыми владеет Россия и ее народы. Секретарем комиссии был назначен А. Е. Ферсман и уже в 1915 году началась издательская работа КЕПСА. Редакционным Комитетом комиссии руководил академик А. П. Карпинский. После революции комиссия продолжала работу и не смотря на самое тяжелое время и в бытовом и чисто типографском отношении — годы 19 и 20-й были одними из самых интенсивных. Мы имеем данные за первые пять лет работы КЕПСА.

По годам количество отпечатанных изданий распределялось таким образом:

1915 г. —	85	стр. —	6	печ.	лист,
1916 « —	732	« —	46	«	«
1917 « —	416	« —	26	«	«
1918 « —	893	« —	56	«	«
1919 « —	2038	« —	128	«	«
1920 « —	2026	« —	127	«	«

Мы не имеем данных за последующие годы, но имеются сведения, что деятельность комиссии как издательская, так и исследовательская — продолжались.

Первым изданием комиссии — было: А. Е. Ферсман — «Русские месторождения сукновальных глин и близких к ним веществ» (с аналитическими данными Ф. А. Николаевского). Следующими номерами шли издания, посвященные: лекарственным растениям, литию, барию, вольфрому, олову, аллюминию, табачной промышленности, колчедану, платине, исландск. шпату, ценным деревьям, мясному делу, плавильовому шпату, и т. д. Каждая книга написана специалистом или несколькими специалистами. Приведем некоторые названия:

Н. М. Кулагин. — Современное положение вопроса о русском воске. (№ 20) 1919 г. — стр. 153.

В. Н .Мобилянко. — Чай и его культура в России. (№ 22) 1919. стр. 128.

З. В. Костецкий. — Свекла в Западной России и Польше. Общая сводка. I. (№ 25). 1919. стр, 62,

Э. Ю. Зеленский — Свекла в Западной России и Польше. Исторический обзор и селекция сахарной свеклы. II. (№ 26). 19 г., стр. 103.

Сборник: «К исследованию озер юга России». 1. О составе грязи, рапи и соли Эльтонского озера — **Н. Н. Ефремова.** 2. Бакинские иодные озера — **Г. Г. Уразова.** 3. К Геолого-минерологическому обследованию Сакского озера — **А. С. Ферсмана.** (№ 28). 1919 г. стр. 78,

В. И. Мейснер. — Каспийские кильки и их возможное промысловое значение. (№ 29). 1919 г. стр. 12,

В. Н. Чирвинский. — Фосфориты Украины (№ 30) 1919 г. стр. 52.

А. Д. Стоиневич, В .И. Искюль, Б, П, Овсяников. — Тихвинский боксит в геологическом, химико-минерологическом и техническом отношении, под ред. **П. Я. Земятченского.** Приложение: **М. Н. Боголепов.** — Экономические условия насаждения алюминиевого производства. (№ 31) Стр. 70.

И. А. Каблуков. — Мед. (Приложение — М. И. Боголепов. — Мед в народном хозяйстве). (№ 32). 1920 г. стр. 112.

В. Т. Хлопин. — Бор и его соединения (№ 33). 1919 г. стр. 86.

И. И. Гинзбург. — Слюда, ее свойство, применение и распространение в России. (№ 34), 1920 г. стр. 128.

Каждый выпуск заключает в себе научное введение о свойствах описываемого предмета. Дается подробное описание мест его рождения, с приложением соответственных карт. В конце обычно приложена подробная библиография. Кроме этого ряда изданий комиссией выпущен ряд монографий о: строительных материалах, кустарной промышленности драгоценных и цветных камнях, различного, рода описания коллекций и справочник.

Комиссией выпускались также «Известия» состоящих при комиссии исследовательских институтов: Института физико-химического анализа и Института для изучения платины и других благородных металлов.

Выпущен КЕПС'ом также большой сборник под наименованием: **«Естественные производительные силы России»** в шести томах.

Том I-ый — «Ветер как двигательная сила».

Том II-ой — «Белый уголь».

Том III-ий — «Артезианские воды».

Том IV-ый — «Полезные ископаемые».

Том V-ый — «Растительный мир».

Том VI-ой — «Животный мир».

Причем каждый том состоит из ряда выпусков, рассматривающих отдельные виды естественных богатств.

Так, например, том VI-ой состоит из 25 выпусков: Общий обзор, лошади, рогатый скот, верблюды, овцы, козы, кролики, свиньи, голуби, пчелы, олени и т. д. При чем, например, выпуск «Рыбы» составляет 148 стр. Каждый вид рыб описан специалистом, указаны места где эти рыбы водятся. Приведены сведения о количестве вылавливаемых рыб; даются в отдельных случаях и цены на отдельные виды рыб, по годам. В конце дана литература на русском и иностранных языках.

IV-ый том состоит из 45 выпусков с описанием различных полезных ископаемых: железа, меди, серебра, цинка, различных солей, угля и т. п. Выпуск посвященный «Ископаемым углям» составлен геологическим комитетом с введением П. И. Степанова. К выпуску приложен ряд карт. Множество таблиц и материалов, иллюстрирующих статьи известных специалистов и исследователей угольных бассейнов, позволяют судить о том, где, и сколько есть угля и каковы подробные условия его добычи. В сборнике около 400 страниц.

В выпуске, посвященном золоту помещены по обычному типу — сведения и приложена карта золотоносных районов Сибири и Урала. Из приведенной статистики яв-

ствует, что Россия к моменту мировой войны по сравнению со всеми прочими странами по количеству добываемого золота стояла на четвертом месте и ее добыча составляла около $^1/_{10}$ части всей мировой добычи. В то же время видно из цифровых данных, что по размерам своих золотоносных районов Россия превосходит все другие страны. Даны самые подробные сведения о количестве, качестве и способах добывания золота на Урале, в Западной Сибири, в районе Енисея, в Забайкальи, Приамурьи. Общее число приисков в 1913 году было — 1720 и добывали они 2243 пуда золота. В 1899 году было 1921 приисков и добывали они 2376 пудов. В среднем на 1 предприятие в 1899 г. было 1,24 пуда, а в 1913 г. 1,31 п.

Нужно отметить, что описываемый нами сборник, составляющий фактически целую библиотеку, рассчитан на промышленных и общественных деятелей, чтобы каждый из них мог получить необходимую справку. В целях широкого распространения изданий Академия Наук решила выпускать эти все книги по себестоимости.

Работа КЕПС'а продолжается, напечатан огромный материал и теперь можно сказать с удовлетворением, что в результате дружной работы русских ученых в самые тяжелые времена — русские люди могут сказать, наконец, чем и в какой степени богата Россия.

Б.

Отзывы о книгах.

Литература.

Раб. Тагор. Гора. Из-во «Петроград» 1924.

Новый роман Тагора изображает столкновение двух миров Индии: с одной стороны консервативный индуизм, пытающийся сохранить древние обычаи и суеверия, дух касты и религиозные предания — с другой либеральное движние Брамо Самадж, влекущееся к западной цивилизации и проникнутое свободолюбивыми началами. Молодой вождь индуистов Гора надеется возродить Индию ревностью к священному преданию и непримиримым исполнением законов религии. Он резко осуждает своего друга Биноя, сблизившегося с семьею Пареша бабу — одного из столпов брамаистской общины — и даже собирающегося жениться на его дочери Лолите. Но и сам Гора влюбляется в дочь Переша бабу — Сэхариту. Любовь заставляет и Биноя, и Гору произвести целую переоценку ценностей и приблизиться к пониманию «истинно человеческих отношений». Мало того: оказывается, что Гора — апостол традиции и вождь индуистов — сын англичанина и не может почитаться достойным членом общины. Но это открытие сразу просветляет Гору. Он отказывается от своей кастовой узости, от своего слепого преклонения пред застывшими формами быта: он становится **сыном Индии,** и для него нет разницы между индуистом, мусульманином или христианином. «Теперь всякая каста Индии — моя каста, пища ее народа — моя пища».

Русскому читателю этот роман, являющийся, в сущности проповедью высокого национального чувства, облагороженного стремлением к благу и справедливости, в отличие от слепого шовинизма, может

показаться несколько растянутым (в нем 432 стр.). Но помимо отдельных мест, тонко разрабатывающих душевные конфликты действующих лиц, или чудесных лирических страниц, роман Тагора имеет еще особый интерес как своеобразное свидетельство тех общественных и умственных движений, которые недавно волновали Индию. Он раскрывает перед нами огромный и незнакомый европейцу мир, в котором началось сейчас крупное брожение и искание новых форм жизни.

М. С.

С. Берже. В то время, как он сражался. «Всемирная Литература». Госиздат. 1925.

Французская художественная Литература, посвященная войне весьма велика. В ней имеются произведения значительные: романы Барбюса, рассказы Дюгамеля, произведения Доржелеса и Р. Бенжамэна. Но большинство «военных» романов и рассказов — скучно или тенденциозно. К большинству принадлежит и роман С. Берже, описывающий скромную жизнь приказчика скобяной лавки Арсена, его страдания и злоключения на войне и тяжелую смерть в тылу — все на фоне буржуазной хвастливости, сытого мещанства и трусости.

По мысли автора Арсен должен был изображать тип «безыменного солдата», одного из тех миллионов, которые сгинули с лица земли в кровавое пятилетие. Но у автора не хватило таланта и уменья превратить свой рассказ в живое и волнующее творение искусства — и непонятно, зачем это прилично-тусклое произведение удостоилось чести перевода и выхода в свет в наше не столь уж богатое книгами время.

М. С.

Алексей Ремизов. «Звенигород окликанный». «Николины Притчи». Издательство «Алатас». Париж. 1924 г. стр. 158).

Ремизов — писатель, которого будут не только читать, но и изучать. Уже и теперь так часто слышим: «пишет под Ремизова, школа Ремизова, язык Ремизова» и т. д. Книги Ремизова принадлежат к таким книгам, о которых трудно писать «обычную рецензию» в несколько десятков слов. Или надо просто отметить, что вот еще порадовал российского, а в последнее время и иностранного, читателя, Алексей Михайлович, новой своей книгой (почти каждая книга Ремизова переводится на языки разных народов), или надо писать большую статью. Каждая фраза у Ремизова «со значением», мало того, еще и фраза эта на странице напечатана — одна ближе к краю, другая дальше, а то и по середине. Нет «лишних» слов, нет «напрасных» слов, за каждым абзацем таится та «мудрость» народная, которую так близко, так чутко «чует» Ремизов.

Яснее, ближе чем кто либо, особенно из современных писателей, почуял Ремизов, часто простые, краткие народные слова ну, хотя бы, то же: «оно — конешно»... А в этих то буквах, звуках — целая «философия». Больше: недодуманное мужиком, Ремизову — ясно. И вот эту то правду народную, эту истину простонародную, Ремизов нашел слова **выразить.** А ведь часто слышим только будто звуки, и

они для нас — «невыразимые». Ремизов нашел ключ к этим звукам несказанным. Оттого то и быть ему, Алексею Михайловичу: **ключарем российского слова.**

Признаюсь, как то совестно, пересмотрев «Звенигород Окликанный», писать «тридцать строк». Эта новая книга «Притчей Николиных» с каждой страницей раскрывает не только народную, русскую, самобытную мудрость (не философию!), она объясняет «поступки» народные, тайны народные, надежды и упования. Именно сейчас, когда так много судят о русском народе, хочется сказать многим: прочитайте «Звенигород Окликанный», эти Притчи Николины и вы почувствуете ту правду, какой не расскажет о русском народе никакая «диссертация».

Все притчи Николины, а их много собрал Ремизов, оттеняют, каждая, особую черту народного характера. И его поверия, и его суеверия, и его представления о судьбе и доле, о жизни настоящей и «будущей». Так бы и хотелось действительно писать «ученую статью» по рассказам Ремизова, как это делается применительно к произведениям народной словесности. Но суть то в том, что «притчи Ремизова» это не обычный знакомый нам материал, а очищенный от ненужного, лишнего слова; взято все метко, а главное «правильно». Так сказано, что не отличишь от народного сказа.

Еще черта — все читаешь: Никола, — такой, сякой — Никола, он «все может». И чем глубже проникаешь в Николины чудеса, тем яснее, что Николу то создал сам народ, таким, каким его он знает, — он «все может»; а это и есть то русское «авось», «вывезет» — за что так попадает от всех русским людям за их «непрактичность». А Никола то и есть это — «вывезет». При чем не в том безалаберном отношении, отрицательном, а в самом лучшем: твердая уверенность в своих силах, вера в себя, **в человека.**

Еще одно. Ремизов как то сумел так рассказать и представить и самого Николу и других угодников, что они и чудеса творят, а как будто они и не святые. Мало того, тот же Никола, из любви к страждущим, научает их как обмануть другого и сам обманывает Илию пророка. И когда на небо приходит Никола с посошком, то святые угодники вместе с ним там же на небе кашу едят и пирог с горохом да капустою. Питием — райским запивают.

Все — как люди. И рассказано это все так, что иначе и нельзя рассказать. Потому что и народ сам так все рассказывает.

Повторяю, нельзя о «Звенигороде» несколько строк писать. Каждая притча, это материал для специального исследования. Но в то же время, каждая притча — открывает все новые страницы в «книге живота» народа русского, а может быть и не одного русского? Недаром эпиграф стоит по украински: «А що буде як Бог помре? — А Микола святый на що?»

Когда прочитываешь притчу за притчей, видишь все новые грани, новые чувства, и понимаешь богатство души народной, народной мудрости и силы. Книгу Ремизова можно назвать самой современной книгой в переживаемый всеми нами и здесь, и в России час.

Вл. Т—ский.

Современный Запад, журнал литературы, науки и искусства. Книга первая (пятая) 1924 г. Стр. 233. Ленинград. «Всемирная Литература» Госуд. Изд—во. Завод 4.150 экз.

Новая книжка журнала составлена даже более интересно, чем предыдущие. Юбилей Великой войны отмечен началом собрания образцов поэзии войны и революции. Пока даны французские поэты П. Жув, Дюамель, Мартине, Гарвье, А. Жак, Гильбо — в переводах А. Эфроса и др. Впервые знакомится русский читатель со своеобразным гением скончавшегося два года назад французского романиста М. Пруста, изящную характристику дал его В. Вейде. Сам Пруст дан в отрывках из романа. «В стране Свана». Недавно скончавшаяся новелистка К. Мэнсфильд, которую критика называла английским Чеховым, представлена рассказом «Брак по моде», почему то пропущенным в оглавлении журнала. Сильное впечатление производит пьеса Л. Пиранделло «Шесть действующих лиц в поисках автора». Закончено печатание романа П. А. Ампа «Искатели золота». К сожалению, в последнее время это положительно становится обычным в советских журналах — печатать то, что вышло уже в виде книги.

По философии дана заключительная глава из книги Б. Росселя «Анализ мышления»; по искусству увлекательный этюд о французском композиторе Эрике Сати — А. Колле, статьи о театре, архитектуре. Библиография и хроника весьма обстоятельны и разносторонни. Внешне — издание элегантно.

Жаль только, что цена журнала высока: подписная цена на год (6 книг) — 15 руб. (за границу на 50% выше). Это делает «Современный Запад» доступным для немногих, тогда как он заслуживал бы самой широкой аудитории.

А-ч.

Кооперативное книгоиздательское Товарищество «Колос», 1918—1923. Ленинград, 1924. стр. 104, Завод 2.000.

Настоящая изящно изданная книжка представляет любопытный материал об одном из частных издательств, работающих в России. Т-во «Колос» было основано 11 июля 1918 года в целях «содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации их личного труда». Пай был определен в 50 руб. зол., количество наемных рабочих не должно было превышать 20% числа пайщиков.

«Колосу» удалось издать довольно много книг:

Годы	Общее колич. отпечат. листов в сотн. тыс. лист.	Сред. тираж книги в тыс. экземпляров
1918	14,9	17
1919	9,9	11,7
1920	8,9	9,1
1921	8,2	5,2
1922	4,3	2,5
1923	3,7	2,5

Всего вышло 69 изданий, 709 листов.

Тираж изданий в начале революции был очень велик. Но, когда механическая разверстка книг сменилась запросами рынка, пришлось возвратиться к тиражам довоенного времени для серьезной литературы. Судя по воспроизведениям в отчете книжных обложек и книжных украшений уже появившихся изданий «Колоса», (к сожалению, сопровождаемых довольно неудачными объяснениями Э. Голлербаха), издательство очень озабочено художественной стороной дела, чего нельзя сказать о выборе издавае-

мых сочинений, крайне разнокачественных*).

Оригинальной особенностью отчета является обстоятельная справка о библиографических отзывах по поводу изданий «Колоса» в советской и зарубежной печати.

А-ч.

История.

В. А. Мякотин. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII в. Том I вып. 1 стр. 288, изд-ва «Ватага» и «Пламя». Прага, 1924 г.

«Первый том очерков посвящен истории землевладения и сословий в лево-бевежной Украине XVII—XVIII в. Второй том должен заключать в себе собственно историю крестьянства этой эпохи». Наконец, в третьем и последнем томе автор «предполагал дать своего рода цифровой итог вековой истории гетманщины» (главным образом на основании Румянцевской описи Малороссии 1767—8 г.). Повидимому, название книги шире ее содержания. Судя по этой программе труда и I-му выпуску I-го тома, внимание автора сосредоточивается на сельских сословиях и на формах землевладения. Город, торговый и ремесленный классы пока совершенно не затрагиваются, а по схеме книги им может быть отведено место только во втором выпуске первого тома. Да и к сельскому населению исследователь подходит только в области земельных отношений. Для социальной истории это недостаточно.

Тем не менее, книга В. А. Мякотина является выдающейся. В то время, как по истории великорусского крестьянства наука уже накопила материал, история малорусского крестьянина, которую автор характеризует, как беспримерно трагическую, освещалась пока сравнительно скудно. «Скасованная козацкою щаблею» шляхетская крепостная власть над крестьянином, как выясняет автор — вопреки укоренившейся у историков точке зрения — скасована была не до конца, и часть крепостей нашла себе признание и в новых условиях жизни, созданных восстанием Богдана Хмельницкого. Правда, шляхтичей, участвовавших в его «экспедиции» и несших «працу войсковую», он готов был охранять вплоть до угрозы смертною казнею. Обломки строго порядка сохранились и в имениях таких шляхтичей и в монастырских владениях, даже распространившихся и расширивших власть над крестьянином... Хотя в целом складывавшийся после восстания «общественный строй был много проще, самое общество — несравненно однороднее», чем в эпоху польского владычества; хотя возможность перехода из одной социальной группы в другую теперь предопределялась «свободным выбором, в основе которого все чаще ложились экономические причины» — начавшееся вновь расслоение, ускоренное мероприятиями гетманов и Московского правительства и привело через 130 лет после восстания к реставрации крепостного права. Борьба за землю между владельцами имений, с одной стороны, и свободными селянами (казаками и посполитыми), с другой стороны,

*) За последнее время выбор книг изд-вом производится строже.

повела к распадению и господствовавшего в половине XVII столетия общинного землевладения. «Суд и администрация освобождались от контроля народных масс и пропитывались владельческими тенденциями».

Работа начата была В. А. Мякотиным еще в 1890 г. Около 12 лет изучал, собирал и разрабатывал он архивный материал в Киеве, Петербурге, Москве, Чернигове и Полтаве. Обстоятельства личной жизни оторвали его от начатой работы, частями печатавшейся в разные годы в «Русском Богатстве». Написанная по первоисточникам, в обычной для автора ясной и художественной манере, работа эта является крупным вкладом в науку.

Представляет она интерес и для широкого читатля, для которого социальные сдвиги, переживаемые Россией, и их перспективы могут стать понятными только после ознакомления с социальной историей государства.

Политика.

«Техника большевистского подполья». Сборник статей и воспоминаний. Выпуск 1, стр. 298, вып. II — стр. 176. «Истпарт» — Гос. Изд. Москва, 1924. Завод 2.500 экз.

Наиболее интересны в этом сборнике воспоминания Л. Б. Красина, очень характерные для их автора и нелишенные значительности по сообщаемым им данным. Обстоятельно освещается финансовая поддержка большевиков Саввой Т. Морозовым и отмечается, между прочим, помощь им и со стороны М Горького, В. Ф. Комиссаржевской. Имеются в сборнике (кстати сказать иллюстрированном) воспоминания В. Бонч-Бруевича, А. Енукидзе, П. Лепешинского, В. Богомолова и др. Особенно много уделено внимания той технической изобретательности, которую проявляли герои подполья.

Сборник, как и большинство изданий «Истпарта», весьма и весьма выйграл бы, если бы материал представлен был читателям в гораздо более сгущенной, сконцентрированной форме. Количество иногда не только не переходит в качество, но и уничтожает его.

Ф. Р.

А. А. Поливанов. Мемуары, Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Под ред. А. А, Зайончковского с предисловием Мих. Павловича, том I, Москва «Высший Воен. Рев. Совет», 1924, стр. 240. Завод 7.250.

Мемуары Поливанова, написанные весьма деловито и даже сухо, не лишены внутренней эффектности. Читая книгу, убеждаешься, что редактор издания правильно характеризует автора мемуаров, как «чиновника правого образа мыслей и самых верноподданнических чувств». Карьерист до мозга костей, весьма недалекий и недаровитый, если не считать способности ловкого лавированья в сферах, уменья приобрести покровительство вел. кн. Николая Николаевича, поддержку А. И. Гучкова, посредником или случайной связью которых он был.. К сожалению, Поливанов в записях не всегда откровенен и старается ослабить значение своих сношений

с лидером октябристов. Зато он не конфузится заносить в Дневник о своих визитах Дубровину...

Было бы хорошо, если бы к следующему тому мемуаров были приложены оставшиеся после смерти Поливанова заметки периода его советской службы. Тогда читатель мог бы более уверенно и четко составить себе характеристику того, кого почему то считали самым либеральным после Милютина царским военным министром.

Л.

Эмиграция.

В. В. Руднев. «Русское дело в Чехословацкой республике», Прага 1924 г. Стр. 54.

В зарубежной печати до сих пор не появлялось еще исчерпывающего описания той огромной «русской акции», которая производится в Чехословакии. Брошюра В. В. Руднева пытается восполнить этот пробел. К сожалению, она его далеко не восполняет.

Хотя в предисловии издатель сам оговаривается, что брошюра «не претендует на всестороннее исчерпывающее описание всего того, что делается в Чехословаики в интересах русской культуры», и что большая часть брошюры является лишь отдельной главой специальной работы о зарубежной русской средней и низшей школе, тем не менее название обязывает и автор, решившийся выпустить отдельным оттиском и под таким громким заглавием свой очерк, должен был бы более внимательно отнестись к задаче, поставленной издателем, констатирующим что **«в русской печати до сих пор еще не освещена глубокая по своему смыслу и грандиозная по размерам своим современная «русская акция» чехословацкого народа, знать и понимать которую должны не только близко стоящие к делу люди, но и широкое общественное мнение».** Правда, автор понял, что ограничиться главой о средней и низшей школе нельзя и прибавил, чтобы оправдать название, 18 страничек, на которых не уместилось и самое короткое перечисление различных видов «русской акции» и «русского дела» в Чехословакии. Давши фактические сведения о размерах и характере помощи, оказываемой чехословацким правительством русским гражданам, автор бегло останавливается на русской и общеславянской политике Чехословакии, основываясь, главным образом, на «Воспоминаниях» и «Славяне после войны» Масарика и на статьях «Смысл Чешской революции» и «Славяне и Западная Европа» Эдуарда Бенеша (все эти произведения знакомы читателям «Воли России», где они в свое время печатались). Предпосылаемое автором весьма легковесное изложение взглядов Колара, Шафарика, Палацкого, Гавличка и др., не дает ясного представления читателю о связи, вытекающей из этого изложения с «русским делом» в Чехословакии.

После обзора русского школьного дела, (по существу это рассказ, главным образом, о Тршебовской гимназии, которой посвящено около 10 страниц), Руднев дает более или менее распространенный перечень русских культурно-просветительных учреждений в Чехословакии. К сожалению, вероятно, в виду того, что

автор живет и работает не в Чехословакии, а с русскими учреждениями мог ознакомиться лишь случайно, при кратковременных наездах в Прагу или по наслышке, обзор его далеко не полон и страдает рядом пропусков и недочетов. Главный недостаток работы Руднева заключается в том, что хотя он и назвал ее «Русское дело в Чехословацкой республике», но инициативы **русских людей** он в ней не показал. Весьма странное впечатление производит полное, совершенно необъяснимое, мы бы сказали, умолчание имен тех, кому с русской стороны принадлежит инициатива русского дела в Чехословакии, которое имеет и будет иметь огромное значение в истории обоих народов. Сам г. Руднев пишет, что в отличие от других стран чехословацкое правительство, выполняя свою знаменательную программу русского дела, прибегло к иным методам и к сотрудничеству с **«иными категориями»** русских общественых деятелей, чем правительства Польши, Югославии и Болгарии. Но каковы же были эти «категории»? Весьма жаль, что г. Руднев, составляя свою брошюру, не прочел чехословацких книжек о чехословацкой акции в России. Тогда бы он увидел, с каким вниманием, в отличие от него, чехословацкие авторы отмечали имена чехословацких инициаторов «чехословацкой акции» в России. В виде курьеза отметим, что даже имена И. М. Брушвита и В. Я. Гуревича, и В. М. Зензинова, проделавших огромную инициативную работу, ни разу не упомянуты в этой брошюре, названной «Русское дело». Непосвященный читатель, прочитавши ее, так и не поймет, что же это за «категория» «Земгор» и чем она отличается от всевозможных русских учреждений Белграда, Софии, Польши и др., не сумевших выполнить той работы, которую выполнило пражское «Объединение земских и городских деятелей». Это умолчание имен представляется тем более странным, что оно касается, главным образом, лишь членов как раз той «категории» русских общественных деятелей, которые явились не только пионерами и инициаторами, но и долголетними работниками русского дела в Чехословакии. Говоря, например, об архиве русской эмиграции, г. Руднев упоминает имя почтенного профес. Кизеветтера, который, по словам самого же автора, только еще «станет во главе особой ученой комиссии» при этом архиве и не упоминает о В. Я. Гуревиче, создавшем этот архив и им управляющем. Говоря о Народном университете, он «забывает» упомянуть о ряде лекторов, принимавших близкое участие в основании «Нар. Унив.» и постоянно читающих в нем лекции, как В. Г. Архангельский, М. Л. Слоним, В. Я. Гуревич, и др. Говоря о Муниципальном Бюро он воздерживается упомянуть имя Г. И. Шрейдера!.. Пропущены также имена деятелей, положивших начало культурным и просветительным учреждениям в Словакии и Подкарпатской Руси и не мало поработавших и впоследствии над их развитием. Отметим, что все эти деятели социалисты и В. Рудневу естественно было бы с гордостью отметить их культурную работу.

Эти наши замечания вызваны не только чувством справедливости, но и тем соображением, что когда книги с названием «Русское дело» в

Чехословакии или, в другой ли стране, пишутся **русскими,** то как бы они не были спешно написаны и малы, они должны быть беспристрастным изложением и **русского** участия в этом деле.

Книжку В. Руднева можно рекомендовать только тем читателям, которым уже известна постановка русского дела в Чехословакии в виде весьма неполного справочника культурных русских учреждений в этой стране.

Желательно, чтобы после этого первого неудачного опыта русские инициаторы и руководители «Русского дела» в Чехословакии приступили бы к изданию труда, который дал бы исчепывающую и беспристрастную историю развития и нынешнего положения «русской акции» и всех связанных с ней начинаний.

Б. Ар.

Ответственный редактор **И. Давид.** Издатель **Е. Е. Лазарев.**
Исполнено «Легиографией». Praha II., Revoluční 6.

ПЛАМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СОБСТВЕННЫЕ СКЛАДЫ:

„РОДИНА“	„ПЛАМЯ“	„ПЛАМЯ“
BERLIN-Charlottenburg, Kantstrasse 24.	PRAHA II., Ječná ulice 32. Почт. чек. счетъ 205.307. Телефонъ 9416.	Warszawa, Necala 4.

ОТДЕЛЕНИЯ И КОНТРАГЕНТСТВА:

„РУССКИЙ ТЕРЕМ“, Братислава - Bratislava, „Ruský Terem“, Na Priboji.

„НАША РЕЧЬ“, Брно - Barvič a Novotný, knihkupectví. Sklad „Naša Rječ“, Brno, Česká ulice 13.

„РОДНАЯ РЕЧЬ“, Мукачево - „Rodnaja Rječ“, knihkupectví, Mukačevo. Podkarpatská Rus.

„ПЛАМЯ“, Прятев - „Plamja“, knihkupectví, Prešov, Masarykova ul. čís. 26. Slovensko.

„НАША РЕЧЬ“, Ужгород - „Naša Rječ“, knihkupectví, Užhorod. Podkarpatská Rus.

„ПЛАМЯ“, Нью-Iорк - B. W. Morkovin, Czecoslovak. Consulate General, 31 East 17 st. New-York. U. S. A.

Д. И. ПОЗДНЯКОВ, Харбин - Charbin. Пристань, Пекарная ул. 401. China.

Е. В. НОВИЦКИЙ, Гельсингфорс - E. V. Novizkij. Helsingfors, Elisabethgatan 29. Finland.

А. И. ВАЛЬКОВИЧ, Ковно - A. I. Walkovitsch, Kaunas, Baligudzin Atstovybe. Witautas prosp. 30.

Н. П. ЕПИФАНОВ, Ревель - N. P. Epifanov, Reval, Veue Boiti tch. 121. Estonia.

М. I. СТЕФАНОВИЧ и Ко., Бѣлград - M. I. Stefanowitsch a Co., Beograd, S. H. S. Poenkareova ul. 36.

„РОДНОЕ СЛОВО“, Лондонъ - „Rodnoye Slovo“, London W. C. 2, 222 Schaftesbury Avenue.

„ВАЛЬТЕРС и РАПА“, Рига - Walters & Rapa, Riga. Teatra laukuma, N 11.

М. М. ДИДКОВСКИЙ, Рига - M. M. Didkowsky, Riga, Audeju iela, N 9.

СОБСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ:

Алексеев Н. Н. Основы философии права	30.—
Бальмонт К. Где мой дом? (Очерки)	12.—
Бальмонт К. Д. Мое — ей. (Стихи).	13.—
Булгаков Вал. Толстой — моралист	5.50
Введенский А., проф. Философские очерки	30.—
Вернадский Г. В., проф. Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX в. в.	15.—
Водовозов В В. Новая Европа	110.—
Гертнер Ф. О. О деньгах и обесценении денег	18.—
Головин Н., ген. Тихоокеанская проблема в XX стол.	35.—
Дионео. Англия после войны	25.—
Дюгамель Ж. Цивилизация и др. рассказы	10.—
«Зашумела, разгулялась» (сборник русских песен)	5.—
Классен Ф. Г. Технология рыбных продуктов	80.—
Лаппо И. И., проф. Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом	20.—
Лапшин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии. Выпуск I	25.—
Лапшин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии. Выпуск II	50.—
Лепешкин В. В., проф. Организм с точки зрения физики и химии	10.—
Лосский Н. О., проф. Сборник задач по логике	20.—
Маракуев С. В. Начальные основания математического анализа	35.—
Нидерле Любор, проф. Быт и культура древних славян	50.—
«Никодим Павлович Кондаков». Сборник статей, посвященных 80-летию со дня его рождения	8.50

Новиков М. М., проф. и *Шкафф Б. А., прив.-доц.* Невидимые друзья и враги животного организма . . . . . 10.—
Платонов, С. Ф., акад. Борис Годунов . . . . . 20.—
Платонов С. Ф., акад. Смутное время . . . . . 20.—
Платонов С. Ф., акад. Учебник Русской истории, ч. I . . . . 30.—
Платонов С. Ф., акад. Учебник Русской истории, Ч. II . . . . 25.—
Право Советской России. Вып. I . . . . . 75.—
Право Советской России. Вып. II . . . . . 70.—
Розенберг В. Из истории русской печати (1863—1918 г.г.) . . . 25.—
Толстой Л. Л., гр. В Ясной Поляне 5.50
Тэффи Н. Вечерний день. Рассказы . . . . . 15.—
Ученые Записки Том I, выпуск I. Философские знания . . . 25.—
Ученые Записки Том I, выпуск II. Историч. и философск. знания 35.—
Ученые Записки Том I, выпуск III. Общественные знания . . 45.—
Ученые Записки Том I, выпуски 1, 2 и 3 (в одной книге) . . . 105.
Францев В. А. Державин у славян . . . . . 30.—
Циммерман, М. А. Очерки нового международного права . . . 50.—
Чапек К. R. U. R. (Rossums Universal Robots) Драма . . 20.—
Шмелев И. С. Неупиваемая чаша и др. рассказы . . . . . 20.—
Шмурло Е. Ф., проф. Введение в русскую историю . . . . . 30.—

ВЫХОДЯТ НА ДНЯХ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бицилли П. М., проф. Очерки историч. науки.
Гончаров И. А. Обрыв.
Ляцкий Е. А., проф. Роман и жизнь. (Биография И. А. Гончарова по новым данным.)
Одинцов Б. Н., проф. Орган. вещества почвы и их влияния на плодородие почвы.
Цветаева М. Молодец. Сказка.

Издательством приняты к печатанию, в числе других, следующие книги:

Аверченко А. Т. Рассказы циника.
Аверченко А. Т. Шутка Мецената.
Агафонов В. К. Земля.
Аничков Е. В., проф. Западные литературы и славянство.
Аполлинер Г. Ересиарх и др. рассказы.
Бицилли П. М., проф. Из истории русского словесного искусства.
Булгаков В. Ф. Глагол неба. (Сборн. стих.).
Вальден П. О. О химических элементах.
Верховский Э. Стихи о Кабене.
Геллер Л. Философский словарь.
Гиппиус З. Н. Живые лица...
Головин Н. Н., ген. Из истории кампании 1914 года на русском фронте.
Головин Н. Н., ген. Авиация в прошл. войне и будущей. Танки.
Головин Н. Н., ген. Современная конница.
Гуер О., проф. Введение в историю чешского языка.
Ефанов. Чешско-русский технический словарь.
Зноско-Боровский Е. В. Современный русский театр.
Карцевский С. И. Русский язык. Справочник по грамматике.
Катеринич Н. В. Русско-итальянский словарь.
Кизеветтер А. А., проф. М. С. Щепкин (артист).
Косинский В. А., проф. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их соц.-эконом. факторы.
«Логос». Философский сборник, кн. I.
Львов Н. В., инж. Паровые котлы.
Мережковский Д. С. Рождение Бога (Тутанкомен на Крите).

Издательство «ПЛАМЯ» PRAHA II., Ječná ulice 32.

Мережковский Д. С. Тайна трех.
Морковина Б. Чешско-русский словарь.
Муратов П. П. Магические рассказы.
Народное искусство подкарпатской Руси.
Новак А. и *Якубец.* История чешской литературы.
Нольде Б. Э. Россия и Европа в XIX веке. (Бисмарк в Петербурге).
Папини Дж. Вечный трагик. Рассказы.
Платонов С. Ф., акад. Лекции по русской истории.
Потемкин П. П. Антология чешской поэзии.
Прецциолини Д. Ж. Итальянская культура.
Ремизов А. М. Зга. Волшебные рассказы.
Ремизов А. М. Пруд. Роман.
Спекторский Е. В., проф. Христианство и культура.
Степун Ф. А. Записки прапорщика.
Стивенсон. Веселые молодцы. Рассказы.
Стратонов В. В. Общедоступная астрономия. Вселенная.
Стратонов В. В. Общедоступная астрономия. Движение земли.
Стратонов В. В. Общедоступная астрономия. Дневное светило.
Стратонов В. В. Общедоступная астрономия. Земля.
Теффи Н. Рассказы, кн. 2.
Ученые Записки. Том II. Математические науки.
Ферреро Гульельмо. Трагедия мира.
Херн Лафкадио. Японские новеллы.
Цаликов А. Брат на брата. Роман
Шмидт-Очаковский. Е. П. Красный адмирал.
Шрейдер Г. И. На рубеже двух эпох.
Эйхенвальд А. А., проф. О молекулах.

«ПЛАМЯ — СЕВЕРНЫЕ ОГНИ»

Форелунд К. Э. Зунзунг и Зингилла. Рассказы . . . . . 12.—

«ВАТАГА - ПЛАМЯ»

Лопатин Л. М. Лекции по истории новой философии . . . . 10.—
Мельгунов С. П. Первые уроки истории. — Древний Восток . . 30.—
Мякотин В. А. Очерки соц. ист. Украины в XVI—XVIII в. т. I, ч. I 48.—
Мякотин В. А. А. С. Пушкин и декабристы . . . . . 6.—
«На чужой стороне». Истор.-литер. сборники под ред. С. П. Мельгунова, при ближ. участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина. Книги I, II, III, IV, V, VI и VII по . . . . . 40.—

ЖУРНАЛЫ И СБОРНИКИ:

Военный Сборник. Кн. 5-я . . . . . 30.—
Воля России. Кн. 14—15-я . . . . . 15.—
Записки Наблюдателя. Кн. 1-ая . . . . . 35.—
Искусство Славян. Вып. IV . . . . . 20.—
Кавказский Горец. № 1 . . . . . 10.—
Казачья Лава. № 4 . . . . . 3.—
Кооперация и Сельское Хозяйство. Кн. 2-я . . . . . 25.—
Крестьянская Россия. Кн. VIII—IX-я . . . . . 20.—
Местное Самоуправление. Вып. I . . . . . 20.—
На Чужой Стороне. Кн. VII-я . . . . . 40.—
Революционная Россия. № 37—38 . . . . . 6.—
Русская Зарубежная Книга. Вып. I, ч. ч. I иII по . . . . . 15.—
Обе части в одной книге . . . . . 30.—
Русская Школа за Рубежом. Кн. 9-я . . . . . 15.—
Современные Записки. Кн. XXI-я . . . . . 32.—
Студенческие Годы. № 5 . . . . . 5.—

Издательство «ПЛАМЯ» PRAHA II., Ječná ulice 32.

Вт 91-3535/33а

Цены разумеются в чешских кронах.

(Одна чешская крона = 3 амер. центам.).

На складе большой ассортимент книг зарубежных и советских изд-ств, постоянно пополняемый книжными новостями.

Громадный выбор учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

ЧЕШСКИЙ ОТДЕЛ: Все новинки чешской литературы, оригинальной и переводной. Большой выбор антиквариата.

НОТНЫЙ ОТДЕЛ: Романсы, оперные арии, русские народные песни, фортепианная литерат. НОТЫ ИЗ РОССИИ.

Склад принимает заказы на все существующие в продаже русские и чешские книги; в случае отсутствия заказываемых книг на главном складе (Пражском) — фирма принимает на себя выписку их от издателей.

В пределах Чехословакии книги могут быть высылаемы наложенным платежом.

При заказах из-за границы деньги надлежит пересылать по адресу склада одновременно с заказом, в любой валюте по курсу дня.

К стоимости книг присчитываются действительные расходы за пересылку и упаковку (около 12% стоимости книг).

При заказе на сумму более 500 чеш. крон. — пересылка за счет склада.

Школам и библиотекам скидка

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И СКЛАД:

Издательств: «Вальтерс и Рапа», «Ватага», «Ватага - Пламя», «Воля России», «УМСА Press Ltd.«, «Наука и Жизнь», «Наша Речь», «Пламя», «Росс.-Болгар. Книгоизд.», «Русское Кооперативное Издательство в Праге», «Северные Огни», «Сотрудник», «Чешско-Русское Издательство А. Несси» и др.
Журналов и Сборников: «Военный Сборник», «Воля России», «Записки Наблюдателя», «Искусство Славян», «Казачий путь», «Казачья Лава», «Кооперация и Сельское Хозяйство», «Крестьянская Россия», «Местное Самоуправление», «На чужой стороне», «Революционная Россия», «Русская школа за рубежом», «Современные записки», «Студенч. Годы» и др.

Каталоги высылаются бесплатно по первому требованию.

Издательство «ПЛАМЯ» PRAHA II., Ječná ulice 32.

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Собирает и приобретает

печатные и рукописные материалы

по истории русского общественного движения, войны, революции, белого движения и эмиграции (газеты, журналы, брошюры, отчеты, протоколы, всевозможные документы, дневники, фотографии, денежные знаки, рисунки, каррикатуры и проч.); принимает на хранение и для разработки архивы ликвидированных учреждений и частных лиц. По соглашению с владельцами могут быть установлены разные ограничительные условия в отношении использования и опубликования материалов и даже ознакомления с ними в течение определенного срока.

Всю свою работу Архив ведет в духе полной научной объективности не преследуя никаких политических тенденций в разработке исторических материалов и соблюдая полную дискретность в отношении материалов, переданных доверительно с представлением гарантий по соглашению с владельцами. Для хранения материалов Архив располагает особо приспособленными помещениями и сейфами. Для разработки материалов организуется ученая комиссия в составе профессоров-историков и специалистов архивного дела. В ряде эмигрантских центров Архив имеет своих агентов и представителей.

АДРЕС: TCHÉCOSLOVAQUIE, PRAHA IV,
Toskánský palác, Archiv ruské emigrace.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

21-я книга

общественно-политического и литературного журнала

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ,

издаваемого при ближайшем участии *Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева.*

(4-й год издания.).

Содержание: 1. *С. Д. Мережковский:* «Тутанкамен на Крите» (Роман). 2. *М. А. Алданов:* «Чертов Мост». 3. *Ф. А. Степун:* «Николай Переслегин». 4. *С. Р. Минцлов:* «Сны Земли». 5. *И. А. Бунин:* I. Дочь. II, 3-е Октября 1917 года. III. Старинные стихи. IV. Встреча. 6. *Мар. Цветаева:* «Евреям» (Стихотвор.). 7. *З. Н. Гиппиус:* «Благоухание седин». 8. *О. О. Грузенберг:* «Поручик Пирогов». 9. *Мар. Цветаева:* «Вольный проезд». 10. *Ф. А. Степун:* Мысли о России. 11. *М. В. Вишняк:* На Родине и на Чужбине. (Программные разногласия). 12. *Ст. Иванович:* Партии Труда и власть. 13. *М. А. Осоргин:* Российские писатели о себе. 14. *С. Э.:* О Добровольчестве. 15. *С. П. Мельгунов:* Жуткая страница. 16. Критические статьи и рецензии проф. *А. А. Кизеветтера,* доц. *Г. Д. Гурвича, М. А. Алданова, Ф. А. Степуна, Ю. Делевского, Г. Ловцкого, А. С. Орлова, Ст. Ивановича, М. Вишняка* и др.

Цена отдельной книги в Париже 15 франков фр.

За границей — долл. амер. 0.96.

Адрес редакции и конторы: **PARIS (16-e) 9 bis, rue Vineuse.**

Генеральное представительство и склад: «Пламя», **Praha II., Ječná 32.**

П 1
543
1924
N16

Республиканско-демократическая газета.

3-й год издания **„ДНИ“** 3-й год издания

Полная информация о русской и иностранной общественно-политической и экономической жизни

Особый отдел: „Литература и искусство“ „Злободневные карикатуры“ „Большой отдел объявлений“

Открыта подписка на 1924 год.

Условия подписки и приема объявлений помещены в каждом номере

Прием подписки для всех стран в главной конторе BERLIN, Friedrichstrasse 204. В отделении конторы для Чехословакии и Балканских государств: PRAHA, Panská 16, Palace Hotel, ком. 5. — В отделении конторы для Франции: PARIS, Rue Vineuse 9 bis. — Для Германии во всех почт. учреждениях.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ.

Центральный орган Партии Социалистов-Революционеров.

№№ 35—36, июнь—июль 1924 г.

Содержание: 1. Передовая. — 2. *Раскрытие провокации.* От заграничной Делегации ПСР. В недрах большевицкой охранки. Продолжатели Судейкина. *В. Чернов.* — 3. *По вопросам программы и тактики.* Пути и задачи нашей молодежи. *Е. Зильберберг.* — 4. *По России.* Положение на Амуре. — 5. *Заграницей.* Заседание Исполкома Рабочего Интернационала в Вене. Речь В. В. Сухомлина. Письмо г-же Северин. — 6. *Партийная жизнь.* Почему умер Сергей? Денежные отчеты фонда помощи заключенным.

Цена отдельного № — 6 крон чешских.

Адрес редакции: Прага I, Uhelný trh č 1.

Ген. представительство: «ПЛАМЯ»: Прага II, Ječná 32.

Вышел и поступил в продажу № 7 сборника

„НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ“

Склад издания „ПЛАМЯ“ Praha II, Ječná 32.

Выходит из печати

НИКОЛАЙ БЕЗПАЛОВ

ИСПОВЕДЬ АГЕНТА ГПУ.

Из-во „ВОЛЯ РОССИИ“. Склад издания „ПЛАМЯ“,

Praha II., Ječná 32.

„VOLIA ROSSII“ - Revue russe, Uhelný trh 1, Prague, Tchécoslovaquie. — Печ. „Легиография“